

**Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Волгоградский государственный университет»**

На правах рукописи

ШАРНО Оксана Игоревна

**ПРАВОВЫЕ СИМВОЛЫ КАК СРЕДСТВА ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ
ТЕХНИКИ**

*12.00.01 – Теория и история права и государства;
история учений о праве и государстве*

**ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание ученой степени
кандидата юридических наук**

Саратов 2014

Содержание

Введение.....	3
Глава 1. Средства правоприменительной техники: теоретико-правовые основы	
§1 Понятие и основные виды правоприменительной техники	15
§2 Анализ средств правоприменительной техники.....	47
Глава 2. Правовые символы в правоприменительной деятельности	
§1 Правовые символы: понятие и значение.....	66
§2 Функции правовых символов в правоприменительной деятельности.....	85
§3 Классификация правовых символов как средств правоприменительной техники.....	97
Глава 3. Значение правоприменительных символов (на примере судебной деятельности)	
§1 Атрибутивно-изобразительные правоприменительные символы.....	104
§2 Знаково-графические правоприменительные символы	120
§3 Процедурно-процессуальные правоприменительные символы.....	131
Заключение.....	149
Список использованной литературы.....	152
Приложения	

Введение

Актуальность темы исследования. Роль символов в правовой системе России на фоне развития высокотехнологичного информационного государства (e-government), трансграничной глобальной информационно-телекоммуникационной сети (Интернет), увеличения объема электронной информации в укоренившемся массиве бумажных носителей, а также скорости ее обработки (производства, передачи, распространения, поиска и получения, построения), неуклонно возрастает. Использование субъектами права информационных ресурсов (электронные библиотеки, справочные системы, архивы, фонды, базы данных и т.п.), коммуникаций (электронная почта, социальные сети и порталы, форумы и др.), технологий в процессе функционирования законодательной, исполнительной, судебной власти демонстрирует качественно новый уровень международной и внутригосударственной коммуникации, предопределяя рост научного интереса к прикладным аспектам теории права: увеличивается количество исследований юридической техники, в том числе активизируется научно-теоретическая проработка таких её видов как законодательная, интерпретационная, правоприменительная.

На фоне целого ряда абсолютно новых явлений и тенденций в праве, значение классических инструментов и средств правового регулирования, в том числе, таких, известных с древнейших времен средств, как правовые символы, не только сохраняется, но и переосмысливается. Правовые символы в правовой системе современной России выступают эффективным средством правовой коммуникации - процесса передачи правовой информации от правотворческого органа через правоприменителя к конкретному индивиду. Учитывая, что в современных условиях становления государства и права к важнейшим свойствам правовой коммуникации относят упорядоченность, определенность, единство понимания передаваемой правовой информации, которая все чаще облачается в электронную форму, обеспечение ее качества, при увеличении скорости и объёмов ее обработки, идентификации, кодиро-

вания, с использованием звука, видео, изображения, мультимедиа, достигается важнейшими формами выражения права, к которым традиционно относят язык, текст, изображение, символы. Последние в качестве формы выражения права, широко используются для разрешения как традиционных, так и новейших задач правового, в том числе индивидуально - правового регулирования, подтверждая свою практическая значимость мировыми тенденциями.

Правовые символы, комбинируя символы различных областей жизнедеятельности (культуры, философии, права) как способы передачи информации в условиях широкого применения информационных коммуникационных технологий обеспечивают легитимность правового регулирования; гласность, открытость, доступность и качество правовой коммуникации, кроме того, правовые символы как наглядные средства экономии правового воздействия способствуют снятию информационного (прежде всего текстового) перегруза. Наиболее ярко назначение правовых символов проявляется в правоприменительной деятельности правовой системы России. Именно поэтому, правовые символы все больше используются как эффективные средства ее совершенствования. Указанные аспекты актуальны и повышают значимость исследований правовых символов как средств правоприменительной техники в современной отечественной юридической науке.

Степень научной разработанности темы. Избранная тема охватывает обширный теоретический материал, однако достаточной теоретико-практической разработки не получила. Самостоятельное исследование, посвященное рассмотрению правовых символов как средств правоприменительной техники в юридической литературе, действующем законодательстве Российской Федерации, и в правоприменительной практике отсутствует. Достаточно дискуссионными остаются вопросы определения понятия правоприменительной техники, выявления сущности и значения правовых символов в правоприменительной деятельности правовой системы Российской Федерации, не сформулировано понятие правоприменительных символов, не

обосновано значение правоприменительных символов в правоприменительной судебной деятельности.

Преимущественно исследование символов, в т.ч. правовых сосредоточено в рамках общеправовых, политико-социологических и правовых тенденций различной периодизации и достаточно широкой и проблематики.

Так, сущность и предназначение символа в философском его понимании изучены А. Белым, Э. Кассирером, А.Ф. Лосевым, М.К. Мамардашвили, А.И. Пигалевым, А.М. Пятигорским, К.А. Свасьяном, К.Г. Юнгом и др.; политико-социологическая специфика символов отражена П.А. Баклановым, Т.Н. Быковой, К.С. Гаджиевым, А.Ю. Глушаковым, Н. Салминым, Ю.П. Теном, и др.; проблематика правовой символики легла в основу исследований А.В. Никитина, С.В. Санникова, В. Речицкого, П.Д. Шалагинова, и др.

Проблематика применения права отражена в работах В.К. Бабаева, Е.В. Васьковского, Н.Н. Вопленко, Ю.Х. Калмыкова, П.Е. Недбайло и др.; различным аспектам правового регулирования посвящены исследования С.Н. Братуся, В.М. Горшенева, Ф.Н. Фаткуллина, Л.С. Явича; теоретико-правовой анализ индивидуального правового регулирования отражен в работах И.А. Минникеса, Ю.А. Тихомирова; исследование правоприменительной деятельности проводилось Н.В. Ковлаком, С.А. Коробовым, А.П. Рожновым и др.; особенности судебного правоприменения выявлены А.В. Аверинным, Е.И. Волковым, П.А. Гуком, В.А. Новицким, Р.Р. Рафиковым и др.; вопросам реализации права посвящены труды Л.Н. Завадской, М.К. Маликова, Ю.С. Решетова, и др.

Вопросам юридической техники посвящены научные работы В.М. Баранова, Н.А. Власенко, М.Л. Давыдовой, Р. Иеринга, В.Н. Карташова, Т.В. Кашаниной, А.Н. Миронова, Г.И. Муромцева, О.Г. Соловьева, Л. Успенского, А.А. Ушакова, и др.; проблематика техники правотворчества легла в основу исследований Х.Э. Бахчисарайцева, В.В. Богишича,

С.А. Боголюбова, Л.М. Бойко, Н.Л. Брауде, Д.А. Керимова, С.В. Липеня, А. Нашиц, В.С. Нерсисянца, А.С. Пиголкина и др.

Различные аспекты правоприменительной техники и технологии освещены в работах А.Н. Илясова, И.В. Колесник, А.С. Логинова, В.В. Мамчуна, С.В. Радаевой, А.А. Тенетко, и др.; специфике правовых средств посвящены работы С.С. Алексеева, А.В. Малько и др.

Объектом исследования выступают общественные отношения, возникающие в области практического использования правовых символов в правоприменительной деятельности.

Предмет исследования составляют теоретические аспекты техники применения правовых символов; понятие, виды, функции правовых символов; понятие, виды правоприменительных символов, их сущность и значение в правоприменительной деятельности.

Цели и задачи диссертационного исследования. Цели диссертационного исследования заключаются в формировании комплексной теоретико-правовой концепции правовых символов как средств правоприменительной техники, а также определении роли и значения правовых символов в правоприменительной деятельности правовой системы России (на примере судебного правоприменения).

Для достижения указанных целей поставлены следующие *задачи*:

– систематизировать основные подходы к определению понятия правоприменительной техники, предложить классификационные основания правоприменительной техники;

– проанализировать средства правоприменительной техники, обозначив их место и назначение;

– обосновать существующие подходы к определению понятия правовых символов, выделить их признаки и значение в правовой системе;

– обозначить функции правовых символов в правоприменительной деятельности;

- предложить авторскую классификацию правовых символов как средств правоприменительной техники;
- выявить специфику и назначение атрибутивно-изобразительных правоприменительных символов;
- определить роль знаково-графических правоприменительных символов;
- выявить тенденции процедурно-процессуальных правоприменительных символов.

Методологическую основу исследования составили метод диалектики, общенаучные (индукции и дедукции, логического анализа и синтеза, абстрагирования и восхождения от абстрактного к конкретному) и частные (структурно-функциональный, конкретно-исторический, институциональный) методы познания, а также специальные методы, применяемые в юриспруденции (формально-юридический и правового «моделирования»). Своеобразие предмета исследования предопределило применение системного подхода к изучению значения правовых символов в правоприменительной деятельности. Использование структурно-функционального подхода позволило раскрыть сущность правовых символов и присущие им признаки, определить их место в правовой системе Российской Федерации, увидеть внешние формы их проявления, обозначить, каким образом правовые символы влияют на эффективность правоприменительной деятельности.

Теоретической основой исследования являются общетеоретические и специально-отраслевые работы как философского, так и политико-социологического научного направления: П.А. Бакланов, А.Белый, Г. Бидерманн, К.С. Гаджиев, А.Ю. Глушаков, Е.В. Ермилова, Э. Кассирер, А.Ф. Лосев, М.К. Мамардашвили, А.М. Пятигорский, А.И. Пигалев, К.А. Свасьян, Ю.П. Тен и др., – а также теоретиков государственно-правовой области исследований: С.С. Алексеев, В.М. Баранов, Н.Н. Вопленко, П.А. Гук, М.Л. Давыдова, А.Н. Илясов, В.Н. Карташов, Т.В. Кашанина,

А.С. Логинов, А.В. Малько, В.В. Мамчун, И.А. Минникес, Г.И. Муромцев, А.В. Никитин, В.М. Паламарчук, Р.Р. Рафиков, В.В. Речицкий, Ю.С. Решетов, Ю.А. Тихомиров, П.Д. Шалагинов и др.

Эмпирическую базу исследования составили Конституция Российской Федерации 1993 г., федеральные конституционные законы (№ 1-ФКЗ от 07 февраля 2011 г. «О судах общей юрисдикции в Российской Федерации»; № 1-ФКЗ от 25 декабря 2000 г. «О государственном флаге РФ»; № 2-ФКЗ от 25 декабря 2000 г. «О Государственном гербе РФ»; № 1-ФКЗ от 23 июня 1999 г. «О военных судах Российской Федерации»; № 1-ФКЗ от 31 декабря 1996 г. «О судебной системе Российской Федерации»; № 1-ФКЗ от 24 июля 1994 г. «О Конституционном суде Российской Федерации»); положения арбитражно-процессуального, гражданского процессуального, уголовно-процессуального кодексов и кодекса об административных правонарушениях; федеральные законы (№ 102-ФЗ от 24 июля 2002 г. «О третейских судах в Российской Федерации»; № 3-ФЗ от 07 февраля 2011 г. «О полиции»; № 63-ФЗ от 06 апреля 2011 г. «Об электронной подписи»; № 403-ФЗ от 28 декабря 2010 г. «О следственном комитете Российской Федерации»; № 193-ФЗ от 27 июля 2010 г. «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)»; № 262-ФЗ от 22 декабря 2008 г. «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации»; № 68-ФЗ от 07 мая 2007 г. «О Знамени Победы»; № 149-ФЗ от 27 июля 2006 г. «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»; № 113-ФЗ от 20 августа 2004 г. «О присяжных заседателях федеральных судов общей юрисдикции в РФ»; № 63-ФЗ от 31 мая 2002 г. «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ»; № 118-ФЗ от 21 июля 1997 г. «О судебных приставах»; № 2202-1 от 17 января 1992 г. «О прокуратуре Российской Федерации»); законы (в том числе № 3132-1 от 26 июня 1992 г. «О статусе судей в Российской Федерации»); подзаконные нормативные правовые акты.

Эмпирическая основа исследования охватывает также материалы судебной практики, статистические данные, аналитические материалы, касающиеся темы работы; а также нормативные правовые акты, в т.ч. утратившие юридическую силу.

Научная новизна диссертационной работы состоит в том, что на основании выполненных исследований:

- сформулирован целый ряд новых и содержащих элементы новизны положений, касающихся понятия, видов правоприменительной техники, ее средств и места правовых символов среди них, функций правовых символов правоприменительной деятельности;

- предложена авторская классификация правовых символов как средств правоприменительной техники, систематизация основных подходов к определению понятия правоприменительной техники;

- введена в научный оборот авторская трактовка атрибутивно-изобразительных, знаково-графических и процедурно-процессуальных правоприменительных символов, их значение в правоприменительной деятельности (на примере судебного правоприменения).

Результатом проведенного исследования являются следующие положения, обладающие научной новизной и выносимые на защиту:

1. Раскрывается основное значение символов как средств правоприменительной техники, заключающееся в их способности обеспечить эффективность правовой коммуникации, за счет экономии правового воздействия, выраженного в доведении глубокого смыслового и нормативного содержания до адресата в кратчайшие сроки в доступной для восприятия форме.

2. Систематизируя основные подходы к определению понятия правоприменительной техники; уточняется определение юридической техники (совокупность методов, способов, правил, приемов и средств (статика), применяемых в юридической деятельности (динамика) с целью ее совершенствования; выделяются признаки правоприменительной техники (профессио-

нальная государственно – властная техника уполномоченных на то субъектов; используется при осуществлении правоприменительной деятельности; направлена на совершенствование индивидуально-правового регулирования; обеспечивает совершенствование правоприменительной деятельности при помощи юридико-значимых правовых средств); вводится авторское определение правоприменительной техники, под которой понимается совокупность юридико-значимых средств (статика), получивших правовую регламентацию и используемых для совершенствования правоприменительной деятельности (динамика).

3. Предлагаются классификационные основания деления правоприменительной техники по следующим критериям: по специфике юридической профессии – на судебную, следственную, прокурорскую, фискальную, публично-административную, адвокатскую, нотариальную, медиационную; по субъектам правоприменительной деятельности – на технику судьи, следователя, дознавателя, судебного пристава, адвоката, нотариуса; по правоприменительным стадиям – на технику административного, претензионного урегулирования, досудебную (следственную и медиационную), судебную, исполнительную техники; по отраслевому признаку – на технику применения уголовного, административного, гражданского, семейного, налогового права; по видам судопроизводства – на технику приказного, искового, особого производства, технику апелляционного, кассационного, надзорного производства. Представленное видовое многообразие правоприменительной техники не является исчерпывающим, хотя далеко не все классификации допустимы (так, правоприменительная техника не может быть классифицирована по степени властности ввиду ее властной сущности).

4. Предлагается анализировать средства правоприменительной техники, опираясь на выводимый из сущности правового регулирования трехуровневый элементный состав юридической техники (методы, способы, правила, приемы и средства): социальный, правовой, индивидуально-правовой. Отсюда, в состав правоприменительной техники, обеспечивающей

эффективность индивидуально-правового регулирования, следует включать преимущественно правовые средства, т.е. правовые инструменты, предметы, явления, рассматриваемые не столько с позиции нужд юридической практики, сколько в ракурсе их функционального предназначения. В этой связи правовые символы как наиболее эффективные средства правового воздействия признаются особым, отвечающим тенденциям становления информационного государства и общества, средством правоприменительной техники.

5. Понятие правового символа формулируется посредством анализа символической реальности, где символ как всеобщее проявляется в частности, содержательно обнаруживая наличие следующих составляющих: знака, метафоры, образа, аллегии, понятия, явления, типа, сравнения, олицетворения, мифа, архетипа, эмблемы. Многообразно наполненная символическая реальность, где наряду с правовыми действуют политические, моральные, религиозные, исторические, культурные и иные виды социальных символов, обеспечивает не столько эффективность познания окружающей действительности (искусства, религии, философии, истории, политики, права), сколько необходимые обществу информационные коммуникации. При этом природа символа в частных проявлениях не меняется, но разноплановая действительность накладывает характерный отпечаток на его функциональную направленность и значение (фамильный герб семьи представляет иное значение, чем герб государства, гимн как музыкальное произведение символически значимо отличается от гимна государства). Следовательно, область использования символов разнопланова, а предикат «правовой» указывает на сферу применения символа и демонстрирует символы как непосредственно закрепленные в праве, так и признаваемые государством и применяемые в юридической практике.

6. Формулируется понятие правового символа в контексте правоприменительной деятельности, осуществляемой в условиях становления и развития информационного государства: правовой символ есть наглядное средство

формализации правовой информации, используемое с целью экономии правового воздействия, снижения текстового перегруза, демонстрации правового значения в ракурсе правовой коммуникации, под которой понимается процесс передачи правовой информации от правотворческого органа через правоприменителя к конкретному индивиду.

7. Выявляются функции правовых символов в правоприменительной деятельности: интеграция, унификация, универсализация, где интеграция есть такое воздействие, которое направлено на достижение внутреннего единства правоприменения, обеспечивающего его эффективность; унификация есть такое воздействие, которое направлено на обеспечение рационального единообразия правоприменительной деятельности в условиях повсеместной информатизации; универсализация есть синтез интеграционных и унификационных процессов, обеспечивающий достижение эффективности правоприменения в условиях глобализации.

8. Обосновывается наименование «правоприменительные символы» в отношении правовых символов, используемых в правоприменительной деятельности, которые предлагается различать по их назначению, выделяя:

– атрибутивно-изобразительные правоприменительные символы, под которыми понимаются наглядно-изобразительные предметные образы и атрибуты (флаг, герб, гимн, статуя Фемиды, мантия, молоток и весы правосудия и другие); их значение раскрывается в обеспечении эффективности правовой коммуникации посредством экономии правового воздействия на индивиду;

– знаково-графические правоприменительные символы, под которыми понимаются условные образы, изображения, используемые для передачи того или иного смысла (клятвы, речь, дорожные знаки, электронная подпись, ГАС «Правосудие», официальное опубликование нормативных правовых актов на «Официальном интернет-портале правовой информации», интерактивные карты, видеоконференц-связь и др.); их значение раскрывается в

обеспечении качества передачи правовой информации, скорости обработки данных;

– процедурно-процессуальные правоприменительные символы, под которыми понимается устойчивая и целенаправленная последовательность взаимосвязанных действий по использованию наглядно-изобразительных предметных образов и атрибутов, условных образов и изображений (ритуал правосудия, инаугурация, присяга); их значение раскрывается в обеспечении действенности атрибутивно-изобразительных и знаково-графических правоприменительных символов в динамике, а также качества правовых коммуникаций за счет создания возможности внушения индивиду необходимости совершения определенных действий, создания ориентира должного поведения.

Научное и практическое значение диссертационное работы. Содержащиеся в исследовании выводы способствуют раскрытию значения правовых символов как средств правоприменительной техники, обозначению тенденций правоприменительной деятельности в условиях повсеместной информатизации, что способствует повышению качества правоприменительной деятельности в Российской Федерации, а также совершенствованию действующего законодательства. Выводы и предложения диссертационного исследования могут применяться в дальнейшей научной разработке таких разделов теории государства и права как: правоприменение, механизм индивидуально-правового регулирования, юридическая техника, правоприменительная техника, в преподавании учебных дисциплин «Теория права и государства», «Юридическая техника», а также быть использованы при выработке правовой политики в сфере правоприменительной деятельности Российской Федерации, в процессе совершенствования судебного правоприменения.

Апробация результатов исследования осуществлена в порядке их обсуждения и одобрения на заседаниях кафедры теории и истории права и государства, кафедры конституционного и муниципального права ФГАОУ ВПО «Волгоградский государственный университет», а также в процессе

участия в международных, всероссийских и межрегиональных научно-практических конференциях.

Диссертация является логическим завершением работы автора, основные положения которой нашли отражение в двадцати семи научных публикациях общим объемом более 7,5 п.л.

Структура диссертационного исследования обусловлена его целью и задачами, а также логикой поставленной проблемы. Работа состоит из введения, трех глав, включающих восемь параграфов, заключения, списка использованных правовых источников и литературы, приложений.

**Глава 1. Средства правоприменительной техники:
теоретико-правовые основы**
§1 Понятие и основные виды правоприменительной техники

Сложившаяся в эпоху модернизации и внедрения инновационных процессов российская правореализационная практика отличается сложностью технико-юридического сопровождения происходящих в государстве и обществе правовых процессов и явлений. Это порождает стремительное развитие и повсеместное признание научно-прикладных аспектов не только теории права и государства, но и смежных с ней наук. К первым можно с уверенностью отнести юридическую технику как достигшее теоретического обоснования искусство обработки правового материала, к последним причислить юридическую психологию¹ и юрислингвистику². Содержание указанных исследовательских направлений подтверждает то, что модернизация правовых явлений базируется на технической составляющей юридической деятельности. Следовательно, технико-юридические аспекты права – действенный инструмент его развития, что предопределяет укрепление теоретико-методологических позиций юридической техники.

Существующее смысловое многообразие определений *юридической техники* фокусируется как правило в *трех функционально-значимых проявлениях*.

¹ Проблематика юридической психологии выражается в «психологии нормативно-правовой регуляции, психологическом обеспечении правоприменительной деятельности, правотворчества, в правовом сознании как источнике правовой активности людей и внутреннем регуляторе их юридически значимого поведения» (Петруня О. Э. Юридическая психология. М., 2007. С. 6).

² Юрислингвистика – наука, формирующаяся на стыке права и лингвистики, направленная на выявление проблематики стиля и содержания юридических документов. Данному научно-исследовательскому направлению деятельности юристов и филологов в последнее время уделяется все больше внимания, что подтверждается опубликованными результатами исследований, например в серии журналов «Юрислингвистика» (Информационный сайт Сибирской ассоциации лингвистов-экспертов [Электронный ресурс]. URL: <http://siberia-expert.com/>).

В научном юридическая техника, позиционируясь как наука ³, все чаще становится самостоятельной дисциплиной и используется под разными наименованиями: «юридическая техника», «нормотворческая техника», «законодательная техника», – возрождая интерес к герменевтике, предопределяя развитие новых отраслей научного знания – например, юрислингвистики, проявляющейся в развитии деятельности «юридических клиник» по искусству составления, толкования и применения юридических документов ⁴.

В практико-ориентированном плане юридическая техника – это преимущественно инструментарий практической, прикладной юридической деятельности, например, соответствующих процессов и процедур по выработке текста нормативно-правового ⁵ и правоприменительного акта, то есть по совершенствованию процедурно-процессуальных аспектов юридической деятельности.

В научно-практическом (методологическом) плане юридическая техника рассматривается интегрированно, как совокупность средств совершенствования юридической деятельности и научно-познавательных средств, позволяющих такую деятельность изучить.

В традиционном понимании *«юридическая техника – это система профессиональных юридических правил и средств, используемых при составлении правовых актов и осуществлении иной юридической деятельности в сферах правотворчества, правоинтерпретации, властной и невластной реализации права, обеспечивающих совершенство его формы и содержания»*⁶.

³ В своем завершенном виде такая точка зрения была выражена Л. Успенским, который полагал, что юридическая техника полностью поглощает собой предмет общей теории права. См.: Успенский Л. Очерки по юридической технике. Ташкент, 1927.

⁴ Денисов Г. И. Юридическая техника: теория и практика // Журнал российского права. 2005. № 8. С. 32–40.

⁵ См.: Бойко Л. М. Совершенствование законодательной техники в условиях ускорения социально-экономического развития советского общества. Ташкент, 1988 ; Бахчисарайцев Х. Э. О законодательной технике и о языке нормативных актов // Правоведение. 1960. № 4. С. 3.

⁶ Давыдова М. Л. Юридическая техника: проблемы теории и методологии. Волгоград, 2009. С. 50.

Указанное позволяет выделить следующие свойства юридической техники:

а) *статичность*: выражена в том, что юридическая техника представляет совокупность методов, средств, «...правил, приемов и способов»⁷ – «общесоциальных, специально-юридических и технических средств»⁸, необходимых для совершенствования права в целом и юридической деятельности в частности;

б) *динамичность*: отражает прикладной характер содержательного элементного состава юридической техники, предопределяя ее «относительно самостоятельное значение в системе правоправедения»⁹.

Соответственно, юридическая техника должна пониматься в статическом и динамическом аспектах. *С одной стороны*, юридическая техника по своей природе динамична, и именно динамика придает ей богатое по содержанию наполнение, позволяя обеспечивать динамизм права, отвечая тенденциям политико-правовых изменений; *с другой стороны*, юридическая техника при определенных условиях статична, фундаментальна, и именно статика позволяет рассмотреть конкретные инструменты юридической техники вне их привязки к определенному виду деятельности, позволяя тем самым выделить ее элементный, содержательный состав и обеспечить прочный фундамент постоянно меняющейся юридической деятельности.

Так, юридическая техника как статичная совокупность перечисленных выше инструментов (правила построения правовых и правоприменительных актов, «их рассмотрения, принятия и обнародования»¹⁰, юридические конструкции подготовки, составления, оформления любых юридических доку-

⁷ Черданцев А. Ф. Толкование права и договора. М., 2003. С. 366.

⁸ Карташов В. Н. Юридическая техника, тактика, стратегия и технология (к вопросу о соотношении) // Проблемы юридической техники : сб. ст. / под ред. д-ра юрид. наук, проф. В. М. Баранова. Н. Новгород, 2000. С. 20.

⁹ Керимов Д. А. Проблемы законодательной техники // Международное и национальное уголовное законодательство: проблемы юридической техники. Материалы III Междунар. науч.-практ. конф., состоявшейся на юрид. фак. МГУ им. М. В. Ломоносова, 29–30 мая 2003 г. М., 2004. С. 16–19.

¹⁰ Шутак И. Д. Теория и практика оговорок в праве: Система понятий : Терминологический словарь. СПб., 2001. С. 8.

ментов с последующим их претворением в жизнь, модели систематизации правовых актов, регламенты процессов и процедур, правовые символы юридических ритуалов и т. п.) проявляет себя в динамике юридической деятельности.

Помимо перечисленных черт юридической техники, следует говорить о наличии *ее формы и содержания*. Презюмируя теоретическую соотносимость формы и содержания, формой юридической техники являются конкретные действия и документы, а содержанием – их качественное наполнение, что в совокупности демонстрирует прикладной аспект юридической деятельности.

Указанное, позволяет принять за основу следующие признаки юридической техники ¹¹:

- а) это профессиональная техника;
- б) используется при осуществлении юридической деятельности;
- в) охватывает как публичную, так и частно-правовую сферы;
- г) обеспечивает совершенство права по форме и содержанию.

Выделение данных признаков ложится в основу формулировки понятия «юридическая техника». Так, *юридическая техника* (авт. опред.) – это совокупность методов, способов, правил, приемов и средств (статика), применяемых в юридической деятельности (динамика) с целью ее совершенствования. При этом динамика юридической техники, на наш взгляд, выражена таким понятием, как *юридическая технология* (авт. опред.), которую обозначим как способы применения инструментария юридической техники.

В современных условиях развития права и государства акцент ставится не столько на правотворчестве, сколько на реализации правовых норм, что подтверждает необходимость совершенствования правоприменительных процессов.

Действительно, стремление к обеспечению гарантий защиты прав и свобод граждан, торжества правосудия, признание верховенства права и за-

¹¹ Давыдова М. Л. Юридическая техника: проблемы теории и методологии. С. 50.

кона на фоне правового нигилизма и роста нарушений законности не всегда способствуют решению стоящих перед правовым государством задач. В подобных условиях именно эффективное правоприменение, и в большей степени судебное, способно обеспечить «обратную связь – от общества к правосознанию и нормативной модели»¹².

Именно этим объясняется смещение отраслевого акцента в современных исследованиях юридической техники в сторону повышения качества техники реализации правовых норм. И если в советский период развития права нормотворчество являлось преобладающим рычагом регулирования общественных отношений, обусловленным позитивной теорией права, что предопределяло развитие преимущественно законотворческой техники, то современное правовое развитие идет по пути повышения качества правореализации, правоприменения, выдвигая на новый уровень правоприменительную технику, обосновывая распространение исследований «судебного нормотворчества»¹³.

Правоприменительная техника – достаточно новое направление юридической техники, получившее развитие и распространение в качестве ее вида. *Назначение правоприменительной техники* проявляется в обеспечении успешной «реализации»¹⁴ воли государства, объективно выраженной в системе правовых норм, которые «хранятся и доводятся до сведения всех заинтересованных субъектов»¹⁵. В современных политико-правовых реалиях эта задача решается, на наш взгляд, посредством инструментария правоприменительной техники, представленного в форме правоприменительных актов – взаимосвязанных «актов-документов (формы содержания и закрепления волеизъявления) и актов-действий (деятельности по реализации волеизъявле-

¹² Правоприменение: теория и практика / отв. ред. Ю. А. Тихомиров. М., 2008. С. 6.

¹³ Гук П. А. Судебная практика как форма судебного нормотворчества в правовой системе России: общетеоретический анализ : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2012. 50 с.

¹⁴ Учитывается наличие двух форм реализации права: опосредованной (применение права) и непосредственной (исполнение, использование и соблюдение) Подробнее см.: Решетов Ю. С. Реализация норм советского права: Системный анализ. Казань, 1989.

¹⁵ Чигидин Б. В. К вопросу о понятии юридической техники // Представительная власть XXI век: законодательство, комментарии, проблемы. 2002. № 5-6 (47-48).

ния)»¹⁶. Иначе говоря, правоприменительная техника – это совокупность инструментов, которыми обеспечивается деятельность субъектов правоприменения (акты-действия) по вынесению правоприменительных актов (акты-документы), то есть правоприменительная техника, помимо указанного, обеспечивает индивидуальное правовое регулирование.

Природа правового регулирования, осуществляемого при помощи права и всей совокупности правовых средств, состоит в определенном юридическом воздействии на общественные отношения, способствуя их развитию, охране и вытеснению устаревших отношений¹⁷. «Это такой вид правового воздействия, при котором влияние на поведение участников общественных отношений осуществляется с помощью специальных юридических способов и средств»¹⁸.

«Теория правового регулирования прошла сложный путь становления и развития в российской юридической науке»¹⁹, который условно можно разделить на два 2 этапа²⁰.

I этап – становление основ теории правового регулирования в трудах российских юристов (Н.М. Коркунов, Г.Ф. Шершеневич, Е.Н. Трубецкой, С.А. Муромцев и др.) конца XIX – начала XX века.

Выделим его существенные *особенности*: термин «правовое регулирование» не использовался, но был сформулирован ряд положений, без которых представить современное правовое регулирование просто невозможно, к которым относятся: правовой порядок (С.А. Муромцев), определение права как порядка, регулирующего отношения отдельных лиц в обществе (Е.Н. Трубецкой), юридическое отношение (Н.М. Коркунов), закон как форма права, судебная практика (Г.Ф. Шершеневич).

¹⁶ Чигидин Б. В. К вопросу о понятии юридической техники.

¹⁷ Алексеев С. С. Механизм правового регулирования в социалистическом обществе. М., 1966.

¹⁸ Минникес И. А. Индивидуальное правовое регулирование: проблемы теории и практики. Иркутск, 2008. С. 27.

¹⁹ Там же. С. 8.

²⁰ Там же. С. 8–18.

II этап – развитие теории правового регулирования в советской и современной российской юридической науке.

Его отличительными *особенностями* являются следующие: на основе общей теории права создается теория правового регулирования общественных отношений, поднимается вопрос об индивидуальном правовом регулировании (П.С. Стучка, С.Н. Братусь, Л.С. Явич, С.С. Алексеев, В.М. Горшенев, Ф.Н. Фаткуллин и др.)

Отсюда, можно заключить, что механизм правового регулирования представляет собой систему правовых средств, при помощи которых осуществляется правовое воздействие на общественные отношения, и включает в себя следующие *элементы*: нормативную основу, нормативные акты, правоотношения, индивидуальные акты, правосознание и правовую культуру, при этом «остается открытым вопрос о связях, взаимном влиянии названных элементов и об их “перемещения”, о динамике познавательных и процедурных аспектов регулирования»²¹.

Индивидуальное правовое регулирование – это один из видов правового, нередко противопоставляемый другому его виду – нормативному²². Однако если «правовое регулирование анализируется как бы “вслед” за анализом сущности, принципов, роли права и представляет собой более широкую категорию – совокупность средств правового воздействия»²³, именуясь иначе, государственным или централизованным, то индивидуальное правовое регулирование по своей природе и содержанию является децентрализованным. На наш взгляд, указанные разночтения в части «нормативности – централизованности» и «индивидуальности – децентрализованности» практически не целесообразны, а поэтому будем придерживаться устоявшейся в науке тер-

²¹ Тихомиров Ю. А. Правовое регулирование: теория и практика. М., 2010. С. 15.

²² Пьянов Н. А. Уровни правового регулирования // Актуальные проблемы правотворчества и правоприменительной деятельности в России : материалы науч.-практ. конф. Иркутск, 1998. С. 3–4.

²³ Тихомиров Ю. А. Правовое регулирование: теория и практика. С. 15.

минологии, разграничивая *правовое регулирование* на *нормативное* и *индивидуальное*.

Это объяснимо тем, что обе представленные разновидности характеризуются *общими чертами*: отношения между субъектами права; характерная специфичность регулятора общественных отношений, а именно права; правомерная деятельность, носящая волевой характер, обеспеченность правовой защитой²⁴.

При этом *индивидуальное правовое регулирование* все же имеет ряд *характерных черт*: является видом правового регулирования и содержит родовые признаки последнего, служит его продолжением; заключается во властной деятельности уполномоченных на то органов и должностных лиц по разрешению конкретных персонифицированных юридических вопросов на основе действующих правовых норм и в соответствии с ними²⁵; предоставляет возможность субъектам права действовать самостоятельно; ограничивается пределами, установленными законодателем; основано на принципах права, при процедурно-процессуальном закреплении²⁶.

Следовательно, *индивидуальное правовое регулирование* – это «такое правовое воздействие на общественные отношения, которое связано с установлением, изменением или прекращением юридических прав и обязанностей их участников в индивидуальном порядке, направлено на урегулирование конкретных ситуаций, требующих юридического разрешения, и осуществляется путем совершения односторонних, правомерных юридически значимых действий или заключения договоров, либо властной правоприме-

²⁴ Минникес И. А. Индивидуальное правовое регулирование: проблемы теории и практики. С. 29.

²⁵ Фаткуллин Ф. Н., Фаткуллин Ф. Ф. Проблемы теории государства и права. Казань, 2003. С. 136.

²⁶ За основу взят вопрос соотношения централизованного и децентрализованного правового регулирования, обоснованный Т. В. Кашаниной. См.: Кашанина Т. В. Соотношение централизованного и децентрализованного правового регулирования // Правоведение. 1991. № 4. С. 56.

нительной деятельности уполномоченных субъектов, в процессе которого создаются индивидуальные правовые акты»²⁷.

Помимо указанных форм регулирования, существуют социальное регулирование, представленное социальными нормами – общепринятыми правилами поведения, в т.ч. нормами морали, обычаев, традиций, символов. Первые являются основными, последние – вспомогательными, и направлены прежде всего на регуляцию тех отношений, которые не урегулированы в нормативном или индивидуальном порядке (пробел) или не допускают правового регулирования.

На примере регулирования общественных отношений наиболее показательным можно раскрыть, как и с помощью каких средств юридической техники осуществляется правовое в целом и нормативное и индивидуальное правовое регулирование в частности. Исходя из определения юридической техники, представленного ранее, можно сказать, что *правовое регулирование* обеспечивается системой средств, при помощи которых осуществляется правовое воздействие на общественные отношения. При этом если нормативное регулирование, базирующееся на нормотворчестве, обеспечивается соответствующей совокупностью средств юридической техники, то индивидуальное правовое регулирование опирается прежде всего на специфический инструментарий, выбор средств которого зависит от сферы частного (негосударственного, договорного индивидуального правового регулирования) или публичного (властного индивидуального правового регулирования) права. Указанное разграничение объясняется несовместимостью способа управленческого воздействия, ведь в первом случае речь идет о договорном, частном праве, во втором – о правоприменении. В этой связи представляется необходимым раскрыть сущность и того, и другого на предмет соответствующего инструментария.

²⁷ Минникес И. А. Индивидуальное правовое регулирование: проблемы теории и практики. С. 36.

«Применение на практике законов заключается в подведении или силлогизме (большая посылка – законодательные нормы, малая посылка – фактические обстоятельства конкретного случая, заключение – ответ на возникший и подлежащий разрешению юридический вопрос) частных случаев жизни под предусматривающие их в общей форме постановления»²⁸.

Анализ существующих дискуссий позволяет выявить наиболее актуальные и дискуссионные *особенности правоприменения*.

Во-первых, правоприменение есть одна из форм реализации права²⁹, при этом сопоставлять его по значимости с другими формами реализации права (исполнением, соблюдением, использованием) теоретически и методологически вряд ли оправданно. Отсюда, правоприменение – «тесно связанная, но не совпадающая с соблюдением, исполнением и использованием форма реализации права»³⁰. Отметим, что сложность в указанном сопоставлении вызвана тем, что одни исследователи к формам реализации права относят соблюдение, использование и применение, другие ограничиваются широким толкованием сущности правоприменения³¹, включающим комплексное объединение толкования, правоприменения, систематизации и контроля под общим знаменателем (например, правоприменитель перед вынесением решения прибегает к толкованию, для организации эффективного правоприменения судебная практика систематизируется, а для обеспечения качества правоприменения и правосудия исполнение вынесенных правоприменителем решений контролируется).

Поэтому *правоприменение – это особая форма правореализации*, ведь именно указанное сквозное предназначение наделяет его некоторым пре-

²⁸ Васильковский Е. В. Руководство к толкованию и применению законов : Для начинающих юристов [Электронный ресурс]. М., 1913. URL: www.miigaik.ru/prav.miigaik.ru/.../20110216182856-6167.doc.

²⁹ Вопленко Н. Н. Очерки общей теории права. Волгоград, 2009. С. 410–444 ; Правоприменение: теория и практика. С. 26 ; Решетов Ю. С. Реализация норм советского права: Системный анализ. С. 97.

³⁰ Вопленко Н. Н. Очерки общей теории права. С. 398.

³¹ Тихомиров Ю. А. Правовое регулирование: теория и практика. С. 316.

имуществом по отношению к иным формам правореализации, наличие которых, на наш взгляд, отрицать нельзя.

Во-вторых, правоприменение – это государственно-властная деятельность уполномоченных на то субъектов, издающих индивидуально-правовые предписания по реализации законодательства и обеспечению соответствующих прав. Так, с одной стороны, одним из основных признаков правоприменения следует считать государственно-властный характер деятельности субъектов. С другой стороны, в правоприменении мы наблюдаем наличие властности. Следовательно, правоприменение – это государство и власть. Проведенный анализ однозначно позволяет признать государственно-властный характер правоприменительной деятельности. При этом стоит отметить, что теоретическое положение о государственно-властном характере правоприменения сегодня вновь становится актуальным, хотя и не оспаривается. Это связано с тем, что развитие частно-правового сектора экономики, негосударственных организаций, транснациональных корпораций ставят перед теорией правоприменения новые задачи, поэтому некоторыми учеными позиция исключительно государственно-властного правоприменения отрицается³², ведь есть сферы деятельности, пусть и не государственные по сущности и содержанию, но обнаруживающие признаки властности. Этим характеризуется, например, правовое регулирование управленческой сферы негосударственных организаций и юридических лиц. Конечно же, следует признать, что некоторые процедуры индивидуально-правового регулирования частной сферы (заключение договоров, правовые акты руководителей организаций, принятие учредительных документов и т. п.) властным характером обладают, однако причислять их к государственно-властной правоприменительной деятельности вряд ли оправданно. В указанном, безусловно, есть рациональное

³² Недбайло П. Е. Применение советских правовых норм. М., 1960. С. 137 ; Венгеров А. Б. Теория государства и права : учебник для юрид. вузов. М., 2008 ; Калмыков Ю. Х. Вопросы толкования и применения гражданско-правовых норм // Гражданское право. 2008. № 3. С. 5–8 ; Пугинский Б. И. Теория и практика договорного регулирования. М., 2008. 213 с. ; Ядринцева О. В. Индивидуально-договорное правоприменение : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2006. 28 с.; и др.

звено, однако мы будем придерживаться традиционной трактовки правоприменения, ведь большинством ученых негосударственное правоприменение отрицается. Именно государственно-властная специфика правоприменения (правоприменительные акты нельзя поставить в один ряд с актами, изданными органами (лицами), не имеющими государственно-властных полномочий), на наш взгляд, в большей степени отражает сложившиеся правовые реалии правоприменительной деятельности³³.

В-третьих, считаем, что очередным признаком правоприменения является деятельность уполномоченных на то субъектов, ведь очевидно, что правоприменение – это деятельность компетентная, и правоприменителем может быть только субъект, полномочия которого установлены и регламентированы законом³⁴.

В-четвертых, правоприменение должно быть результирующим, то есть выражаться в принятии конкретного решения, зафиксированного в форме правоприменительного акта, в противном случае правоприменительная деятельность потеряет значение. Это объясняется тем, что правоприменение – это цель, направленная на обеспечение индивидуально – правового регулирования, которого возможно только посредством вынесения государственно-властного по содержанию правоприменительного решения, облаченного в строго определенную законодательством форму (решение, приговор, постановление, определение и т. п.), порождающего определенные правовые последствия для конкретно определенных лиц. Применение права – это форма

³³ Благов Е. В. Применение уголовного права. СПб., 2004. 505 с. ; Вопленко Н. Н. Очерки общей теории права. Волгоград, 2009. 898 с. ; Маликов М. К. Проблемы реализации права. Иркутск, 1988. 196 с. ; Правоприменение: теория и практика / отв. ред. Ю. А. Тихомиров. М., 2008. 432 с. ; Правоприменение в советском государстве / под ред. А. С. Пиголкина. М., 1985. 304 с. ; Решетов Ю. С. Реализация норм советского права: Системный анализ ; и др.

³⁴ ФКЗ от 31.12.1996 № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» ; ФКЗ от 21.07.1994 № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» ; ФКЗ от 07.02.2011 № 1-ФКЗ «О судах общей юрисдикции в Российской Федерации» ; ФКЗ от 28.04.1995 № 1-ФКЗ «Об арбитражных судах в Российской Федерации» ; ФКЗ от 23.06.1999 № 1-ФКЗ «О военных судах Российской Федерации» ; ФЗ от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» ; ФЗ от 28.12.2010 № 403-ФЗ «О следственном комитете Российской Федерации» ; ФЗ от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции» ; ФЗ от 21.07.1997 № 118-ФЗ «О судебных приставах» ; и др.

осуществления государственно-властной деятельности органами и должностными лицами по претворению в жизнь норм права, результатом чего является конкретный правоприменительный акт³⁵, причем именно государственно-властный характер правоприменения повышает значимость и эффективность юридических норм, «обеспечивает реализацию норм права, активно гарантирует, продолжает и завершает в индивидуально-правовом, поднормативном порядке регулирование соответствующих отношений»³⁶.

В-пятых, правоприменение должно обеспечивать исполнение правоприменительных решений, потому как исполнение правоприменительных актов – неотъемлемая, завершающая, обеспечивающая результативность ступень правоприменения³⁷.

Таким образом, *правоприменение* (авт. опред.) – это государственно-властная, регламентированная деятельность уполномоченных на то субъектов, направленная на индивидуально-правовое регулирование посредством постановления и исполнения правоприменительных актов (документов и (или) действий)³⁸.

Правоприменительная деятельность, как и любая деятельность вообще, имеет технический аспект. Вопросам технической составляющей права в последние годы уделяется все больше внимания. И если многие вопросы этой области не требуют теоретического переосмысления, то проблематика *соотношения понятий «техника» и «технология»*, в рамках которых рассматриваются аспекты взаимодействия «техники, тактики, стратегии и технологии»³⁹, вызывает существенные дискуссии. Оба понятия – «техника» и «тех-

³⁵ Веркиенко Л. В. Применение права органами исполнительной власти Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002. 25 с.

³⁶ Алексеев С. С. Общая теория права. Курс в 2 т. Т. 2. М., 1982. С. 317.

³⁷ Гл. 45–47 ГПК РФ, разд. 7 ГПК РФ, разд. 14 УПК РФ, разд. 7 АПК РФ, разд. 5 КоАП РФ, УИК РФ, ФЗ «Об исполнительном производстве в РФ».

³⁸ В современном праве дается и более широкая трактовка правоприменения, согласно которой правоприменение означает «развитие правосознания и правовых взглядов, использование правовых концепций и теорий (динамика интеллектуального потенциала права)». См.: Тихомиров Ю. А. Правовое регулирование: теория и практика. С. 317.

³⁹ Давыдова М. Л. Юридическая техника: проблемы теории и методологии ; Кашанина Т. В. Юридическая техника : учебник. М., 2008 ; Карташов В. Н. Юридическая технология или

нология» – появляются в широком обиходе преимущественно в материально-производственной сфере жизни людей, обеспечивающей потребности общества, что подтверждается существующими подходами к пониманию техники и технологии⁴⁰. Представляется бесспорным, что «техника» – это «совокупность средств человеческой деятельности, создаваемых для осуществления процессов производства...»⁴¹, а «технология» – «операции... производственного процесса»⁴², обусловленные уровнем развития науки и техники, по обслуживанию или эксплуатации процессов или явлений. При этом средство – это способ, инструмент, с помощью которого выполняется какое-либо действие или осуществляется та или иная деятельность, а операция – часть, единица технологического процесса, выполняемая непрерывно и одновременно четко определенным субъектом. Отсюда, последовательность операций – есть технологический процесс, тогда как техника – это совокупность средств. *Именно поэтому вопрос о соотношении «техники» и «технологии» в сфере права дискуссионен.*

Существующие точки зрения фиксируются в основном *в четырех направлениях:*

Во-первых, техника и технология признаются имеющими «самостоятельное научно-прикладное юридическое значение»⁴³ дефинициями с собственными целями и задачами. В этой связи к технике следует отнести правила, приемы и средства, к технологии – методы и способы, отражающие

юридическая техника? Некоторые методологические аспекты исследования // Юридическая техника. 2007. № 1. С. 16–24.

⁴⁰ Имеются в виду такие подходы, как: а) технократический (все основные сферы человеческой деятельности трактуются «технически»); б) естественнонаучный (техника выступает явлением природы, подчиняющимся определенным законам, при этом природа становится материалом технологий, а человек – субъективным условием становления технической реальности); в) социокультурный (объединивший технократичность и естественнонаучность). См.: Традиционная и современная технология (философско-методологический анализ) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.philosophy.ru/iphras/library/technol.html>.

⁴¹ Большой энциклопедический словарь / глав. ред. А. М. Прохоров. М. ; СПб., 1997. С. 1199.

⁴² Ожегов С. И. Словарь русского языка / под ред. Н. Ю. Шведовой. М., 1987. С. 650.

⁴³ Илясов А. Н. Правоприменительная техника и правоприменительная технология (теоретико-правовой анализ) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2008.

различного рода действия, стадии, этапы, происходящие в процессах реализации права, процессы и процедуры, подчеркивающие действие технических способов, правил, приемов и средств во времени. Отсюда, «техника» статична, а «технология» динамична.

Во-вторых, юридическая техника признается составляющей частью юридической технологии⁴⁴. Подразумевается, что каждый технологический процесс имеет только свойственные ему технические средства (технику).

В-третьих, юридическая технология – это часть юридической техники, и технология – это тоже средство⁴⁵, и «структуру юридической техники» составляют, с одной стороны собственно юридическая техника (средства), с другой – юридическая технология (приемы, способы, методы)⁴⁶, хотя при этом получается, что «термин “техника” в используется в двух разных значениях одновременно»⁴⁷.

В четвертых, юридическая техника представляет собой внутреннюю согласованную структуру, сложившуюся систему элементов (В.Л. Кулапов, А.В. Малько). При этом, в отношении юридической технологии применяется иной подход, она рассматривается как совокупность трех основных элементов – техники, стратегии и тактики (В.Н. Карташов)

В-пятых, юридическая техника и технология – это синонимы.

Указанное не позволяет говорить об однозначной обособленности, разделении или соподчиненности техники и технологии. В качестве примера приведем их различные определения, используемые в исследованиях технико-юридической правовой среды. Так, «правоприменительная техника представляет собой самостоятельную, научно-практическую категорию, посредством которой объясняются правила создания... актов по применению пра-

⁴⁴ Миронов А. Н. Виды юридических технологий в правотворческой и правоприменительных сферах // Юридическая техника. 2008. № 2. С. 70. Аналогичной позиции придерживается В.Н. Карташов

⁴⁵ См.: Приложение 1 «Структура или внутреннее содержание юридической техники».

⁴⁶ Кашанина Т. В. Юридическая техника : учебник.

⁴⁷ Давыдова М. Л. Рецензия на книгу Кашаниной Т. В. «Юридическая техника» // Правоведение. 2007. № 3.

ва»⁴⁸ или «правоприменительная технология понимается как научная категория об основных закономерностях и правилах осуществления правоприменительной деятельности»⁴⁹; «юридическая технология... это категория, предназначенная для познания закономерностей и особенностей... юридической деятельности, а также выработки оптимальных механизмов, направленных на совершенствование ее осуществления»⁵⁰; или юридическая техника – это совокупность (система) средств и приемов, правил⁵¹. Также к технике относят юридические конструкции, терминологию, а к технологии – способы изложения норм, систему отсылок⁵². Иногда способы, приемы и методы юридической деятельности относят не к технике, а к юридической тактике⁵³. Более того, юридическая техника определяется и как «опредмеченная форма правовых идей, различных социокультурных условий»⁵⁴, мастерство, искусство, то есть технология⁵⁵ рассматривается комплексно как внешняя техника, охватывающая вопросы, относящиеся к организации деятельности, и внутренняя, включающая в себя вопросы, непосредственно связанные с результатом⁵⁶. Юридическая техника существует до развертывания юридической деятельности и после завершения ее процедур, понимается как «средство перевода социальных потребностей на язык права, конструирование норм, обязательных для обеспечения правопорядка в обществе»⁵⁷. «В субъективном смысле “техника” означает юридическое искусство отделки правового материала, в

⁴⁸ Илясов А. Н. Правоприменительная техника и правоприменительная технология (теоретико-правовой анализ).

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Алексеев С. С. Общая теория права. Курс в 2 т. Т. 2. С. 267.

⁵² Алексеев С. С. Общая теория права. Курс в 2 т. Т. 2. С. 288.

⁵³ Карташов В. Н. Юридическая техника, тактика, стратегия и технология (к вопросу о соотношении) // Проблемы юридической техники : сб. ст. / под ред. д-ра юрид. наук, проф. В. М. Баранова. Н. Новгород, 2000. С. 17.

⁵⁴ Баранов В. М. Предисловие // Проблемы юридической техники : сб. ст. / под ред. д-ра юрид. наук, проф. В. М. Баранова. Н. Новгород, 2000. С. 10.

⁵⁵ Там же. С. 13.

⁵⁶ Ушаков А. А. О понятии юридической техники и ее основных проблемах // Ученые записки Пермского гос. ун-та. Юридические науки. Т. 19, вып. 5. Пермь, 1961. С. 81–83.

⁵⁷ Иеринг Р. Юридическая техника. М., 2008.

объективном – механизм права»⁵⁸. «Технология представляет собой важнейшую часть юридической практики»⁵⁹, а «юридическая технология – это сложная целенаправленная деятельность по применению технико-юридических средств в соответствии с определенными правилами...»⁶⁰. Представленное многообразие трактовок говорит о том, что и «техника», и «технология» порой означают одно и то же или, напротив, толкуются разнопланово. При этом их значение сводится к тому, что техника или технология – это правила, закономерности, средства, механизм, деятельность, искусство, практика, идеи и условия.

Представленное «многообразие» трактовок категорий «техника» и «технология» демонстрирует, что *техника и технология соотносятся как целое и часть*. Например, юридическая техника может быть представлена законодательной, правоприменительной и иными технологиями; в свою очередь, правоприменительная техника включает в себя технологии досудебного, судебного производства или технологии арбитражного, гражданского, уголовного судопроизводства. Отсюда, *целесообразнее пользоваться единым понятием – или термином «техника», или понятием «технология»*.

Учитывая, представленное разнообразие трактовок категорий «техника» и «технология», а также то, что техника охватывает значительно больший пласт «возможностей», «техника» как категория, понятие более емкое и широкое по - содержанию, нежели «технология», как научная категория применительно к правовой специфике закрепилась значительно раньше, чем термин «технология» и наиболее распространена, привлекает внимание ученых давно⁶¹ и распространяется, как мы показали выше, в т.ч. на технологиче-

⁵⁸ Тихомиров Ю. А. Юридическая техника – инструмент правотворчества и правоприменения // Юридическая техника. 2007. № 1. С. 12.

⁵⁹ Карташов В. Н. Юридическая технология или юридическая техника? Некоторые методологические аспекты исследования.

⁶⁰ Миронов А. Н. К вопросу о понятии и элементах юридической технологии // Юридическая техника. 2007. № 1. С. 44.

⁶¹ Термин «техника» введен в теоретический аппарат производственной сферы немецким ученым И. Бекманом в 1777 г. См. об этом: Карташов В. Н. Юридическая технология или юридическая техника? Некоторые методологические аспекты исследования. С. 16.

ские процессы, представляется возможным признать обоснованным мнение ряда авторов⁶² и *применять в качестве категориальной основы совершенствования юридической деятельности термин «техника»*. Хотя данная позиция признается консервативной, «шаблонной»⁶³.

Итак, можно заключить, что *юридическая технология* – это часть юридической техники, средство, посредством которого функционируют те или иные инструменты. Поэтому техника как искусство познания и осмысления окружающей действительности использует технологии для оптимизации результата⁶⁴.

Таким образом, применительно к юридической деятельности вообще мы будем говорить о юридической технике, к сфере правоприменения – о правоприменительной, а учитывая сделанный нами вывод о соотносимости «техники» и «технологии» как целого и частного, аналогично мы будем соотносить понятия «правоприменительная техника», и «правоприменительная технология».

Стилистическое различие указанных категорий, на наш взгляд, не является препятствием, а напротив, позволяет произвести более качественную оценку и сделать объективные выводы, в которых указанное различие будет сведено, учитывая предыдущее признание приоритетности категории «техника», к общему знаменателю под названием «правоприменительная техника». При этом предикат «юридическая», «правоприменительная» отражает конкретную функциональную «принадлежность» и является исключительно показателем специфики юридической деятельности. И если понятие «юридическая техника» уже получило распространение и приобрело устой-

⁶² Имеются ввиду такие исследователи юридической техники, как В. Н. Баранов, Т. В. Кашанина, Д. А. Керимов, Ю. А. Тихомиров, М. Л. Давыдова, и др.

⁶³ Карташов В. Н. Юридическая технология или юридическая техника? Некоторые методологические аспекты исследования. С. 19.

⁶⁴ См.: Приложение 2 «Соотношение техники и технологии в юридической деятельности».

чивую популярность, то правоприменительная техника – это сравнительно новая категория теории права⁶⁵.

На сегодняшний день правоприменительная техника трактуется как «сложная научно-обоснованная и практически-опосредованная категория, состоящая из определенной совокупности элементов, предназначенная для грамотного составления правоприменительных актов»⁶⁶; как «особый относительно самостоятельный вид юридической техники, представляющий собой систему средств, способов и правил профессиональной юридической деятельности, используемых в рамках разрешительного типа правового регулирования на этапе поднормативной регламентации общественных отношений, технически обеспечивающих действие права в ситуациях, в которых юридические нормы не могут быть реализованы в формах непосредственной реализации без властно-организующего решения компетентного субъекта»⁶⁷, как «системное использование в рамках научно обоснованной целенаправленной правоприменительной деятельности средств, методов и правил в целях подготовки и принятия выверенных, качественных правоприменительных актов»⁶⁸.

Указанное позволяет выделить следующие *свойства правоприменительной техники*:

а) искусство правоприменительной деятельности, унифицирующее эффективность правоприменения;

⁶⁵ Тенетко А. А. Юридическая техника правоприменительных актов : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 1999. 23 с. ; Колесник И. В. Проблемы формирования и реализации концепции правоприменительной технологии в современной России : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2007 ; Илясов А. Н. Правоприменительная техника и правоприменительная технология (теоретико-правовой анализ) ; Логинов А. С. Правоприменительная техника : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2011 ; Миняшева Г. И. Юридическая технология подготовки правоприменительных актов в уголовно-исполнительной системе : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2012.

⁶⁶ Илясов А. Н. Правоприменительная техника и правоприменительная технология (теоретико-правовой анализ): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2008. – С.12

⁶⁷ Логинов А. С. Правоприменительная техника: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Н.Новгород, 2001. – С.7

⁶⁸ Миняшева Г. И. Юридическая технология подготовки правоприменительных актов в уголовно-исполнительной системе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Владимир, 2012.- С.9

б) обеспечивает государственно-властную деятельность специально уполномоченных на то субъектов (техника правоприменителя);

в) преимущественно регламентирована (нормативными правовыми актами, регламентами, инструкциями, актами толкования, обычаями, сложившимися в практике ритуалами);

г) представляет совокупность специализированных средств (экспертиза, криминалистическая техника, механизмы анализа доказательств на допустимость и обоснованность, судебные ритуалы и символы, способы и правила создания правоприменительных актов, исполнительные листы и правила исполнительного производства и исполнения наказаний, мониторинг правоприменения);

д) предполагает использование иных средств юридической техники (мониторинг законодательства, правила создания нормативно-правовых актов, юридические конструкции, фикции, аксиомы, преюдиции, презумпции, аналогии права и закона, правовые символы и др.);

е) является синтезом научных знаний и практических навыков по осуществлению правоприменительной деятельности.

Представленное позволяет сформулировать следующие *признаки правоприменительной техники* (первые три признака вытекают из сущности правоприменения и правоприменительной деятельности):

1. это профессиональная государственно – властная техника уполномоченных на то субъектов

2. используется при осуществлении правоприменительной деятельности,

3. направлена на совершенствование индивидуально-правового регулирования,

4. обеспечивает совершенствование правоприменительной деятельности при помощи юридико-значимых правовых средств.

Анализ представленных признаков правоприменительной техники позволяет заключить, что *правоприменительная техника* (авт. опред.) – это со-

вокупность юридико-значимых средств (статика), получивших правовую регламентацию и используемых для совершенствования правоприменительной деятельности (динамика).

С позиций осмысления сущности и природы того или иного понятия его нужно подвергнуть делению посредством классификации – распределения предметов по группам (классам), имеющим постоянное, определенное место. Сущность деления понятия «правоприменительная техника» состоит в том, что предметы, входящие в его объем как делимого понятия, распределяются по группам. При этом понятие «правоприменительная техника» рассматривается одновременно и как родовое (его объем разделяется на соподчиненные виды), и как соподчиненное по отношению к родовому понятию «юридическая техника», так как «классификация образует развернутую систему, где каждый член деления вновь делится на новые члены, разветвляясь на множество классов»⁶⁹. Учитывая изложенное, классифицировать правоприменительную технику считаем целесообразным с определения ее места в системе видового многообразия юридической техники. Неоднозначность содержания последней порождает и многообразие оснований ее классификации⁷⁰.

Следует отметить, что представленные в научных исследованиях классификации достаточно подробны и обоснованы⁷¹, и, на наш взгляд, не имеет смысла прибегать к их простому цитированию, поэтому представляется необходимым представить те классификационные основания юридической техники, которые будут отражать сущность и предназначение техники правоприменения, преимущественно судебного, как «высокозначимого компонента применения права, представленного в качестве его специфического типа,

⁶⁹ Кириллов В. И., Старченко А. А. Логика : учебник для юрид. вузов. М. : Юристъ, 2001. 256 с.

⁷⁰ Давыдова М. Л. Юридическая техника: проблемы теории и методологии. С. 83–84 ; Соловьев О. Г. О видах юридической техники // Юридическая техника. 2008. № 2. С. 67 ; Миронов А. Н. Виды юридических технологий в правотворческой и правоприменительных сферах. С. 70–72.

⁷¹ Давыдова М. Л. Юридическая техника: проблемы теории и методологии. С. 83–105.

наиболее полно воплощающего правосудие в его гуманистическом и демократическом смыслах»⁷².

Среди них выделим основные, имеющие непосредственное значение для правоприменительной сферы (А), и иные, имеющие опосредованное значение для правоприменительной сферы (Б) классификационные основания.

К первым отнесем следующие:

I (А). В зависимости от вида юридической профессии юридическая техника делится на: судебную, следственную, прокурорскую, адвокатскую, экспертную, нотариальную, регистрационную, лицензионную, фискальную, консультационную⁷³. Данный перечень считаем необходимым дополнить техникой медиации⁷⁴ как сравнительно новым направлением правореализационной деятельности.

Учитывая, что правоприменительная деятельность осуществляется поэтапно⁷⁵ и состоит из предварительного (аналитико-логические действия по установлению юридических фактов, раскрытию специфики дела), основного (отыскание необходимых правовых норм, их толкование, подведение правовых норм под частные случаи, мотивировка и обоснование сделанного правоприменителем выбора), итогового (принятие правоприменительного решения и его документальное оформление, оглашение и разъяснение принятого решения), исполнительного⁷⁶ (исполнение правоприменительного решения)

⁷² Рафиков Р. Р. Судебное правоприменение: теоретико-правовой анализ : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2006. С. 3.

⁷³ Давыдова М. Л. Юридическая техника: проблемы теории и методологии. С. 85.

⁷⁴ ФЗ РФ от 27.07.2010 № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)».

⁷⁵ Определяя этапы применения права, мы основывались на положениях, предложенных В. Н. Синюковым, Ф. А. Григорьевым, С. А. Комаровым (цит. по: Веркиенко Л. В. Применение права органами исполнительной власти Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук).

⁷⁶ Данный этап введен автором, так как исполнение судебных решений, приговоров, на наш взгляд, следует отнести к заключительной стадии правоприменения, потому что, с одной стороны, указанные правоприменительные акты являются основанием исполнения, с другой – основные нормативно-правовые акты, регламентирующие правоприменительную деятельность в части судебного правоприменения (такие как Гражданский процессуальный кодекс РФ от 14.11.2002 № 138-ФЗ, Уголовно-процессуальный кодекс РФ от 18.12.2001 № 174-ФЗ), содержат нормы, регламентирующие процедуры исполнения и реализации

этапов, соответствующие юридические профессии наиболее востребованы именно в правоприменительной сфере, следовательно, профессиональная юридическая техника формируется в процессе обучения, практики освоения профессии и оказывает значимое воздействие на повышение результативности правоприменения.

II (А). По субъектам юридической деятельности можно выделить *технику властной и невластной юридической деятельности*⁷⁷. Основным критерием деления здесь выступает категория «власть», которая, как сугубо политический феномен, занимает, на наш взгляд, важное место в системе правового регулирования (дуализм «власть и право» проявляется причинно-следственной зависимостью), представляя один из важнейших и наиболее древних элементов политико-правовой системы. Так, власть – это средство осуществления права, а с помощью права власть получает возможность реализовываться. Согласно конкретным исследовательским подходам⁷⁸, власть рассматривается как особое волевое отношение субъекта к объекту, побуждающее объект властного отношения совершать определенные действия по желанию субъекта. Таким образом, особенный признак власти – доминирующая роль властной воли субъекта, которая выступает, с одной стороны, как глубинное, природное свойство субъекта, основа его деятельности, с другой – как форма, в которой концентрируется мотивирующее поведение субъекта, его политико-правовые и моральные ценности. Следовательно, именно техника властной юридической деятельности, в силу свойственных ей признаков, ложится в основу правоприменительной деятельности. Отсюда, субъектами правоприменения мы будем считать государственно-властные органы и

правоприменительных актов. Следовательно, правоприменительные акты без обеспечения исполнения их резолютивной части не смогут обеспечить эффективность защиты нарушенных прав. См.: разд. 7 Гражданского процессуального кодекса РФ от 14.11.2002 № 138-ФЗ, ст. 7; гл. 54, 55 Уголовно-процессуального кодекса РФ от 18.12.2001 № 174-ФЗ.

⁷⁷ Давыдова М. Л. Юридическая техника: проблемы теории и методологии. С. 87–88.

⁷⁸ Имеются в виду бихевиоральный, структуралистский, инструментальный, психологический подходы. См.: Общая и прикладная политология / под общ. ред. В. И. Жукова. М., 1997. С. 210–216 ; Основы политической науки. Ч. 1 / под ред. В. П. Пугачева. М., 1993. С. 102–116.

деятельность лиц, наделенных властными полномочиями. Речь идет о публичной сфере правореализации, оснащенной императивно-регламентированными механизмами юридической техники (вынесение приговора, принятие присяги). Что же касается техники невластной юридической деятельности, то она охватывает такие стадии правореализации, как использование, исполнение, соблюдение, то есть частно-правовую сферу юридической деятельности, осуществляемой в большей мере по принципу диспозитивности (заключение договоров, оказании юридической помощи частным лицам).

III (А). Учитывая, что любая юридическая деятельность облачена в соответствующую форму, за основу видového деления юридической техники берется *конкретная форма юридической деятельности*. Отсюда, юридическая техника делится⁷⁹ на *письменную* (индивидуальные акты правоприменения, приказы, договоры и иные локальные нормативно-правовые акты) и *устную* (техника представительства, защиты и обвинения в суде); при этом предикат «устная» подчеркивает отсутствие письменной формы, а предикат «письменная» предполагает фиксацию соответствующего содержания в письменной форме (на бумажном и электронном носителях)⁸⁰, что обеспечивает реализацию конституционных принципов, например, гласности⁸¹. Что касается правоприменения, то здесь все, что касается правоприменительного решения, относится к письменной юридической технике, а то, что касается правоприменительных процессов процедур – к устной.

⁷⁹ Давыдова М. Л. Юридическая техника: проблемы теории и методологии. С. 90.

⁸⁰ Вершинин А. П. Электронный документ: правовая форма и доказательство в суде. М., 2000 ; Градов А. Л. Правовое регулирование электронного документооборота в таможенной сфере : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2004 ; Карев Я. А. Правовое регулирование использования электронных документов в договорных отношениях : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005 ; Халиков Р. О. Правовой режим электронного документа: вопросы использования электронной цифровой подписи : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2006. 28 с.

⁸¹ Конституция РФ от 12.12.1993, Гражданский процессуальный кодекс РФ от 14.11.2002 № 138-ФЗ, Уголовно-процессуальный кодекс РФ от 18.12.2001 № 174-ФЗ.

IV (А). *В зависимости от способов издания*⁸², используемых в совершении юридически-значимых действий, можно выделить *юридическую технику, применяемую коллегиально и единолично*. В первом случае имеется ввиду непосредственно законотворческая техника по составлению нормативно-правовых актов, а также правоприменительная техника в части вынесения решений коллегиально (постановления Конституционного Суда РФ). Во втором случае это техника актов (документов и действий), принимаемых единолично (указы президента, протоколы об административных правонарушениях, судебные приказы, распоряжения руководителя, удаление судьи в совещательную комнату). Соответственно, данное классификационное основание применимо в правоприменительной сфере непосредственно.

К иным основаниям классификационного деления отнесем следующие:

I (Б). *С позиции юридической природы юридических актов* выделяют *технику нормативно-правовых и индивидуально-правовых актов*⁸³. В первом случае речь идет о законах и подзаконных нормативно-правовых актах. Во втором – о судебных решениях, приказах государственных и частных организаций. При этом считаем необходимым, применяя дихотомическое деление понятия «юридическая техника», продолжить деление индивидуально-правовых актов на технику актов-документов (судебные постановления) и актов-действий (регистрация брака).

Так, правоприменительный акт-документ:

а) имеет письменную форму и определенную структуру, а именно состоит из следующих обязательных частей: вводной (наличие точного наименования (приговор, решение, определение), дата и место издания, наименование органа (лица), издавшего акт, подпись ответственного лица, печать); описательной (фабула дела, сведения о фактических обстоятельствах); мотивировочной (обоснование принятого решения); резолютивной (излагается принятое решение). Отсюда, «внешность» правоприменительного акта отра-

⁸² Давыдова М. Л. Юридическая техника: проблемы теории и методологии. С. 94.

⁸³ Там же.

жает предмет регулирования, сферу действия, облегчая оперативный поиск и использование нужной правовой информации;

б) исходит от правоприменяющих субъектов – лиц, специально уполномоченных государством на исполнение обязанностей в соответствии с законом;

в) имеет строго регламентированный в соответствии с действующим процессуальным законодательством процесс принятия;

г) имеет обязательный характер, то есть обладает юридической силой (порождает правовые последствия, защищается государством);

д) носит индивидуальный (персонифицированный) характер, то есть адресован к конкретным субъектам;

е) носит преимущественно однократный характер (никто не может быть осужден по одному и тому же делу повторно, никто не вправе обращаться в суд по аналогичным основаниям, исключения составляют только конкретные обстоятельства – повторное взыскание алиментов при существенном изменении условий);

д) его исполнение обеспечивается законом и государственным аппаратом принуждения.

Следовательно, правоприменительный акт-документ – это индивидуально-правовое предписание, исходящее от правоприменяющего субъекта, выражающее решение по конкретному юридическому делу однократного, обязательного применения, порождающее правовые последствия для конкретного лица (решение суда, судебный приказ, приговор, постановление о возбуждении уголовного дела, постановление об административном правонарушении, мировое соглашение и т. п.). Однако следует признать, что не все официальные документы, разрабатываемые, принимаемые органами публичной власти, должностными лицами, являются актами применения. Существуют официальные документы, которые, при наличии указанных признаков правоприменительного акта, непосредственно не порождают правоотно-

шений (справки, свидетельства, заключения, повестки, регламент, инструкции).

Правоприменительный акт-действие характеризуется схожими с правоприменительными актами-документами признаками, однако выраженными в динамике:

а) это деятельность по индивидуализации правовых предписаний относительно конкретного субъекта в конкретной ситуации;

б) это строго регламентированная законом деятельность (процесс, процедура);

в) осуществляется государственно-властными субъектами;

г) это деятельность, предшествующая вынесению индивидуально-правовых предписаний, выраженных в форме правоприменительного акта-документа;

д) это деятельность, направленная на эффективное исполнение вынесенного правоприменительного акта-документа.

Следовательно, правоприменительный акт-действие – это деятельность специально уполномоченных на то субъектов, осуществляемая в строго регламентированной форме, направленная на результат, выраженный в принятии и исполнении правоприменительного акта-документа.

В рассматриваемой классификации техника нормативно-правовых актов оказывает опосредованное влияние на формирование актов правоприменения, так как они отличаются по форме, содержанию и правилам составления. Вместе с тем общие правила принятия нормативно-правовых актов (четкость и однозначность формулировок, последовательность изложения, непротиворечивость и т. п.) при составлении правоприменительных актов заимствуются.

II (Б). *Исходя из количества лиц, участвующих в осуществлении юридической деятельности*, можно выделить технику односторонних (завещания), двусторонних (договоры, соглашения), а также многосторонних (коллективные договоры, судебные процессы) актов:

а) односторонняя техника в части осуществления правоприменителем единолично определенных действий по подготовке и вынесению правоприменительного акта;

б) двусторонняя или многосторонняя – поскольку в правоприменительной деятельности задействовано как минимум две стороны (ответчик и истец) и более (при участии третьих лиц), или когда количество лиц влияет на специфику содержания выносимых правоприменителем решений (например, когда в основу выносимого правоприменителем решения ложится не норма закона, а конкретное содержание договора).

III (Б). Юридическую технику различают и *по отраслевой принадлежности*⁸⁴. Речь идет об *общей* (общие правила для всех отраслей права) и *отраслевой* (конституционно-правовой⁸⁵, гражданско-правовой, уголовно-правовой⁸⁶, административно-правовой) *технике*.

Общую технику совершенно целесообразно, особенно в правоприменительной сфере, делят на материально-правовую и процессуально-правовую технику⁸⁷, сюда же можно отнести и правовые принципы – общеобязательные, императивные начала. Отраслевые же правила в сфере правоприменения, помимо императивности (конституционно-правовая и уголовно-правовая), могут отличаться диспозитивностью использования (гражданско-правовая сфера). Аналогично отличаются язык и стиль нормативных (общих) и правоприменительных (индивидуальных) документов.

IV (Б). В зависимости *от содержания правового регулирования* возможно как деление юридической техники на два основных блока, учитывая масштабность и сущность правового регулирования (*правотворческую* и *правоприменительную технику*), так и применение более дробного членения,

⁸⁴ Давыдова М. Л. Юридическая техника: проблемы теории и методологии. С. 98–99.

⁸⁵ Воеводин Л. Д. Юридическая техника в конституционном праве // Вестник МГУ. Сер. 11, Право. 1997. № 3. С. 3–29.

⁸⁶ Бокова И. Н. Юридическая техника в уголовном законодательстве (теоретико-прикладной анализ гл. 22 УК РФ) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2002.

⁸⁷ Давыдова М. Л. Юридическая техника: проблемы теории и методологии. С. 98–99.

позволяющего разделить юридическую технику на *правотворческую*⁸⁸ (совокупность правил, методов, средств и приемов, используемых субъектами нормотворческого процесса при создании нормативных правовых актов), *правоприменительную*⁸⁹ (составление, оформление правоприменительных актов), *интерпретационную*⁹⁰ (создание актов, разъясняющих нормы права и выявляющих их точный смысл), *систематизационную* (приведение правовых актов в упорядоченную систему), *правоисполнительную*⁹¹. При этом техника систематизации, интерпретационная и правоисполнительная техники занимают некое рубежное положение, так как могут быть включены в указанные выше основные блоки (систематизацию и толкование при определенных условиях можно отнести к правотворчеству, а толкование и правоисполнение – к правоприменению).

В данной классификации к правоприменению непосредственно относится только правоприменительная техника, а остальные виды юридической техники влияют на правоприменение опосредованно. Так, законодательная техника является основой для подготовки правоприменительных актов (юридическая терминология, правила изложения текста); техника толкования дает возможность обеспечить все стадии правового регулирования (создание, реализацию, применение правовых норм) качественным наполнением, выступая активным дополнением процессов реализации права; систематизационная техника (сюда же отнесем и технику учета) обеспечивает повышение эффективности правотворчества, правореализации, правоприменения; правоприменительная техника направлена на конкретное, персонифицированное юридическое разрешение, пересекаясь с техникой правореализационной, но в то же

⁸⁸ Бунина Ю. М. Правотворчество как вид юридической деятельности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2004.

⁸⁹ Илясов А. Н. Правоприменительная техника и правоприменительная технология (теоретико-правовой анализ).

⁹⁰ Попенков Е. А. Юридическая техника правоинтерпретационной деятельности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2003.

⁹¹ Дорофеев М. В. Правоприменительная деятельность по исполнению судебных актов: теоретико-прикладной аспект : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2004 ; Коробов С. А. Правоисполнительная деятельность в современном российском обществе: проблемы теории : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2006.

время они дифференцируются как две относительно самостоятельных формы⁹², при этом их объединяющим звеном выступает деятельность толкования правовых норм, то есть «их составной частью является интерпретационная техника»⁹³. Перечень указанных видов не является исчерпывающим⁹⁴, его можно продолжить, дифференцируя, в свою очередь, перечисленные виды юридической техники на подвиды. Так, законодательная техника может делиться: по субъекту (техника федерального законодателя и субъекта Федерации), по предмету регулирования (техника уголовного, налогового, гражданского, административного, бюджетного законодательства)⁹⁵; интерпретационная техника, или техника толкования⁹⁶, которая признается и как самостоятельный вид юридической техники⁹⁷, и как разновидность техники правоприменения⁹⁸ (в юридической литературе отстается как одна, так и другая точки зрения⁹⁹), может разграничиваться: по субъекту (техника официального (аутентичное и судебное) и неофициального толкования (обыденная, профессиональная, доктринальная)), по юридическому содержанию (техника толкования норм уголовного, гражданского, семейного права), по способу (техника языкового, логического, систематического, исторического толкования), по общности и объему исследуемых решений (техника общего и казуального толкования¹⁰⁰); в правоприменительной технике можно выделить технику правоприменительных актов и действий, а также досудебную, судебную, исполнительную техники, и т. д.

⁹² Кашанина Т. В. Юридическая техника : учебник. С. 85.

⁹³ Румянцева Е. В. Техника конструирования и применения диспозиций статей о налоговых преступлениях (ст. 198-199/2 УК РФ) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2007. 19 с.

⁹⁴ Давыдова М. Л. Юридическая техника: проблемы теории и методологии. С. 104.

⁹⁵ Соловьев О. Г. О видах юридической техники. С. 67–69.

⁹⁶ Интерпретация и толкование рассматриваются обычно как синонимы. См.: Вопленко Н. Н. Официальное толкование норм права. М., 1976 ; Гаврилова Ю. А. Объем толкования права. Волгоград, 2009.

⁹⁷ Кашанина Т. В. Юридическая техника : учебник. С. 337 ; Теория государства и права : учебник для вузов / под ред. М. М. Рассолова, В. О. Лучина, Б. С. Эбзеева. М., 2000. С. 308.

⁹⁸ Черданцев А. Ф. Толкование права и договора. С. 110.

⁹⁹ Соловьев О. Г. О видах юридической техники. С. 68–69.

¹⁰⁰ Вопленко Н. Н. Толкование права : монография. Волгоград, 2007 ; Черданцев А. Ф. Толкование права и договора. С. 108–110 ; Соловьев О. Г. О видах юридической техники. С. 68–69.

Многообразие видов юридической техники позволяет обеспечить реализацию права, охватить весь спектр юридических отношений. Рассматривая каждый вид юридической техники с позиции осмысления его места, роли и основания, можно сделать вывод, что, с одной стороны, классификация видов техники юридической деятельности теоретически необходима, с другой стороны, она «раскрывается» посредством тесной взаимосвязи и взаимопроникновения подвидов, что подтверждает «стратегическое, сквозное предназначение права»¹⁰¹, единство реализации правовых норм и правоотношений.

Представленное «практическое» смешение и пересечение видов юридической техники показывает, что *правоприменительная техника присутствует, явно или скрыто, во всех видах и подвидах юридической техники, включает практически весь спектр юридических профессий, является государственно-властной, выражается в устной и письменной форме, осуществляется коллегиально и единолично. Указанное предопределяет классификационное деление непосредственно правоприменительной техники.*

В зависимости от специфики юридической профессии правоприменительная техника делится на: судебную, следственную, прокурорскую, фискальную, публично-административную, адвокатскую, нотариальную, медиационную.

По субъектам правоприменительной деятельности правоприменительную технику подразделяют на: технику следователя, дознавателя, судьи, административного, фискального органов, технику судебного пристава, технику адвоката, нотариуса.

По правоприменительным стадиям можно выделить технику административного, претензионного урегулирования, досудебную (следственную и медиационную), судебную, исполнительную техники.

*По отраслевому признаку – подразделить на технику применения уголовного, административного, гражданского, семейного, налогового права*¹⁰².

¹⁰¹ Соловьев О. Г. О видах юридической техники.

¹⁰² Там же. С. 69.

По видам судопроизводства можно выделить технику приказного, искового, особого производства, технику апелляционного, кассационного, надзорного производства¹⁰³.

Отметим, что *по степени властности правоприменительная техника не делится*, так как является властной по своей сущности.

Исходя из разнообразия юридической деятельности, перечень видов правоприменительной техники также не может считаться исчерпывающим, ведь на нее оказывает влияние как экономическое (материально-техническое обеспечение правоприменителя) и политическое (определение целей и средств достижения эффективности правоприменения) состояние государства, то есть внешние факторы развития, так и ряд субъективных факторов: уровень процессуальной подготовки государственных служащих и правоприменителей; их нравственно-психологические качества и уровень правосознания и правовой культуры как системы определенных общепризнанных ценностей общества и отдельных категорий лиц. Это непосредственным образом влияет на технико-юридическое (совокупность свойств формы законодательных актов, обуславливающих их соответствие содержанию и нормативно-правовому характеру закона¹⁰⁴) и информационно-обеспечительное (правовая осведомленность должностных лиц и граждан, наличие достаточных знаний о предусмотренных законом правах, обязанностях и проблемы, связанные с источниками получения этой информации) качество правоприменительных актов.

Следовательно, особую практическую ценность приобретает именно техника правоприменения, так как правоприменительный механизм в системе инструментария юридической техники демонстрирует эффективность «действия права» и правоприменения, качественный уровень индивидуального правового регулирования.

¹⁰³ ГПК РФ, УПК РФ, АПК РФ, КоАП РФ.

¹⁰⁴ Парамонов А. Р. Техничко-юридическое качество законодательных актов: теоретические и прикладные аспекты : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2000.

§2 Анализ средств правоприменительной техники

Правовая система не является застывшим, однозначно сформировавшимся образованием, а находится в постоянном развитии и движении, порождая многообразие видов и средств юридической деятельности. Это, а также разнообразие объективных (место, время проведения правоприменительного действия, например судебного расследования, механизмы развития указанного действия, характер его отражения в окружающей среде и т. п.) и субъективных (уровень профессиональной подготовки правоприменителя: судьи, следователя; поведение лиц, участвующих в правоприменительном действии: истцы, ответчики в рамках судебного заседания, понятые при проведении обыска и т. п.) факторов предопределяет многочисленность и разноплановость инструментария юридической техники, элементами которого являются в том числе и средства правоприменительной техники. Учитывая, что состав юридической техники предопределен уровнем регулирования общественных отношений – социального, правового, индивидуального, считаем целесообразным произвести функциональное построение инструментария юридической техники по примеру выстроенной С.С. Алексеевым¹⁰⁵ иерархии, то есть по принципу «каждый следующий уровень опирается в своем развитии на предыдущий»¹⁰⁶.

Исходя из того, что правоприменительная техника является видом юридической техники, анализировать ее состав следует, опираясь на структуру последней. В свою очередь, юридическая техника не может использоваться изолированно от техники собственно не юридической, но используемой в юридической деятельности, иначе – социальной (например, информационные технологии). Следовательно, в правоприменении используются как собственно правоприменительная техника, так и юридическая и социальная.

Таким образом, позиционируя правоприменительную технику в качестве вида юридической техники, следует анализировать средства правоприменительной

¹⁰⁵ Алексеев С. С. Общая теория права. Курс в 2 т. Т. 2. С. 267, 271.

¹⁰⁶ Давыдова М. Л. Юридическая техника: проблемы теории и методологии. С. 107.

менительной техники, опираясь на выводимый из сущности правового регулирования трехуровневый элементный состав юридической техники (методы, способы, правила, приемы и средства): социальный, правовой, индивидуально-правовой.

Элементы социального, правового и индивидуального правового регулирования, представляющие состав правоприменительной техники, в совокупности и взаимодействии обеспечивают высокий уровень эффективности государственно-правовой деятельности, а на уровне правового и индивидуального правового регулирования создают эффективные механизмы правореализации. В данном контексте следует упомянуть Р. Иеринга, который в техническом аспекте правореализации видит облегчение права путем возможно большего количественного и качественного его упрощения и применения права к конкретному случаю¹⁰⁷. Рассмотрим указанное более подробно.

Социальная техника многолика и многочисленна, так как обеспечивает техническое сопровождение практически всех процессов и явлений, ведь в современном мире все стороны жизни общества технически обеспечены. Вместе с тем имеются и такие инструменты социальной техники, которые оказывают непосредственное воздействие на правоприменение, обеспечивая его эффективность на социальном уровне регулирования общественных отношений. При этом отождествлять существующие элементы, на наш взгляд, не всегда целесообразно, учитывая их различное предназначение и сущность.

Так, *метод* (от греч. «путь исследования, теория, учение») – это способ достижения цели, совокупность приемов, операций практического или теоретического познания действительности¹⁰⁸; научно-техническая основа¹⁰⁹.

Способ – это порядок действий, используемых для решения поставленных задач, путь достижения поставленных методом целей (метод – это алго-

¹⁰⁷ Иеринг Р. Юридическая техника. С. 25.

¹⁰⁸ Советский энциклопедический словарь / гл. ред. А. М. Прохоров. М., 1989. С. 808.

¹⁰⁹ Там же.

ритм, а способ – набор действий по его реализации, один и тот же алгоритм может быть реализован несколькими различными способами).

Правила – производные от методов элементы, воплощающие уже познанные и практически подтвержденные методологические закономерности юридической техники (правила формируются на основе полученных методами и способами знаний и представляют стандарт, принцип юридической деятельности).

Прием означает конкретное познавательное (техническое) действие¹¹⁰ (сравнение, аналогия) уполномоченного субъекта по реализации правил, операций юридической техники.

Под *средствами* понимаются предметы и явления, обеспечивающие получение необходимых результатов (юридические понятия, термины, конструкции, презумпции, перечисления, фикции и символы).

Следовательно, *состав социальной техники представляет собой совокупность методов, способов, правил, приемов и средств, используемых в различном вариативном сочетании, что предусмотрено целью и задачами социального регулирования.*

Дискуссия о составе юридической техники вытекает из проблемы многочисленности ее элементного содержания. Учитывая, что «состав» – это предмет, включающий в себя множество частей (компонентов), включая описание их качества, количества и иных характеристик, *состав юридической техники* – это «бесконечное множество»¹¹¹ научно обоснованных и практически подтвержденных элементов: методов, способов, правил, приемов и средств¹¹². Например, элементы юридической техники законодательства объединяются в такие группы и подгруппы¹¹³, как:

¹¹⁰ Вопленко Н. Н. Толкование права // Общая теория права : курс лекций / под общ. ред. проф. В. К. Бабаева. Н. Новгород, 1993. С. 374.

¹¹¹ Язык закона / под ред. А. С. Пиголкина. М., 1990 ; Черданцев А. Ф. Логико-языковые феномены в праве, юридической науке и практике. Екатеринбург, 1993.

¹¹² Чигидин Б. В. К вопросу о понятии юридической техники.

¹¹³ Язык закона / под ред. А. С. Пиголкина ; Власенко Н. А. Язык права : монография. Иркутск, 1997.

- а) элементы разработки правовых актов;
- б) элементы, используемые для внешнего оформления правовых актов (элементы рациональной организации структуры, стиля, логико-языкового построения содержания нормативно-правовых и индивидуально-правовых предписаний; элементы, отражающие единство формы и содержания нормативно-правовых и индивидуально-правовых предписаний);
- в) элементы систематизации и учета правовых актов;
- г) элементы опубликования правовых актов ¹¹⁴.

По мнению М.Л. Давыдовой, дискуссия о составе юридической техники обусловлена двумя факторами ¹¹⁵: во-первых, перечислением различного набора элементов – средств, приемов и правил (С.С. Алексеев, Л.Д. Воеводин, В.Н. Карташов, И.Д. Шутак, А.Ф. Черданцев, А.С. Пиголкин, Г.И. Денисов); во-вторых, в одни и те же понятия часто вкладывается различный смысл (у одних авторов, правовые конструкции, презумпции, фикции – это приемы ¹¹⁶, у других – средства ¹¹⁷, у третьих – правила ¹¹⁸; нередко их технологические различия опускаются ¹¹⁹). Отсюда достаточно распространена практика неразграничения или отождествления элементов юриди-

¹¹⁴ Конституция РФ от 12.12.1993, ФЗ от 14.06.1994 № 5-ФЗ «О порядке опубликования и вступления в силу федеральных конституционных законов, федеральных законов, актов палат Федерального Собрания», Указ Президента РФ от 23.05.1996 № 763 «О порядке опубликования и вступления в силу актов Президента РФ, Правительства РФ и нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти», а также соответствующие нормативные акты субъектов РФ и местного самоуправления, например, Решение Киквидзенской районной думы Волгоградской области от 08.04.2011 № 138/16 «Об утверждении Положения о порядке опубликования (обнародования) муниципальных правовых актов», ФЗ РФ от 22.12.2008 № 262-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации» в части размещения полных текстов всех решений (приговоров после их вступления в силу, тексты иных судебных решений – после их принятия), а также сведений об их обжаловании и о его результатах на интернет-сайтах судов.

¹¹⁵ Давыдова М. Л. Юридическая техника: проблемы теории и методологии. С. 105.

¹¹⁶ Баранов В. М., Варьяс М. Ю., Салыгин Е. Н. Инициативная программа спецкурса «Юридическая техника» // Проблемы юридической техники : сб. ст. / под ред. д-ра юрид. наук, проф. В. М. Баранова. Н. Новгород, 2000. С. 740.

¹¹⁷ Воеводин Л. Д. Юридическая техника в конституционном праве. С. 21.

¹¹⁸ Кашанина Т. В. Юридическая техника : учебник. С. 100–103.

¹¹⁹ Денисов Г. И. Юридическая техника: теория и практика // Журнал российского права. 2005. № 8.

ческой техники (Д.А. Ковачев), их разграничения (В.Н. Карташов, С.С. Алексеев, Ю.А. Тихомиров, Д.А. Керимов) или перечисления некоторых элементов юридической техники в качестве синонимов.

При этом необходимо учесть, что обособление каждого элемента полезно теоретически, в определенном статическом состоянии. Юридическая же деятельность динамична, целенаправленна и обусловлена особенностями юридической техники. Поэтому провести четкое разграничение элементов юридической техники не всегда возможно. Например, фикция как инструмент юридической техники может рассматриваться в зависимости от целей использования и применения и как определенное правило, и как прием или средство; презумпция является при определенных условиях как приемом, так и средством, иногда сложно провести границу между языком как средством, приемом или языковым правилом. Однако, подводя определенный элемент под конкретные виды юридической деятельности (правотворчество, толкование, правоприменение, систематизацию, контроль и надзор), нельзя ограничивать его возможности, так как это нецелесообразно для юридической деятельности в целом. Так, познанное определенными методами и способами влияет на содержание правил, соблюдение которых достигается использованием приемов, представляющих выбор конкретных средств, необходимых для решения определенной правоприменительной задачи¹²⁰. Следовательно, терминологически обособляя каждый элемент юридической техники (метод, способ, правила, приемы и средства), следует иметь ввиду его практическое сквозное действие и предназначение, особенность функционирования. Подтверждением этого является то, что юридическая техника – это понятие емкое и собирательное, при этом общность элементов, включаемых в ее содержание, исследователями не поддерживается, предполагая наличие совокупности (комплекса) средств и приемов, правил, правил и приемов; средств, правил и приемов; принципов, средств и правил; средств и операций; и т.

¹²⁰ Чигидин Б. В. К вопросу о понятии юридической техники. С.34

д.¹²¹ Таким образом, *состав юридической техники представляет собой теоретически обособленное, практически-ориентированное вариативное сочетание таких базовых элементов, как методы, способы, правила, приемы и средства, что предусмотрено целью и задачами правового регулирования.*

Состав правоприменительной техники выводится из социального и юридического структурного наполнения, учитывая следующее:

- а) правоприменительная техника – это вид юридической техники;
- б) состав правоприменительной техники обеспечивает цель и задачи индивидуального правового регулирования;
- в) правоприменительная техника отражает результат юридической деятельности (правотворчества, толкования, систематизации и т. п.);
- г) достаточно часто методы и способы, правила и приемы, приемы и средства отождествляются или, по крайней мере, на их существенном различии внимание не заостряется.

Следовательно, вариативность элементов состава правоприменительной техники в деятельностном аспекте обусловлена спецификой индивидуального регулирования.

Представим указанное выше *триада* уровнями элементов юридической техники (третий уровень – это специфические элементы, представляющие собственно технику правоприменения):

I. *Социальная техника, обеспечивающая функционирование общесоциального уровня регулирования общественных отношений; может быть представлена следующими элементами.*

1. *Научно-познавательные элементы познания социума, оказывающие влияние на общественное развитие.*

1.1. *Совокупность методов (постулатов) и способов (алгоритмов), присущих всем наукам, познающим окружающую действительность, используемых в том числе и при социальном регулировании общественных отно-*

¹²¹ Кругликов Л. Л. О средствах законодательной техники в уголовном праве // Проблемы юридической техники в уголовном и уголовно-процессуальном законодательстве : сб. науч. ст. Ярославль, 1996. С. 5.

шений. В юриспруденции это методы и способы междисциплинарного взаимодействия (юриспруденция базируется на методах философии, истории, политологии, социологии, психологии, филологии, и др). При этом их применение осуществляется согласно «принципу перевернутой пирамиды (от общего к частному) в зависимости от степени их универсальности»¹²². Это:

а) *методы-принципы* (категории и законы диалектики – объективность, гуманизм, научная обоснованность и др.);

б) *общенаучные методы (способы) познания* (анализ и синтез, индукция и дедукция, абстрагирование, аналогия, моделирование).

1.2. *Правила* или основополагающие начала, принципы познания или принципы рассуждения, на основе которых производятся умозаключения и выводы, – принципы научности, достоверности, верификации и т. д.

1.3. *Средства* – предметы и явления познания, и *приемы* их использования. Если средства познания – это «все материальные образования, которые использует субъект для познания объекта»¹²³, то приемы – это то, как используются эти средства, при этом совокупность приемов может образовывать метод или способ познания. К ним относятся наблюдение, эксперимент, моделирование, теории, гипотезы.

2. *Социальные регуляторы общественных отношений.*

2.1. *Методы (способы) регулирования общественных отношений*, например, «религиозные, классовые, бихевиористские (от англ. behavior – поведение), кибернетические (воздействие на общественные отношения, социальные процессы, системы, которое придает объекту регулирования обусловленные характеристики, параметры)»¹²⁴, с одной стороны, и методы побуждения (в основе воздействия лежит стимулирование, преимущественно материальное, определяющее социально необходимое, желаемое поведение) и принуждения (социально необходимое поведение достигается возможно-

¹²² Чигидин Б. В. К вопросу о понятии юридической техники. С. 37.

¹²³ Некрасов С. И., Некрасова Н. А. Философия науки и техники : тематический словарь-справочник. Орел, 2010. С 113.

¹²⁴ Венгеров А. Б. Теория государства и права. С. 314.

стью применения насилия) – с другой. При этом принуждение «как необходимый компонент социальной нормы может быть различным – государственным (при нарушении юридической нормы), моральным (общественное осуждение при нарушении моральных норм), общественно-бытовым (при нарушении норм приличия, правил общежития и т. д.)»¹²⁵.

2.2. Правила регулирования общественных отношений – основополагающие постулаты, принципы регулирования общественных отношений. При использовании религиозных методов (способов) руководствуются религиозными правилами-принципами, например такими, как «не убий», «не укради», «не прелюбодействуй»; при использовании классового способа регулирования руководствуются такими принципами, как воля господствующего, эксплуататорского класса, а также правовыми, моральными нормами (коммунистическая мораль, мораль демократии). Бихевиористский способ регулирования оснащен правилами, признанными обществом или государством, например, по определению границ дозволенного поведения. Кибернетический метод социального регулирования обусловлен конкретными характеристиками, параметрами.

2.3. Приемы и средства регулирования общественных отношений – это конкретные средства и действия по их использованию, обеспечивающие воздействие на общественное поведение. К ним в широком смысле можно отнести власть, мораль, право, обычаи, традиции, в узком же понимании – язык, части речи, знаки, буквы, цифры, понятия, суждения, символы, социальные нормы и т. д.

3. Промышленно-технические элементы, обеспечивающие социальное регулирование общественных отношений. Здесь мы можем говорить преимущественно о средствах общественного развития, таких как научно-технический прогресс (НТП), модернизация, повсеместная информатизация и т. п.

¹²⁵ Братусь С. Н. Юридическая ответственность и сознание долга // Вопросы теории государства и права. Саратов, 1983. С. 45.

II. *Состав юридической техники, обеспечивающий правовое регулирование общественных отношений.*

1. *Научно-познавательные или элементы познания юридической деятельности*

1.1. *Совокупность частно-научных методов (постулатов) и способов (алгоритмов) познания окружающей действительности* или специально-юридических методов. Это основы и алгоритмы познания, используемые юридической наукой, например, формально-юридический метод, согласно которому все явления правовой действительности рассматриваются в единстве формы и содержания, а также методы юридической техники и догматический, сравнительно-правовой. Иначе, методы – это «система способов научного познания, с помощью которой наука юридическая техника изучает свой предмет»¹²⁶. В соответствии с мыслительными процессам выделяют рациональные (основанные на мышлении) и иррациональные (основанные на интуиции) методы познания, которые различаются в зависимости от вида деятельности (научной или практической).

1.2. *Правила* – совокупность теоретических принципов, постулатов, стандартов использования того или иного способа познания юридической деятельности.

1.3. *Средства* – аппарат инструментов познания юридической деятельности: материальные и нематериальные инструменты сбора, хранения, обработки, анализа и обобщения данных, полученной информации.

2. *Специально-юридические элементы правового регулирования, характерные для любого вида юридической деятельности* (правотворчества, правоприменения, систематизации и т. п.).

2.1. *Метод правового регулирования* – совокупность способов и приемов регулирования отношений между субъектами правоотношений. При этом каждая отрасль права имеет свой специфический метод правового регулирования. Выделяют как частные, или специальные, методы правового ре-

¹²⁶ Давыдова М. Л. Юридическая техника: проблемы теории и методологии. С. 109.

гулирования – метод согласования, метод рекомендаций, метод обязательных предписаний, метод запретов ¹²⁷, так и общие, или основные, – императивный и диспозитивный.

2.2. *Правила и средства правового регулирования* – нормативно-правовые предписания, правовые принципы, правовые декларации, правовые нормы – как юридически обязательные правила поведения. Их совокупность образует механизм правового регулирования ¹²⁸. С.С. Алексеев охарактеризовал правовое регулирование как осуществляемое при помощи права и всей совокупности правовых средств юридическое воздействие на общественные отношения, в механизме которого он выделяет такие элементы, как нормативная основа, нормативные акты, правоотношения, индивидуальные акты, правосознание и правовая культура ¹²⁹. При этом центральным звеном механизма правового регулирования являются правовые средства – правовые явления, выраженные в инструментах (установлениях) и деяниях (технологиях), с помощью которых удовлетворяются интересы субъектов права, обеспечиваются достижения социально-полезных целей ¹³⁰. Например, к правовым средствам можно отнести акты, санкции, нормы, договор, штраф, правовые символы, и т. п.

Исходя из того, что включать в перечень элементов данного подуровня разнопорядковые категории как предельно широкого (язык, тексты), так и конкретного (характерного для, например, правоприменения) значения (презумпции, фикции), затрагивающие содержательную сторону права (правовые аксиомы) и сугубо формальные аспекты (примечания, приложения) ¹³¹, не всегда оправдано, разграничим *специально-юридические* элементы на:

¹²⁷ Востриков Г. Г. Программа курса «Предпринимательское право» [Электронный ресурс]. URL: bibliotekar.ru/kodex-7/index.html (дата обращения: 18.08.2012).

¹²⁸ Малько А. В. Механизм правового регулирования : лекция // Правоведение.1996. № 3 (214). С. 54–62.

¹²⁹ Алексеев С. С. Механизм правового регулирования в социалистическом обществе.

¹³⁰ Малько А. В. Правовые средства: вопросы теории и практики // Журнал российского права. 1998. № 8. С. 66–77.

¹³¹ Давыдова М. Л. Юридическая техника: проблемы теории и методологии. С. 108.

– *общеправовые*, характерные для всей юридической деятельности в целом (правовые аксиомы, юридические конструкции, язык права, юридические тексты, символы, презумпции, фикции, преюдиции, классификации, перечни, примечания, приложения, оговорки ¹³²);

– *юридико-отраслевые* – относящиеся к конкретному виду юридической деятельности: *законодательные, интерпретационные (толкования), правоприменительные, систематизационные элементы.*

3. *Элементы юридической техники, или элементы, обеспечивающие правовое регулирование, влияющие на эффективность юридической деятельности.*

3.1. *Средства.* Собственно технико-юридические средства делятся на три группы ¹³³:

– общесоциальные (язык, части речи, знаки, буквы, цифры, понятия, суждения, символы, социальные нормы и т. п.);

– специально-юридические (юридические конструкции, правовые понятия, термины, нормативные предписания и др.);

– технические (компьютеры, оргтехника).

Однако С.С. Алексеев средства, приемы и правила разделяет на самостоятельные элементы юридической техники:

а) технико-юридические средства – юридические конструкции, термины и т. п.);

б) технико-юридические приемы-способы использования средств (аналогия права и аналогия закона, система отсылок и т. п.);

в) технико-юридические правила – разработанные наукой нормы, определяющие порядок применения средств и приемов юридической техники. Например, Т.В. Кашанина выделяет такие правила юридической техники, как правила достижения социальной адекватности (содержательные правила);

¹³² Баранов В. М., Варьяс М. Ю., Салыгин Е. Н. Инициативная программа спецкурса «Юридическая техника». С. 740.

¹³³ Карташов В. Н. Правосистематизирующая технология (краткий очерк) // Систематизация законодательства в России. Н. Новгород, 2008. С. 284–296.

правила обеспечения логики права; структурные правила; языковые правила; формальные (реквизитные) правила; процедурные правила¹³⁴. Учитывая, что юридическая техника есть система правил познавательно-логического и нормативно-структурного формирования правового материала, правила разделяют на шесть взаимосвязанных групп: *познавательно-юридические, нормативно-структурные, логические, языковые, документально-технические, процедурные*, – каждая из которых состоит из совокупности конкретных правил, предусматривающих определенные действия и использование приемов¹³⁵.

Следует также учесть, что все категории, традиционно рассматриваемые в качестве элементов юридической техники и призванные показать, как используются средства (приемы, методы, правила, способы), В.Н. Карташов не включает в понятие юридической техники, вводя для их обозначения термин «юридическая тактика»¹³⁶.

III. *Уровень индивидуально-правового регулирования, оснащенный элементарным составом правоприменительной техники.*

1. *Научно-познавательные элементы индивидуального правового регулирования* не уникальны и не отличаются от предыдущих уровней, то есть следует говорить о применении элементов, аналогичных методам, способам, правилам и средствам научного познания общесоциального и правового регулирования. Например, используются логический, «диалектический, сравнительно-правовой, формально-логический методы познания»¹³⁷.

2. *Специально-юридические отраслевые элементы индивидуального правового регулирования.*

2.1. *Методы индивидуально-правового регулирования* – это совокупность использования правовых средств, приемов и способов воздействия на

¹³⁴ Кашанина Т. В. Юридическая техника : учебник. С. 100–103.

¹³⁵ Законодательная техника : науч.-практ. пособие / под ред. Ю. А. Тихомирова. М., 2000.

¹³⁶ Цит. по: Давыдова М. Л. Юридическая техника: проблемы теории и методологии. С. 106.

¹³⁷ Березовская Е. В. Правотолкование и индивидуально-правовое регулирование : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2005. 34 с.

общественные отношения в индивидуальном порядке. На данном уровне можно выделить следующие виды: индивидуально-правовой и государственно-властный, а также «метод диспозитивно-субординационный (правоприменительный) и метод диспозитивно-автономный (договорной)»¹³⁸.

2.2. *Правила индивидуально-правового регулирования* – это основополагающие принципы, на основе которых строится правоприменение (гласности, состязательности, законности, независимости судей, язык судопроизводства и др.).

2.3. *Средства индивидуально-правового регулирования* – это инструменты правоприменения, которые можно объединить в три группы¹³⁹: а) индивидуальные средства (индивидуально-правовой акт); б) нормативно-индивидуальные средства (результаты индивидуального регулирования, облаченные в нормативную форму); в) нормативные средства – правовые средства, выступающие основой для осуществления индивидуально-правового регулирования.

3. *Юридико-технические элементы индивидуального правового регулирования.* Здесь следует упомянуть, не выделяя в качестве специфических, характерные для предыдущих уровней, но все же на уровне правоприменения приобретающие некоторые особенности, следующие элементы:

3.1. *Методики (совокупность методов и способов)* – структуризации, логического и языкового изложения, построения правового материала по степени обобщенности (абстрактный, казуистический); способы связи между нормативными правовыми актами (В.Н. Карташов, С.С. Алексеев, Ю.А. Тихомиров, Д.А. Керимов), способы аналогий, сопоставления вступивших в силу решений суда. Также на уровне индивидуального правового регулирования широко используются методы и способы общеюридического значения (метод научного эксперимента, статистический, историзма, сравнительный, социологический).

¹³⁸ Минникес И. А. Индивидуальное правовое регулирование (теоретико-правовой анализ): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2009. 54 с.

¹³⁹ Там же.

3.2. *Правила.* «Согласно школе Стучки – Пашуканиса право – это технические правила»¹⁴⁰, производные от методов элементы, в которых воплощены уже познанные и практически подтвержденные методологические закономерности юридической техники. Они обусловлены методом и реализуются через приемы и средства. Нередко правила юридической техники смешивают с ее средствами, методами, приемами¹⁴¹. Считаем, что на уровне индивидуально-правового регулирования правила – самостоятельный элемент, находящийся в тесной взаимосвязи с иными составляющими юридической техники, особенность которых заключается в том, что они санкционированы государством и носят традиционный, унифицированный характер с учетом области и сферы применения права. При этом считаем, что правила в правоприменительной деятельности проецируются с правил законотворческой техники – логики, грамматики и синтаксиса, ровного, спокойного стиля, ясности закона, точности законодательного текста, краткости и понятности языка закона¹⁴² (имеется в виду использование профессионального языка и стиля наряду с простотой, ясностью и доступностью конкретному лицу, которому правоприменительный акт будет адресован, сочетание лаконичности с необходимой смысловой содержательностью, конкретности с требуемой абстрактностью); последовательность в изложении юридической информации; взаимосвязь, согласованность и внутренне единство правового материала¹⁴³; надлежащее внешнее оформление актов-документов, что выражается в реквизитах документа: названии, времени и месте принятия, указании, к кому обращен документ, подписях соответствующих должностных лиц, печати;

¹⁴⁰ Александров А. С. Юридическая техника – судебная лингвистика – грамматика права // Проблемы юридической техники : сб. ст. / под ред. д-ра юрид. наук, проф. В. М. Баранова. Н. Новгород, 2000. С. 101–108.

¹⁴¹ Косов Р. В. Актуальные проблемы теории государства и права. Тамбов, 2008. С. 34.

¹⁴² Керимов Д. А. Законодательная техника : науч.-метод. и учеб. пособие. М., 2000. С. 121.

¹⁴³ Доржиев Ж. Б. Теория государства и права : учеб.-метод. пособие для студентов. Улан-Удэ, 2005. С. 97.

регламентация процессуальных действий, особенно в судебной деятельности¹⁴⁴ и др.

Представленное многообразие правил правоприменительной деятельности можно объединить, с одной стороны, в три относительно самостоятельные, но взаимосвязанные группы – лингвистические (языковые), логические (законы формальной логики) и гносеологические (достижение тождества категорий сущего и должного в акте с объективными реалиями материального мира)¹⁴⁵. С другой стороны, учитывая конкретную специфику правоприменительных действий, можно производить и более дробное деление, выделяя: правила логики, содержательные, структурные, языковые, формальные (реквизитные), процедурные¹⁴⁶.

Что касается правоприменительной деятельности в рамках индивидуально-правового регулирования, то, исходя из этого, можно выделить процессуальные (процессы судопроизводства: гражданский, арбитражный процесс; процессы принятия решений) и процедурные правила (процедура проведения судебной экспертизы, процедуры исследования доказательств, процедуры голосования, процедура увольнения сотрудника организации).

3.3. *Приемы*, используемые в рамках индивидуально-правового регулирования, многочисленны и разноплановы. Так, можно выделить следующие группы приемов:

– в зависимости от методов – грамматический (текст, его морфологическая и синтаксическая структура, анализ терминов, смысла предложения, исследование общей грамматической и смысловой структуры), систематический, логический, историко-политический, специально-юридический, телеологический и функциональный;

– по степени обобщения норм – абстрактный и казуистический;

¹⁴⁴ Например, глава 16 ГПК РФ регулирует такие вопросы, как форма решения суда, его содержание, исправление описок и явных арифметических ошибок.

¹⁴⁵ Чигидин Б. В. К вопросу о понятии юридической техники С. 37; Косов Р. В. Актуальные проблемы теории государства и права. С. 34.

¹⁴⁶ Кашанина Т. В. Юридическая техника : учебник. С. 68–134.

- по способу изложения норм – прямой, бланкетный, ссылочный¹⁴⁷;
- к приемам также относят: определение, классификацию, юридическую конструкцию, презумпцию и фикцию; сравнение, аналогию, вывод одних знаний из других.

На наш взгляд, многочисленные приемы в рамках правоприменительной деятельности логично объединить в две группы:

а) *приемы, относящиеся к созданию текста правоприменительного акта*, определению его структуры (вводная часть, фабула дела, установление юридических фактов, мотивировочная и резолютивная части), которые можно подразделить на две подгруппы: приемы, относящиеся к лингвистико-логическому строению акта (выбор лексических и синтаксических средств, дефинирование, перечисление), и приемы, связанные с решением содержательно-познавательных задач (использование конструкций, презумпций и фикций);

б) *приемы, связанные непосредственно с правоприменительной деятельностью*, несомненно, специфичные, что обусловлено объектом и методами индивидуального правового регулирования. К примеру, в правоприменении важно учитывать, что в конституционном законодательстве больше применяется норм-дефиниций, норм-целей и норм-принципов, а сами нормы нередко состоят лишь из диспозиций. В гражданском и уголовном законодательстве традиционной является строгая и детальная структуризация институтов и норм. Однако неизученными остаются вопросы разработки универсальных технических приемов их применения.

3.4. *Средства*. Стоит отметить, что на уровне индивидуального правового регулирования могут применяться такие средства социального и правового регулирования, как:

- формально-атрибутивные (реквизиты документа, символы);
- логические (структура правоприменительного акта-документа в целом);

¹⁴⁷ Алексеев С. С. Общая теория права. Курс в 2 т. Т. 2. С. 282–284.

– языковые (весь комплекс выразительных языковых средств, включая специальную терминологию, речевые клише, метафоры, символы и т. д.).

В некотором смысле можно обнаружить *практическое смешение приемов и средств*. Имеются ввиду пробелы, аналогия права и закона¹⁴⁸, преюдиции, фикции¹⁴⁹, презумпции¹⁵⁰, исключения¹⁵¹, аксиомы; юридические термины (понятия, словосочетания используемые при изложении содержания правоприменительного акта), юридические конструкции как специфическое строение материала, складывающееся из определенного сочетания прав, льгот, поощрений, обязанностей, запретов, приостановлений, наказаний. В данном случае указанные средства в правоприменительной деятельности используются как идеальные модели, схемы, шаблоны структурного построения прав, обязанностей, ответственности и иных элементов, используемых правоприменителем для производства и формулирования правоприменительных актов.

Таким образом, средства правоприменительной техники абсорбируют инструменты всех уровней регулирования общественных отношений, включая промышленно-технические (обеспечительные) средства социального и правового регулирования. Ярким примером может служить и использование компьютерной, факсимильной и оргтехники, электронного документооборота, электронных подписей, средств Интернета, специализированного программного обеспечения в правоприменительной деятельности. Это ГАС «Правосудие», «Делопроизводство», автоматизированные рабочие места «ЭЦП», электронные замки и сертификаты, видеосвязь, преимущественно в судопроизводстве по экономическим спорам, банки судебных решений,

¹⁴⁸ Ст. 6 Гражданского кодекса РФ от 30.11.1994 № 51-ФЗ, ст. 7 Жилищного кодекса РФ от 29.12.2004 № 188-ФЗ.

¹⁴⁹ Ст. 42 Гражданского кодекса РФ от 30.11.1994 № 51-ФЗ, ст. 45 Гражданского кодекса РФ от 30.11.1994 № 51-ФЗ.

¹⁵⁰ Ч. 3 ст. 15, ст. 40 Конституции РФ от 12.12.1993, ст. 14 Уголовно-процессуального кодекса РФ от 18.12.2001 № 174-ФЗ, ст. 1.5 Кодекса об административных правонарушениях РФ от 30.12.2001 № 195-ФЗ.

¹⁵¹ Суменков С. Ю. Целевое предназначение исключений в праве // Вестник Саратовской государственной академии права. 2009. № 5. С. 30–33.

справочно-правовые системы «Гарант», «Консультант Плюс» и др. Соответственно, специфичность состава правоприменительной техники предопределяется совокупностью элементов трехуровневого регулирования общественных отношений¹⁵², а эффективность правоприменения зависит от конкретного «набора» средств, использование которых демонстрирует, что правоприменительная техника – это прикладная основа и обеспечительная база правоприменения. Вместе с тем *«структурное наполнение» каждого из рассматриваемых уровней общественного регулирования представлено сходным набором инструментов, проявляемым на каждом уровне специфично практически идентичными инструментами – методами, способами, правилами, приемами и средствами.* В зависимости от уровня применения «элементный набор» приобретает характерные особенности и специфические черты. При этом вариативность выбора средств и их наполнение зависит от уровня регулирования. Представленные выше элементы подтверждают это. Если на уровне правового регулирования наиболее значимыми выступают правила (логические, позволяющие добиться выводов, очевидных для других людей¹⁵³; лингвистические, от которых зависит точность, обоснованность, объективность и непротиворечивость правовых актов и действий; гносеологические и др.), приемы и средства юридической техники (анalogии права и закона, преюдиции, фикции, презумпции, исключения, аксиомы), то *наибольшее юридико-техническое значение в индивидуальном правовом регулировании отдается правовым средствам*, под которыми следует понимать правовые инструменты, предметы, явления, рассматриваемые диссертантом не столько с позиции нужд юридической практики, сколько в ракурсе функционального предназначения.

Правовые средства – это категория, достаточно обстоятельно обосновываемая специалистами общей теории права¹⁵⁴. Правовым средствам инди-

¹⁵² См. Приложение 3 «Трехуровневый состав (элементы) правоприменительной техники».

¹⁵³ Виноградов С. Н. Логика : учебник для средней школы / под ред. А. А. Чудова. М., 1947.

¹⁵⁴ Алексеев С. С. Правовые средства: постановка проблемы, понятие, классификация // Советское государство и право. 1987. № 6. С. 12–19 ; Малько А. В. Правовые средства как

видуального правового регулирования уделяется внимание в рамках соответствующих исследований¹⁵⁵. Например, Т.В. Кашанина отмечает, что набор средств индивидуального регулирования велик (факультативные, альтернативные нормы, нормы-перечни, нормы, допускающие исключения, нормы, дающие ориентир, субсидиарное применение права, договоры, аналогия права)¹⁵⁶, при этом указанный перечень составлен по нарастающей доле свободы, то есть от субординационного и далее координационного до автономного регулирования. И.А. Минникес выделяет такие группы средств, как нормативные (нормы права, нормативно-правовые акты, акты официального нормативного толкования), нормативно-индивидуальные (нормативные договоры, прецеденты, акты нормативно-казуального толкования – например, обзоры судебной практики), индивидуальные (односторонние акты, договоры, правоприменительные акты, аналогия закона, субсидиарное применение права)¹⁵⁷.

Учитывая изложенное, считаем, что *логичнее в состав правоприменительной техники, обеспечивающей эффективность индивидуально-правового регулирования, включать преимущественно правовые средства*. В этой связи особым, отвечающим тенденциям становления информационного государства и общества средством правоприменительной техники являются правовые символы – средства правового воздействия, обеспечивающие эффективность индивидуально-правового регулирования.

общетеоретическая проблема // Известия ВУЗов. Правоведение. 1999. № 2. С. 4–16; Сапун В. А. Теория правовых средств в механизме реализации права. СПб., 2002 ; и др.

¹⁵⁵ Минникес И. А. Индивидуальное правовое регулирование (теоретико-правовой анализ). С. 53 ; Кашанина Т. В. Индивидуальное регулирование в правовой сфере // Советское государство и право. 1992. № 1. С. 127–128 ; Пугинский Б. И. Теория и практика договорного регулирования. С. 182.

¹⁵⁶ Кашанина Т. В. Индивидуальное регулирование в правовой сфере.

¹⁵⁷ Минникес И. А. Индивидуальное правовое регулирование: проблемы теории и практики. С. 55.

Глава 2. Правовые символы в правоприменительной деятельности

§1 Правовые символы: понятие и значение

Символическая реальность многообразна и проявляется в различных сферах – искусстве, науке, журналистике, образовании, праве, а потому практически неисчерпаема (вербальные, аудиовизуальные, математические, технические и др. реальности, разного рода образно-символические построения)¹⁵⁸. Если условно предположить, что все в природе символично, станет понятно, почему «символы во все большей степени воздействуют на нас»¹⁵⁹, становясь одним из сложнейших объектов исследования в контексте разных культур¹⁶⁰. Учитывая, что в основу символа можно положить практически все: от контура тени насекомого, до закона – результата сложных интеллектуальных усилий, – становится вполне объяснимо, почему «в жизни символиста все – символ. Не-символов – нет»¹⁶¹, а все случаи символичны.

В этой связи нужно согласиться с плюро-дуо-монистической сущностью символа как прото-феномена – идеального, реального (дуализм), символического (плюрализм), тождественного (монизм)¹⁶², в соответствии с чем символ: а) задан и дан; б) идеален и реален; в) антитеологичен; г) познаваем¹⁶³. Достаточно показательным в этом смысле является изречение Конфуция: «Знаки и символы управляют миром, а не слово и не закон». Однако, «символ не есть отвлеченное понятие, и только изучение фактических случаев символопользования дает возможность приблизительно понять проблему символа, но лишь приблизительно»¹⁶⁴. Именно поэтому *феномен символизма* представляет собой явление, находящееся на пересечении как, *познавательных проблем*: а) естественных наук (физики, математики, логики); б) гумани-

¹⁵⁸ Речицкий В. Символическая реальность и право. Львов, 2007. С. 11–12.

¹⁵⁹ Резолюция 1276 (1995) Парламентской Асамблеи Ради Европы «Про силу визуальных образов» // Бюллетень бюро информации Ради Европы в Украине. 2003. № 10. С. 33.

¹⁶⁰ Тен Ю. П. Символы России и зарубежных государств. Ростов н/Д, 2009. С. 66.

¹⁶¹ Цветаева М. И. Сочинения. В 2 т. Т. 2. М., 1988. С. 259.

¹⁶² Гёте И. В. Избранные философские произведения. М., 1964. С. 356.

¹⁶³ Свасьян К. А. Проблема символа в современной философии (Критика и анализ). Ереван, 1980. С. 115.

¹⁶⁴ Флоренский П. А. Точка // Памятники культуры. Новые открытия. 1982. М., 1984. С. 114.

тарных и социальных наук (культурологии, философии, социологии, истории, психологии, языкознания, этнографии, эстетики, политологии, права и др.); в) культуры (идеологии, религии, в живописи, музыке, литературе); – так и *практического применения*, проявляемого, на наш взгляд, посредством культурологического аспекта. Это объясняется тем, что любая научно-практическая деятельность человека – это своего рода культура, «способ бытия человека, продукт его творчества, необходимая среда обитания»¹⁶⁵. Поэтому дать однозначное, четкое определение символа достаточно сложно, с одной стороны, потому что символ – многомерное явление, с другой – наличие диаметральной противоположности взглядов, учений о символике. Так, «“символ” Лейбница не равнозначен “символу” Канта, Шеллинг мыслит под “символом” совершенно иное, чем Ч. Пирс; центральные символы религий никак не совпадают со смыслом, вкладываемым в это понятие Гельмгольцем, и только в плане фонетики сближаем “символ” у Блока с “символом” у Рассела»¹⁶⁶.

На наш взгляд, указанная разноречивость полезна при рассмотрении символа в частных проявлениях, но при анализе символа в качестве единого целого, на наш взгляд, недостаточна. Ведь *сущностное содержание общекультурной символики* заключено в формуле общего и частного: «Что такое общее? Единичный случай. Что такое частное? Миллионы случаев»¹⁶⁷. Поэтому следует обнаруживать место и предназначение символа через синтез целого (культура – совокупность символов, символический мир¹⁶⁸) и частного (специфические элементы культуры: язык, религия, искусство, философия, история, политика, социология и право).

Таким образом, *главная сущность символа* – быть событием в структурной иерархии мира. Поэтому все более актуализируется потребность ис-

¹⁶⁵ Тен Ю. П. Символы России и зарубежных государств. С. 5.

¹⁶⁶ Свасьян К. А. Проблема символа в современной философии (Критика и анализ). С. 116.

¹⁶⁷ Гёте И. В. Избранные философские произведения. С. 325.

¹⁶⁸ Термин «культура» толкуется нами исключительно в аспекте символического, и это ни в какой мере не направлено на исключение разноречивости его толкования.

пользования символа при анализе и интерпретации конкретных явлений и процессов. Это дает возможность выстроить *цепочку проявления символического*, элементы которого находятся в постоянной взаимосвязи и взаимодействии: *человек (физическая реальность) – культура (реальность наполненная символами) – познаваемое бытие*. Здесь символ как единичный элемент системы (ядро, основное звено) занимает позицию посредника, «моста», «переводящего», направляющего человека *animal symbolicum* (с лат. «животное символическое»¹⁶⁹) к познанию бытия. При этом человек, его деятельность – это физическая реальность, а все, что его окружает – есть бытие, познаваемое посредством символической реальности.

Природа и социальное предназначение символа определяется двояко:

1) *Через анализ ряда спецификаций*, отражающих сущность символа, и «специфицирующих его сообразно своей среде»¹⁷⁰ (*символические формы*), каждая из которых при всей самодостаточности несет в себе потенциальные и актуальные признаки символа, что представляет своего рода внутреннее строение, состав символа. Поэтому логически символ есть универсальное символических форм, при этом его природа шире, его содержание есть единство существующих форм (например, человек как символ разума или символ жизни на земле, как система органов и каждый орган в отдельности; государство как символ общности народа, проживающего на определенной территории, политико-правовой организации общества и его правовые институты или отрасли). Отсюда, если форма символа в конкретном случае, в определенном разрезе, точке зрения монистична, то символ как целое, универсальное – «плюро-монистичен»¹⁷¹.

2) *Через конституирование символа* – от точки «ничто» до точки «символ»¹⁷², через выявление его специфики по отношению к другим символиче-

¹⁶⁹ Тен Ю. П. Символы России и зарубежных государств. С. 5.

¹⁷⁰ Свасьян К. А. Проблема символа в современной философии (Критика и анализ). С. 121.

¹⁷¹ Белый А. Рудольф Штейнер и Гёте в мировоззрении современности. Воспоминания о Штейнере. М., 2000. С. 154–159.

¹⁷² Сычева С. Г. Проблема символа в философии. Томск, 2000. С. 24.

ским формам. Здесь «символ» тождествен по форме и различен с ними по содержанию. Поэтому *символ есть единство формы и содержания*, выражаемое переходом содержания в форму и наоборот. Аналогично соотносятся символ и реальность, поэтому *сущность символа* может быть представлена следующим: а) символ отражает реальность; б) символ выражает реальность; в) символ тождествен реальности или различен с ней; г) символ несводим к реальности; – что говорит о *многомерности символа*. При этом выявление «плюромонистичности» и «многомерности», на наш взгляд, достаточно условно и необходимо методологически, в первую очередь для предотвращения теоретических ошибок¹⁷³. Следовательно, *природа символа обнаруживается в движении, а подвижная форма и есть содержание*.

Указанное позволяет составить *перечень символических форм*¹⁷⁴, включающий анализ содержания с позиции их правового значения. Это позволит обнаружить границы, «рамки» «символического», провести анализ назначения символических форм.

1. *Категория «знак»* – это материальный, чувственно воспринимаемый предмет (явление, действие), который выступает как представитель другого предмета, свойства или отношения¹⁷⁵. Данную символическую форму следует рассматривать через анализ оппозиции «символ – знак». В данном случае следует говорить о *двух полярных трактовках*.

С одной стороны, *символ имеет знаковую сущность*. Это подтверждается анализом различных сфер познавательной реальности.

¹⁷³ Имеются в виду «две крайности» – символизм (идеализация и абсолютизация *формы* Э. Кассирером) и антисимволизм (отрицание формы Бергсоном).

¹⁷⁴ Речь идет о таких перечнях символических форм, как: а) знак, метафора, образ, аллегория, понятие, явление, тип, сравнение, олицетворение, миф (К. А. Свасьян); аллегория, олицетворение, диспаратная связь, эмблема, метафора, тип, художественный образ, понятие, миф, архетип (С. Г. Сычева); наука, искусство, поэзия и миф (В. Речицкий). См.: Свасьян К. А. Проблема символа в современной философии (Критика и анализ) ; Сычева С. Г. Проблема символа в философии. С. 24–28 ; Речицкий В. Символическая реальность и право.

¹⁷⁵ Советский энциклопедический словарь. С. 470.

В энциклопедическом понимании «символ» (от греч. symbolon «объединение, соединение»¹⁷⁶) определяется как «условный вещественный опознавательный знак для членов определенной группы людей... обозначающий какое-либо понятие; образ, идею»¹⁷⁷; как предмет или действие, служащее условным знаком какого-нибудь понятия¹⁷⁸; символ – синоним понятия «знак» (в лингвистике, информатике, логике, математике, классической семиотике¹⁷⁹), предметное значение которого обнаруживается только бесконечной интерпретацией самого знака: «а) предмет определяется посредством определенного знака-символа, б) знак-символ не может выражать другую предметность, являя тождество, в) знак-символ, указывая на предмет, одновременно является источником смысла, г) интерпретация знака-символа не допускает однозначной “расшифровки”, но в то же время предполагает существование конкретного смысла и исключает произвольность толкования».

В философско-культурологическом аспекте «все, что имеет значение и смысл в нашей жизни, есть знак – символ иного мира¹⁸⁰»; символы знакоподобны, так как «используют материальные построения, используемые знаками... абстрактно предполагаемыми в качестве носителей информации»¹⁸¹; символ – «идейно-образная структура, содержащая в себе указания на отличные от нее предметы, для которых она является... знаком»¹⁸², поэтому символ как знак, несущий в себе «предметный образ (проявляется в его наглядности) и условно фиксирующий смысл (раскрывается через представление эффекта действия)»¹⁸³, является знаком «совершенно особого рода». Отсюда, предметность знака порождает предметность, показательность и наглядность

¹⁷⁶ Энциклопедия символов / сост. В. М. Рошаль. М. ; СПб., 2005. С. 19–27.

¹⁷⁷ Символы, знаки, эмблемы : энциклопедия / авт.-сост. В. Э. Багдасарян, И. Б. Орлов, В. Л. Телицын ; под общ. ред. В. Л. Телицына. 2-е изд. М., 2005. 494 с.

¹⁷⁸ Словарь русского языка / сост. С. И. Ожегов. М., 1953. С. 661.

¹⁷⁹ В классической семиотике знаковость символа общепризнана (А. Ф. Лосев, называющий по этому К. А. Свасьяна своим учеником).

¹⁸⁰ Бердяев Н. Философия свободного духа. Гл. 2 «Символ, миф и догмат».

¹⁸¹ Мамардашвили М. К., Пятигорский А. М. Символ и сознание: Метафизические рассуждения о сознании, символическом языке. М., 1999. 100 с.

¹⁸² Лосев А. Ф. Знаки. Символ. Миф // Труды по языкознанию. М., 1982. С. 246–279.

¹⁸³ Мантатов В. В. Образ, знак, условность. М., 1980. С. 126.

символа, а наличие знаковости в символической позволяет показать, почему «через символы... сознанию открываются... смыслы»¹⁸⁴.

В политико-правовой сфере символы – «знаки, выполняющие коммуникативную функцию между личностью и властью»¹⁸⁵. Следовательно, совокупность символов одного порядка определяется как знаковая система символов¹⁸⁶, выражающихся «посредством эмоционально-осознанного овеществления в знаково-символических формах семантической структуры ритуального поведения»¹⁸⁷. Таким образом, если знак лишь указывает на некоторое, в большей мере статическое обстоятельство, то символ – это знак, которому присуще динамическое качество жизни. Поэтому можно сказать, что символ «живет в употреблении»¹⁸⁸. При этом «сущность знака образует чистое указание, а сущность символа является более широкой, чем только указание на то, что не есть он сам»¹⁸⁹. Если тело – это знак, а по Ж. Бодрийяру тело – это символ, то знак – это то, что уже ни к чему не отсылает, а если и отсылает, то это возможно в иной реальности (например, знак – указатель, связанный с подачей информации о направлении движения, а потому символом не является, оставаясь просто знаком); символ же, наоборот, обладает отсылочным характером (например, судейская мантия является символом, причем тело (человека) – это знак, а одеждой (мантией) его символизируют; или знак дорожного движения, где конкретное изображение – это знак, а его применение в конкретной ситуации – символ безопасности дорожного движения).

¹⁸⁴ Радугин А. А. Культурология. М., 2001. С. 14. (Здесь прослеживается аналогия с теорией символизации Аристотеля.)

¹⁸⁵ Политология : словарь - справочник / М. А. Василик, М. С. Вершинин и др. М., 2001. С. 256–257.

¹⁸⁶ Быкова Т. Н. Политическая символика: к проблеме определения и происхождения // Вестник Севастопольского национального технического университета. Вып. 91 : Политология. 2008. С. 146.

¹⁸⁷ Бакланов П. А. Профессиональные символы государственной службы (социологический анализ) : автореф. дис. ... канд. социол. наук. М., 2007. С. 11.

¹⁸⁸ Витгенштейн Л. Философские исследования // Языки как образ мира / под ред. К. С. Королева. СПб., 2003. С. 403.

¹⁸⁹ Кристева Ю. Избранные труды: Разрушение поэтики. М., 2004. С. 93.

С другой стороны, *символы* «как особые выражения жизни сознания»¹⁹⁰ *знаковой сущности не имеют*¹⁹¹.

С этой точки зрения в *энциклопедическом понимании* символ определяется как «элемент коммуникации, который представляет, заменяет лицо, объект, группу, процесс, идею»¹⁹², существуя только внутри сознательных интерпретаций; «символ, в широком смысле, понятие, фиксирующее способность материальных вещей, событий, выражать содержания, отличные чувственно-телесного Бытия»¹⁹³.

В *философском аспекте*: идеи есть символы сознания, поэтому по отношению к знаку являются чем-то всегда более высокого порядка (Платон)¹⁹⁴; язык (знаки) – выражение культуры, а символизм (антизнаки) – выражение жизни сознания (С.Г. Сычева); «знак природу чего-либо отразить не может и используется только для удобства, поэтому язык знаков необходим, но лишь в умеренном использовании, так как «иероглифический способ выражения» может подменить подлинное природное явление, мешая, а не помогая истинному познанию¹⁹⁵. Следовательно, символы, в отличие от знаков, сами значат, они – суть средства представления через понятия, которые в данном случае получают значение косвенно через аналогию с конкретным образом (символом)¹⁹⁶. Поэтому символ – факт сложной трансформации сознания под влиянием бессознательной стихии¹⁹⁷; а потому создает единую многослойную структуру взаимосвязанных сущностей, подчиненных единому закону, подводящего данную множественность к единой универсалии.

¹⁹⁰ Мамардашвили М. К., Пятигорский А. М. Символ и сознание: Метафизические рассуждения о сознании, символике и языке. С. 27.

¹⁹¹ Это подтверждается еще и тем, что не все исследователи символа как явления занимались изучением проблем знаковости, например, И. В. Гёте.

¹⁹² Britannica : настольная энциклопедия. Т. 2. М. ; Тверь, 2006. С. 1747.

¹⁹³ Новейший философский словарь. С. 614–615.

¹⁹⁴ Цит. по: Мамардашвили М. К., Пятигорский А. М. Символ и сознание: Метафизические рассуждения о сознании, символике и языке. С. 94–95.

¹⁹⁵ Гёте И. В. Избранные философские произведения.

¹⁹⁶ Кант И. Критика чистого разума // Сочинения в 8 т. Т. 3. М., 1994. С. 514.

¹⁹⁷ Позиция М. Эриксона, отчасти Р. Лэнга.

В политико-правовом значении символ – концентрированно – зримое выражение основной идеи, основанное на структурном сходстве с ним¹⁹⁸, «универсальный структурообразующий элемент процессов действия (поведения) и взаимодействия, познания и мышления, “создания” и “конструирования” социальной реальности, продукт субъективации (результат символизации) и объективации (результат символизации) социального мира»¹⁹⁹.

Таким образом, признавая многочисленность знаковых интерпретаций символа, считаем, что знак – может быть символом, а символ знаком – нет. «Всякий раз, когда исследуются знаковые ситуации... приходят к выводу, что “знак есть только знак”»²⁰⁰ и становится символом только в известном контексте (например 12 декабря 1993 г. – просто совокупность определенных знаков в календаре, но дата Дня принятия Конституции России «12 декабря 1993 г.» приобретает символическое наполнение, становится символом, имеющим знаковое выражение. Поэтому символ проявляется в знаке гипотетически и исключительно к нему не сводим, как идея, отражающая многослойную структуру реальности. Специфика символа выглядит иначе. Там, где вещь наделяется сознанием смыслом, передающимся из поколения в поколение, мы имеем дело с символом, там же, где вещь – просто вещь, которая является объектом исследования, – перед нами знак. Поэтому *символы не могут быть знаками, но могут их в себе содержать.* Примером знаков, используемых в юридической деятельности, являются знаки дорожного движения – предупреждающие, запрещающие, предписывающие, информационные, опознавательные и др.²⁰¹; товарные знаки – «обозначение, служащее для индивидуализации... выполняемых работ или услуг»²⁰²; знак охраны автор-

¹⁹⁸ Гаджиев К. С. Введение в политическую науку ; Скакун О. Ф., Овчаренко Н. И. Юридическая деонтология : учебник. Харьков, 1999.

¹⁹⁹ Бакланов П. А. Профессиональные символы государственной службы (социологический анализ). С. 11–12.

²⁰⁰ Мамардашвили М. К., Пятигорский А. М. Символ и сознание: Метафизические рассуждения о сознании, символическом и языке. С. 96.

²⁰¹ Постановление Правительства РФ от 23.10.1993 № 1090 «О правилах дорожного движения».

²⁰² Ст. 1477 ч. 4 Гражданского кодекса РФ от 18.12.2006 № 230-ФЗ.

ского права, носящий уведомительный характер, так как уведомляет, кто является автором²⁰³. Правовые знаки не только используются, применяются в юридической деятельности, но и закреплены законодательно. Соответственно, символы и заключенные в них знаки способствуют повышению культуры правотворчества, правоприменения и правовой культуры общества. Отсюда, знаки имеют определенный смысл, помогая через понимание перейти к знанию («богатейший опыт научного семиотизирования третьей четверти XX в. перевода символов сознания в знаки культуры»²⁰⁴). На наш взгляд, *связующим звеном перехода от знака к символу (от знания к пониманию) является язык*. Поэтому, символ – это «мост» между идеальным и чувственными мирами, и «смысл культуры – в возведении знака к символу»²⁰⁵, а через него с помощью языка к сознанию.

2. Понятие «*метафора*» (с греч. – употребление слова в переносном смысле). Эта категория, образуясь по принципу сходства, также близка символу и актуализируется через символичность. Символ и метафора соотносятся как целое и частное, потому что метафора: а) лишь одна из форм его проявления, б) не может полностью воплотить в себе символ, являясь «орнаментом», отграничиваясь от символа идентичностью предмета, на который она указывает, индивидуальностью. Символ же переносит свойства предметов и устанавливает их соответствия не для описания конкретных предметов, а для отсылки к «неописуемому». Именно поэтому метафора и символ не могут считаться синонимами, хотя и обнаруживают общие черты – это объекты в большей мере интерпретационные. При этом метафора раскрывает латентное, а символ стремится обозначить будущее, метафора выражает языковое значение, а символ – общие идеи. Символы становятся, возвышаются, а возвысившись, приобретают власть над человеком, формируя модели поведе-

²⁰³ ГОСТ Р 7.0.1–2003. Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу.

²⁰⁴ Мамардашвили М. К., Пятигорский А. М. Символ и сознание: Метафизические рассуждения о сознании, символическом и языке. С. 101.

²⁰⁵ Сычева С. Г. Проблема символа в философии. С. 28.

ния. Метафоры же не принадлежат к личной, социальной сфере, в них видят ключ к пониманию основ мышления и осознания некоего универсального образа. Отсюда «метафорой принято называть любой способ косвенного и образного выражения смысла»²⁰⁶. «Выигрыш дела», «борьба с преступностью», «веские доказательства», «механизм сдержек и противовесов» – все это метафоры, которые присутствуют в юридической деятельности; метафоры присутствуют и в речи судей, и в Преамбуле Конституции РФ, и в изучении юриспруденции. Вместе с тем говорить о нормативном или правоприменительном закреплении метафор не представляется возможным. Так, «использование эмоционально-экспрессивных языковых средств, образных сравнений (эпитетов, метафор, гипербол и др.) не допускается»²⁰⁷; примером является и следующее мнение: «иногда судьи не сдерживают своих эмоций и допускают в текстах судебных актов использование риторических фигур: сравнений, метафор, гипербол, литот и др. Неуместность использования перечисленных экспрессивных средств языка в судебных актах определяется особенностями официально-делового стиля и языка судопроизводства»²⁰⁸. Соответственно, метафоры, характерные для юридических актов-действий, не свойственны юридическим актам-документам. Следовательно, в области права метафора стремится к символу; в свою очередь, символы могут отражать содержание через метафору.

3. Категория «образ» понимается двояко. С одной стороны, всякий символ есть образ, который до известной степени символичен, но образ, не являясь идеей, служит лишь способом восхождения к ней. Символ же – идея, данная образом. Грань между ними трудноопределима. Во-первых, символ не

²⁰⁶ Шаронова А. А. Метафора и символ. URL: tstu.ru/science/seminar/konf6/pdf/078.pdf.

²⁰⁷ Приказ Министерства юстиции РФ и Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ от 10 января 2001г. № 3/51 «Об утверждении Методических правил по организации законопроектной работы Федеральных органов исполнительной власти»; Приказ Государственного таможенного комитета Российской Федерации от 14.12.2000 № 1155 «Об утверждении положения о нормативных правовых актах ГТК России».

²⁰⁸ Решенкин А. Г., Павлов Н. В. О языке судопроизводства и стиле судебного акта // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. М., 2001. № 7. С. 114–121.

самодостаточен и «служит» своему предмету, требуя толкования, изначально являясь связанным с ним, а потому динамичен. Во-вторых, «символ есть образ, взятый в аспекте знаковости, наделенный... неисчерпаемой многозначностью образа»²⁰⁹. Поэтому, образ – часть символа, при переходе в который «образ становится “прозрачным” и смысл “просвечивает” сквозь него»²¹⁰. С другой стороны, символ есть смысл, посредством которого он превращается в образ²¹¹. Представляется, что образ может стать символом лишь в определенном случае, когда приобретает определенный смысл. Все перечисленное свидетельствует о том, что образ – необходимая часть символа. Например, икона (с греч. – образ, предмет искусства, религии) – образ божественного, вечной жизни, а православная икона Чудотворной Казанской Богородицы, которую несли перед собой воины народного ополчения Минина и Пожарского, освободившие в 1612 г. Москву и всю Россию от польских захватчиков, становится символом русского флага (впоследствии вместо иконы несли перед собой флаг с изображением иконы), божественного благословения, покровительства и удачи в бою, повышающим воинских дух. В современной юриспруденции мы также можем встретить различные правовые образы – от чисто технических, например, электронных образов правовых и правоприменительных актов, до технико-юридических, например, образов участника судебного процесса (в судебной речи) – «добродетельный муж», «искусный врачеватель», также мы можем говорить о положительном образе государственной, судебной власти. Следовательно, чаще всего образы используются в речах, например, адвокатов, создающих с помощью них яркие речевые представления. Однако и сами субъекты права могут в определенных случаях выступать символическими образами. Так, судья – это символ правосудия и образ торжества справедливости. Тесная связь образа с символом приводит к тому, что одни и те же символы, повторяясь, становятся привычными и традиционными. А поиск общего приводит к однообразию в вы-

²⁰⁹ Аверинцев С. С. София-Логос. Словарь. Киев, 2001. С. 155–161.

²¹⁰ Там же.

²¹¹ Гегель Г. В. Энциклопедия философских наук. Т. 1 : Наука логики. М., 1974.

боре символа. Следовательно, символический образ – «это художественное средство обобщения действительности»²¹².

4. *Понятия «аллегория» и «символ»* наиболее родственны, но также не тождественны²¹³. Аллегория – это иносказание, выражающее идею через образ²¹⁴, носящее механический, иллюстративный характер, поэтому аллегория – есть отражение. Символ же, превращая идею в образ, сохраняет их неразрывность (по И.В. Гете). Поэтому символ и аллегория – разноплановые категории: символ – многозначен, отражая идею, преобразует ее; аллегория – однозначна, отсюда «говорить аллегориями – значит говорить не ясно, с малопонятными намеками на что-либо»²¹⁵ (ярким примером аллегии является басня). Однако это не дает основание их противопоставлять, ведь проявления аллегоричности в символике присутствуют. Яркими примерами аллегорий в юриспруденции могут быть следующие: мера (должного поведения), мудрость (власти), сила (закона).

5. *Категория «понятие»* как «логически оформленная общая мысль о предмете, представление о чем-либо»²¹⁶ также имеет отличительные особенности, позволяющие провести определенную грань между понятием и символом. Понятие – центростремительно, ясно и выражено, безобразно, символ – центробежен, образен, не всегда ясен и не выражен однозначно. Но символ не изолирует понятие от символичности, которое, как и всякий знак, может стать частью символа, а степень всеобщности понятия способствует их еще большему сближению. В этом контексте первое становится частью второго. Правовыми понятиями – словесными формулировками мысли, наиболее соотносимыми с правовой символикой, являются закон, свидетель, статья, следствие, доказательство, факт, истец, ответчик и др. Следовательно,

²¹² Лобжанидзе Б. Д. Метафоры, образы и символы в политическом детективе. URL: www.pglu.ru/lib/publications/University_Reading/2008/II/uch_2008_II_0013.pdf.

²¹³ Аллегория и символ стали различимы благодаря И.Ф. Гёте, Ф.В. Шеллингу, романтикам.

²¹⁴ Примером может послужить латинская пословица «Когда двое говорят одно и то же, они никогда не говорят одно и то же».

²¹⁵ Ожегов С. И. Словарь русского языка / под ред. Н. Ю. Шведовой. М., 1987. С. 22.

²¹⁶ Там же. С. 455.

правовые понятия составляют важнейший компонент профессиональной культуры юриста.

6. *Термин «явление»*, как «то, в чем обнаруживается сущность»²¹⁷, также в определенной мере сопоставимо с символикой. Символ, с одной стороны, отражает явление, с другой – определенное явление порождает символ, что возможно при наличии различных условий: назначения, употребления, расположения, использования. Например, символичен молоток в руках судьи, но вовсе не символичен молоток в руках плотника. Отсюда, символ – это образ, выражающий какое-либо явление.

7. *Категория «тип»* как «форма, вид, обладающие определенными признаками»²¹⁸, понятие формальной логики, обобщающее особенности конкретно данного, тоже не исключает символичности. Символ часто типичен, а тип не всегда символичен, что возможно, когда он: а) односложен (одно-сложность аллегорична); б) исчерпаем; в) неизобретателен. Следовательно, тип – отражает действительность, тогда как символ только намекает на нее. Например, Иван Карамазов из романа Достоевского – это философский тип, а скульптура «Алеша» – это типичный символ доблести и героизма защитников Заполярья. В юриспруденции мы можем говорить о типизации права и государства, правовых семей, договорных форм, исков, а также об определенных типах речи – присяге, последнем слове, торжественной клятве, судебной речи и т. п.

8. *Категория «сравнение»*. В основе символа – аналогия, сравнение (форма уподобляется содержанию), но далеко не всякое сравнение является символичным. Символичность сравнения образуется, когда между сравниваемыми предметами появляется не только типологическая общность, но и генетическое единство. В противном случае, сравнение станет аллегорией. Например, герб является символом потому, что по аналогии отражает политико-правовые тенденции государства, и разрабатывается, опираясь на его

²¹⁷ Ожегов С. И. Словарь русского языка / под ред. Н. Ю. Шведовой. С. 746.

²¹⁸ Там же. С. 22.

историческое развитие, то есть связан с последним генетически путем сравнения. Например, географическая карта – есть территориальное сравнение, а глобус – символическое сравнение с планетой Земля. В правовой реальности ряд аналогий закреплены в том числе законодательно – аналогия закона и аналогия права.

9. Понятие «олицетворение» – это выражение чего-либо в чем-либо, обобщающее в себе почти все существующие символические формы, проявляется в персонифицированной связи между означаемым и означающим. Следовательно, олицетворение есть персонификация символа, который становится «маской реальности» (по К.А. Свасьяну), или идеей, имеющей лицо. «Индивидуальное... отличает олицетворение от символа»²¹⁹. Но если олицетворение не может символизировать, то символ может олицетворять. Так, символ «Голубь мира» олицетворяет мир на земле. Юриспруденция достаточно часто прибегает к олицетворению. Например, статуя Фемиды и ее атрибуты олицетворяют торжество правосудия и т. п.

10. Категория «миф» – выдумка, недостоверность – в максимальной степени символична, однако символ мифом не ограничивается, так как его функционирование возможно и вне мифа, в отличие от которого символ не предполагает развернутого повествования и имеет сжатую форму, унаследовав мифологические коммуникативные функции: «по символу опознают и понимают друг друга “свои”»²²⁰. «Образ отражает вещь, символ – порождает, миф содержит тождество образа вещи и самой вещи»²²¹. В области права следует говорить о правовом мифе – устойчивой форме правосознания, с помощью которой правовая информация о действующем правопорядке собирается, систематизируется, закрепляется и воспроизводится в целях создания упрощенных схем должного поведения для их последующего сравнения с уже имеющимися представлениями. Правовыми мифами служат – правовые

²¹⁹ Лосев А. Ф. Проблема символа и реалистическое искусство. М., 1995. С. 116.

²²⁰ Аверинцев С. С. София-Логос. Словарь. С. 155–161.

²²¹ Лосев А. Ф. Проблема символа и реалистическое искусство. С. 139.

ритуалы, процедуры, церемонии (инаугурация), с помощью которых осуществляются правовые действия, носящие прежде всего публичный характер.

11. *Эмблема* – символическое изображение понятия, чаще выступающее формой символа. Эмблема иносказательна, однозначна, условна, как изображение конкретных предметов, исторических фактов, символ же – идея сознания, следующая из поколения в поколение. Необходимо отметить, что право насыщено эмблемами. Примером является государственная символика, а также универсальная эмблема прав человека, в которой воплощены идеалы Всеобщей декларации прав человека 1948 года²²². Следовательно, эмблема и символ – тесно связаны и дополняют друг друга.

12. *Архетип* и символ соотносимы посредством оппозиции «сознательное (Лейбниц и Вольф) – бессознательное (К.Г. Юнг, З. Фрейд)». При этом, архетип аналогично символу многозначен, наполнен смыслом, неисчерпаем. Это своего рода схема, согласно которой образуются мысли и чувства всего человечества, интерпретируемые до бесконечности, поэтому архетипы составляют основу общечеловеческой символики. Следовательно, «архетип – это глубинный, изначальный образ, воспринимаемый интуитивно, проявляемый на поверхности сознания в форме символов»²²³. Анализ правовых архетипов позволяет заключить то, что тенденции правовой модернизации и унификации не всегда приводят к ожидаемым результатам, способствуя дестабилизации функционирования механизма правового регулирования. «Архетипы национальной правовой культуры очень часто становятся преградой на пути нужных обществу реформ и нововведений»²²⁴, но это не значит, что их нужно искоренять, напротив, их сохранение и всемерное изучение позволит сохранить специфичность национальной правовой традиции в контексте национальной культурной преемственности, что обусловит упорядоченность и ста-

²²² Имеется в виду «Универсальная эмблема прав человека». См.: Сайт Организации Объединенных Наций. URL: www/ohchr.org/RU/NewsEvents/Stories/Pages/AuniversalemblemforHR.aspx.

²²³ Лейбин В. М. Архетип // Современная западная философия: словарь. М., 1991. С. 28.

²²⁴ Тюрин М. Г. Архетипы национальной правовой культуры : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2008. С. 16.

бильность общественного взаимодействия, в том числе и на международном уровне. Правовые архетипы – это тот правовой фундамент, на котором строится национальная правовая система, базируются символы, модели и формы правомерного и юридически значимого поведения, выявляются ориентиры и перспективы инноваций в правовой системе.

Проведенный категориально - сравнительный анализ представленных форм и их содержания позволяет определить, что исследуемые выше категории при определенных условиях становятся символами, или тесно связываются с ними, но не наоборот. Следовательно, «путь символа от его зарождения до проявления выражается через категории: аллегория, олицетворение, эмблема, метафора, тип, образ, понятие, пребывающие в сфере человеческого мышления, и категории: символы, мифы и архетипы, относящиеся к сфере сознания. Причем вторая группа символических форм, являясь суперсимволами, характеризуясь первичностью, порождает остальные. Отсюда, культура – царство символов, в котором «ступенями конституирования символа»²²⁵ являются перечисленные категории, образующие иерархию символических форм за счет: а) подвижности и возможности присутствия или отсутствия; б) приобретения значимости в определенной ситуации и в заданном контексте; в) «связанности» или проецирования в символ посредством олицетворения.

Следовательно, любой символ при определенных условиях становится символической формой, а в конкретных случаях символическая форма приобретает, фиксируя единство символических форм, черты и признаки символа. Отсюда тенденция делимости приводит правовой символ от метаюридического значения (право) до знака, который уже ни к чему не отсылает, позволяя символам «жить» годами, веками, тысячелетиями. Этим, на наш взгляд, и объясняется такое многообразие, различие существующей символики и предположение о ее бесконечности.

²²⁵ Сычева С. Г. Проблема символа в философии. С. 28.

Указанный процесс есть процесс символизации. Отсюда символ выступает как возможность, как действительность и как необходимость²²⁶ посредством того, что в чувственные явления и изображения вкладываются представления и мысли, отличные от их непосредственного смысла. Процесс символизации может охватывать как всю культуру в целом, так и ее частные проявления (религию, искусство, философию, историю, политику, право и др.)²²⁷. Следовательно, символ как всеобщее проявляется в частностях. Соответственно, человек через культуру (мир символов) познает действительность (искусство, религию, философию, историю, политику, право), которая насыщена разноплановыми символами, например, наряду с правовыми, в обществе действуют политические, моральные, религиозные, исторические, культурные и иные виды социальных символов. Природа символа в частных проявлениях не меняется, но разноплановая действительность накладывает свой отпечаток, который может изменить значение символа (фамильный герб семьи имеет иное значение, чем герб государства; гимн как литературное или музыкальное произведение символически отличается от гимна государства) и реальность использования: в обществе используются социальные символы, в религии – религиозные, в политике – политические, в праве – правовые, поэтому предикат «исторический», «религиозный», «правовой» и т. п. указывает в большей мере на сферу применения. Так, предикат «правовой», производный от социального (его вид), говорит, о том, что речь идет о символах, закрепленных в праве и признаваемых государством.

Что касается *формулировки понятия правового символа* - в основном его существование связывается с нормативным закреплением и санкционированием государством. Так, «правовой символ – это создаваемый или санкционируемый государством условный образ, отличительный знак, представ-

²²⁶ См.: Свасьян К. А. Проблема символа в современной философии (Критика и анализ).

²²⁷ Считаем, что процесс символизации нельзя путать с символизмом – «антиреалистическим упадническим направлением в искусстве и литературе конца XIX – начала XX в., отражающим действительность в условных, отвлеченных формах». См.: Ожегов С. И. Словарь русского языка. С. 585.

ляющий собой видимое либо слышимое культурно-ценностное образование, которому субъект правотворчества придает особый политико-правовой смысл, не связанный с сущностью этого образования, охраняемый государством и используемый в особом процедурном порядке»²²⁸; или «правовые символы – это закрепленные законодательством условные образы (замещающие знаки), используемые для выражения определенного юридического содержания и понятные окружающим людям»²²⁹; также правовой символ – это создаваемый или санкционируемый государством условный знак, ценностное образование, выражающий определенное юридически значимое содержание и охраняемый государством²³⁰. Соответственно, *правовой символ – это инструмент, средство освоения реальности*. Например, «язык политики – символика»²³¹, а *язык права – правовые символы*. Отсюда, *право – это «социальный символ метаюридического плана»*²³², который оказывает влияние на сознание людей.

Учитывая, что правовой символ – это средство, имеющее техническую сущность, *правовой символ с позиции юридической техники – это культурно-ценностное государственно-правовое юридико-техническое (прикладное) средство, предназначенное для эффективности восприятия правового материала, приобретающее в зависимости от политико-правового смысла определенные форму и содержание (от условного образа до знака), используемое в определенном процедурном порядке и признаваемое и санкционируемое государством*. Правовые символы, обладая признаками, присущими символам вообще: выраженностью (четкость, определенность), «творческой

²²⁸ См.: Вопленко Н. Н. Правовая символика // Правоведение. 1995. № 4–5. С. 72 ; Никитин А. В. Правовые символы : автореф. дис... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 1999. С. 19.

²²⁹ Бабаев В. К., Баранов В. М. Общая теория права. Краткая энциклопедия. Н. Новгород, 1997. С. 74.

²³⁰ Шалагинов П. Д. Функции правовых символов : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2007 ; Капусткин А. С. Награда как правовой символ // Государственная власть и местное самоуправление. 2012. № 5. С. 15–19 ; Колмыков П. Д. Символизм права вообще и русского в особенности. СПб., 1839. С. 12–19.

²³¹ Быкова Т. Н. Политическая символика: к проблеме определения и происхождения. С. 145.

²³² Давыдова М. Л. Юридическая техника: проблемы теории и методологии. С. 289.

природой, всецелостностью и всеединством культуры»²³³, одухотворенностью (не всегда), условностью (приобретает силу и смысл только при определенных условиях), многозначностью (наличие символических форм и значений), уникальностью (по отношению к знакам), динамичностью (символ постоянно рождает жизнь, создавая новые символы бесконечно, отражая действие), внушаемостью²³⁴, понятностью (способны передать содержание чего-либо окружающим), все же приобретают *специфические признаки в зависимости от сферы проявления (области права)*, к которым отнесем: искусственность (создаются человеком как элемент коммуникации, идея), легальность (существуют на законном основании), правомерность (имеют правовую природу и порождают правовые последствия), социальность (служат для закрепления и выражения социально значимого юридического содержания), относительную доступность (система символов, понятная лишь определенной группе – юристам).

Поэтому, «правовые символы объективно связаны с правовым регулированием, обнаруживают специализированную форму хранения знаний о правовых предписаниях и правовых обычаях, реализуют функции права, проецируют законоуважение, законопослушание, общественное признание за счет «общеизвестности, повторяемости, полезности, целесообразности, наглядной образности, простоты восприятия»²³⁵ и универсальности применения. Таким образом, если символика – нечто аксиоматически-культурнозначимое в становлении общества (символы вообще), то *правовая символика в контексте юриспруденции* – есть наглядное и доступное для понимания средство формализации правовой информации, способствующее совершенствованию юридической деятельности (понимание символа юристами). Отсюда правовой символ – есть наглядное средство формализации правовой информации, используемое с целью экономии правового воздействия,

²³³ Коваленко Е. М. Концепции символа в философии культуры XX века : автореф. дис. ... канд. филос. наук. Ростов н/Д, 2005. С. 14.

²³⁴ Сычева С. Г. Проблема символа в философии. С. 119.

²³⁵ Вопленко Н. Н. Правовая символика. С. 71–73.

снижения тестового перегруза, демонстрации правосудия в ракурсе правовой коммуникации, под которой диссертант понимает процесс передачи правовой информации от правотворческого органа через правоприменителя к конкретному индивиду.

§2 Функции правовых символов в правоприменительной деятельности

С древних времен и до настоящего времени правовой символ играет важную роль в развитии государств, правовых семей, мирового сообщества. Правовые символы – это наглядное, доступное для восприятия и понимания правовое средство юридической техники, которое, являясь продуктом правовой культуры общества, оказывает воздействие на правосознание. Указанное в совокупности эффективно способствует реализации правовых норм. Учитывая, что современные правовые системы располагают большим арсеналом символических форм и процедур, выявление функций, свойственных им, дает возможность наиболее точно интерпретировать технико-юридическое содержание правовой символики, ведь «исследование роли правовых символов в историческом аспекте позволяет сделать вывод о том, что им были свойственны функции, большинство из которых не утратило своего значения применительно к правовой системе современного российского общества»²³⁶.

Функции правовых символов реализуются в рамках правотворческой, правоприменительной и иной деятельности, поэтому формой реализации функций является «однородная деятельность субъектов права по реализации правового воздействия юридического символа, обусловленного целью его создания, путем осуществления соответствующих правовых предписаний»²³⁷. Это демонстрирует, что существование сферы права без символов невозможно, как и иной сферы (например, политики), что и подтверждается насыщенностью символикой территорий государства для организации правового регулирования. Так, посредством правовых символов (герб, флаг, гимн, девиз,

²³⁶ См.: Шалагинов П. Д. Функции правовых символов.

²³⁷ Там же.

паспорт и т. п.) закрепляется юридико-значимое содержание «правил поведения» в государстве, причем каждый его субъект (государство, организация, политическая партия, гражданин) обязан уважать и чтить существующую в государстве символику и чувства граждан²³⁸. Следовательно, символ является основой для идентификации определенной общности и имеет общественный политико-правовой характер.

Мир символов служит местом одновременного аналитического изучения самых различных идеологических элементов конкретной культуры²³⁹. Отсюда, символ и сам становится функцией, то есть символ – это всеобщая функция творчества и познания культуры (Э. Кассирер). Поэтому мы не можем говорить о правовой символике изолированно, напротив, она основана и включает в себя символы иных сфер человеческой жизнедеятельности, иных культур.

Функции общекультурной символики многообразны, поэтому представляется целесообразным определить следующие *группы ее функций*.

В группу «А» отнесем функции достаточно общего, на наш взгляд, философского содержания:

– *аксиологическая* – создание и передача общих ценностей во времени и в пространстве;

– *онтологическая* – символ как связующее звено в структуре мира²⁴⁰.

В данную группу можно также отнести и такие *функциональные особенности*, как: способность символа к бесконечному раскрытию своего содержания при сохранении символической формы; способность символа, по-

²³⁸ Например, запрещается надругательство над Государственным гербом РФ и Государственным флагом РФ. См.: Ст. 329 УК РФ ; Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Ю.В. Грачева [и др.]. 9-е изд. М. : Проспект, 2013. С. 824. Аналогично, символика общественных объединений не должна совпадать с государственной символикой Российской Федерации и субъектов Российской Федерации, а также с символикой иностранных государств, не должна оскорблять национальные и религиозные чувства граждан. См.: ФЗ РФ от 14.04.1993 № 82-ФЗ «Об общественных объединениях» // Российская газета. 1995. 25 мая (№ 100)

²³⁹ Мамардашвили М. К., Пятигорский А. М. Символ и сознание: Метафизические рассуждения о сознании, символике и языке. С. 122.

²⁴⁰ Сычева С. Г. Проблема символа в философии. С. 11.

средством его толкования, устанавливая коммуникацию, создающую сообщество «посвященных» субъектов, находящихся в поле действия и относительной понятности символов (церковь, суд); устойчивое тяготение символа к восхождению от данных «частей» к действительному и предполагаемому «целому». Символ в последнем случае является местом встречи несоединимого.

В группу «Б» считаем необходимым включить деятельностно-содержательные функции. Сюда относятся такие функции, как:

– *познавательная*, или *гносеологическая* – более адекватное познание действительности посредством символики, где символ служит формой определения понятий и представлений, имеющих самые разные смысловые грани интерпретации (наука, искусство, образование, политико-правовая сфера);

– *функция социализации* – символы выступают способом приобщения индивидов к определенным понятиям, представлениям, нормам, обычаям и ценностям конкретной культуры (наука, религия, философия, искусство, образование);

– *адаптивно-регулятивная* – символ помогает индивиду наиболее полно усвоить основные понятия, нормы, ценности конкретной сферы культуры (бытовой, профессиональной, религиозной, политико-правовой);

– *идентификационно-интегративная* – символы объединяют людей в определенные социальные группы или общности, идентифицирующие индивидов с той или иной группой или общностью (проявляется в невербальных жестах, позах, мимике);

– *информационно-коммуникативная* – символ несет определенную информацию для своего потенциального адресата, и если реципиент способен к узнаванию символа и его прочтению, следовательно, символ – фундаментальное средство информационного обмена между людьми как в пределах определенной культурной традиции, так и между разными культурами²⁴¹.

²⁴¹ Тен Ю. П. Символы России и зарубежных государств. С. 62–65.

Указанная группа символов «обеспечивает процессы познания и мышления; гармонизирует существование сообществ; фиксирует коммуникативные связи; овеществляет культурно-ценностные образования; выступает в качестве инструмента и результата социальных интеракций»²⁴².

В группу «С» следует включить такие социальные функции, как: «интеграционную, регулятивную, коммуникативно-идентификационную»²⁴³, охранительную, обеспечительную.

Функциональность общекультурного символа порождает сущность правового. «Функции правового символа – это система направлений правового воздействия на общественные отношения посредством правового символа, обусловленных его сущностью и назначением для общества»²⁴⁴. Вместе с тем «функции правовой символики, конкретизируя стороны и направления правового воздействия применительно к отдельным, более узким, сферам общественной жизни, отличны от основных функций права»²⁴⁵, и это объясняется их прикладными особенностями.

Многообразие существующих *функций* (регулятивной, правоустанавливающей, идеологической, информационной, ориентирующей, идентификационной, охранительной, экономической²⁴⁶), *правовой символики классифицируют по различным основаниям*²⁴⁷:

а) *сфере общественной жизни*, на которую направлено воздействие правовых символов (экономическая, идеологическая, политическая и др.);

б) *с позиции семиотического подхода* (функции фиксации, хранения и передачи юридически значимой информации, а также сигнальная, номинативная (идентифицирующая), отличительная, сигнификативная, коммуникативная аксиологическая, ориентационная функции, функция замещения);

²⁴² Бакланов П. А. Профессиональные символы государственной службы (социологический анализ). С. 12.

²⁴³ Там же. С. 14.

²⁴⁴ См.: Шалагинов П. Д. Функции правовых символов. С. 9.

²⁴⁵ Вопленко Н. Н. Правовая символика. С. 23.

²⁴⁶ Давыдова М. Л. Правовые символы и символы в праве: понятие, значение, классификация // Юридическая техника. 2008. № 2. С. 56–62.

²⁴⁷ См.: Шалагинов П. Д. Функции правовых символов. С. 9.

в) в зависимости от назначения в правовой системе (предупредительно-ориентационная (символы позволяют быстро и правильно ориентироваться в определенных ситуациях. – *Примеч. авт.*)); регулятивно-процессуальная (дорожные знаки, регулирующие движение. – *Примеч. авт.*); экономии и наглядности языковых и юридических средств (наглядность позволяет более результативно решать задачи правового регулирования. – *Примеч. авт.*); а также функции выражения юридически значимой информации, унификации правового материала, праворазъяснительная, правоконкретизирующая, правоизменяющая, правопредписывающая, превентивная, охранительная функции, функция легитимации, придания официальности и легальности юридическому документу.

Функции представленных групп не обособлены, а опосредованы, не самостоятельны, а находятся во взаимообусловленной зависимости и «вряд ли отдельный правовой символ способен одновременно выполнять все названные функции. Каждый из них имеет собственное назначение и функциональную специализацию. Однако общий перечень функций наилучшим образом демонстрирует ту роль, которую играют правовые символы в правовой системе современного общества»²⁴⁸. Это дает возможность проанализировать назначение (как «работают») правовых символов в правоприменительной деятельности. Например, *общекультурные функции группы «С» на уровне правоприменения* функционируют *непосредственно*, так как используются в правоприменении, например, в части унификации судопроизводства, направленности на правомерное поведение субъектов права и защиту от неправомерного поведения, обеспечения исполнения принятых правоприменителем решений; а *функции групп «А» и «Б» – опосредованно*, так как не являются уникальными для правоприменения и обслуживают разноплановые общественные отношения. Например, в части передачи образов во времени и пространстве, установлении коммуникации и взаимосвязей (группа А), определения понятий, их наиболее полного осмысления, приобщения к ним инди-

²⁴⁸ Давыдова М. Л. Юридическая техника: проблемы теории и методологии. С. 297.

видов, организации информационного обмена (группа Б). Аналогично *приобретают специфичность на уровне правоприменения и правовые символы*. Например, такая функция правовой символики, как экономия и наглядность языковых и юридических средств в правоприменительной практике означает, что символы приближают право к эмоциональной стороне человеческого сознания и через наглядный образ вместо малопонятного текста (знаки дорожного движения, форменная одежда, исполнение государственного гимна, изображение государственного герба на документах), или краткий однозначный жест (удар молотка) вместо длинной, сложной для восприятия речи, позволяют в предельно краткой условной форме выразить необходимую правовую информацию.

Функциональные аспекты символики в правоприменительной деятельности служат основанием для определения самостоятельной группы правоприменительных символов, *основным функциональным назначением которых* является констатация факта, выявление юридически-значимых действий, отношений, донесение правовой информации до адресата в кратчайшие сроки и др. В этой связи считаем возможным *правоприменительными называть символы, используемые в правоприменении*. Так, в широком смысле правоприменительными следует называть символы, используемые в правоприменении в целом. В узком понимании правоприменительными следует считать символы правосудия. Учитывая, наибольшую насыщенность символикой судебной деятельности, считаем *символику судебного правоприменения* в функциональном плане наиболее показательной и действенной. Это объясняется тем, что именно правоприменительные символы в судебной деятельности в наибольшей степени демонстрирует назначение правовых символов как средств правоприменительной техники. Ведь, судебное правоприменение в условиях экономических, политических, социально-культурных и иных преобразований в России, формирования в ней гражданского общества и правового государства – это опора правовой жизни общества. Учитывая изложенное, можно заключить, что правоприменительные символы в судебной дея-

тельности выполняют *функции: интеграции* (процесс объединения частей в целое), *унификации* (обеспечения рационального единообразия) и *универсализации* (всеобщий, всеохватывающий, ведущий происхождение из древних времен) как на внутригосударственном, так и на международном уровне (последняя функция сочетает в себе две предыдущих). Рассмотрим их более подробно.

Интеграция правоприменительной деятельности как часть правовой интеграции²⁴⁹ представляет *такое воздействие, которое направлено на достижение внутреннего единства правоприменения, обеспечивающего его эффективность* (авт. опред.).

В первую очередь следует отметить, что в целях совершенствования правовой системы РФ сегодня изменены подходы к законотворческому процессу, установлен единый правовой механизм, позволяющий осуществлять мониторинг правоприменения и реализовывать его результаты в законотворческой деятельности, а также правоприменительными органами²⁵⁰, в связи с чем утверждена методика осуществления мониторинга правоприменения²⁵¹ и планы мониторинга правоприменения в РФ. Так, уже приняты акты, определяющие организационные основы проведения мониторинга правоприменения, определены цели и задачи мониторинга правоприменения, порядок сбора информации и сроки ее представления, а также орган, ответственный за обобщение его результатов. Сегодня обеспечивается проведение монито-

²⁴⁹ Калинин С. А. О пределах правовой интеграции // Молодь у юридичній науці : зб. тез Міжнар. наук. конф. молодих вчених «Четверті осінні юридичні читання», Хмельницький, 21–22 жовт. 2005 р. / Хмельницький інститут регіонального управління та права. – Хмельницький : Видавництво Хмельницького інституту регіонального управління та права, 2005. Ч. 1. С. 46–48 ; Потапенко Е. Г. Теоретические основы правовой интеграции : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2010. 26 с.

²⁵⁰ Указ Президента Российской Федерации от 20 мая 2011 г. № 657 «О мониторинге правоприменения в Российской Федерации».

²⁵¹ Постановление Правительства РФ от 19 августа 2011 г. № 694 «Об утверждении методики осуществления мониторинга правоприменения в Российской Федерации» ; Распоряжение Правительства РФ от 19 августа 2011 г. № 1471-р «Об утверждении планов мониторинга правоприменения в Российской Федерации на 2011–2012 годы» ; Распоряжение Правительства РФ от 28.08.2013 № 1513-р «Об утверждении плана мониторинга правоприменения в Российской Федерации на 2014 год».

ринга выполнения решений Конституционного Суда РФ, постановлений Европейского Суда по правам человека, а также мониторинг практики правоприменения по различным сферам жизнедеятельности (обеспечению населения лекарственными средствами и медицинскими изделиями, оказанию медицинской помощи различным категориям граждан; регулированию оборота наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, а также противодействие их незаконному обороту; охране и защите семьи и детства, развитию здорового образа жизни; обеспечению информационных прав граждан, развитие электронной торговли и электронного документооборота и др.).

Интеграция в правоприменительной деятельности проявляется, помимо собственно интеграции правоприменительных механизмов, в «сплочении» ветвей власти. Нельзя допустить, чтобы законодательная, исполнительная и судебная власть на фоне гарантируемой им законом самостоятельности решали изолированно задачи по достижению основной цели права – упорядочению общественных отношений. Например, судебные органы, являясь основными субъектами судебной власти, не законодательствуют и не управляют, а применяют право, и если «закон – молчаливый судья» (Цицерон), то суд – закон в действии. Поэтому эффективность правовой системы в целом зависит от того, насколько эффективно правоприменение, или, как его иначе называют, «живое право», охватывающее в известной степени и правотворчество, что наиболее ярко проявляется при восполнении пробелов в праве, преодолении юридических коллизий.

Наглядно достижение внутреннего единства правоприменения проявляется в демонстрации значения правовых принципов посредством правоприменительной символики. Например:

– информация о принципе законности²⁵² как руководящем начале правового государства достигает правосознания посредством такого письменного символа как «закон» и таких предметных символов, как «Фемида» – боги-

²⁵² Ст. 7 УПК РФ.

ня правосудия и законности или «Зерцало» – эмблема законности в дореволюционной России²⁵³;

– принцип суверенитета²⁵⁴ как основное правило независимости государства демонстрируется такими предметными символами, как герб, гимн и флаг;

– обеспечение реализации принципа гласности²⁵⁵ как основополагающего правила максимальной открытости в деятельности государственных учреждений и свободы выражается такими техническими символическими средствами, как веб-камеры, аудиозаписи, государственные автоматизированные системы «Правосудие», «Выборы» и др.²⁵⁶, способствующие повышению доверия граждан к судебной власти и государству в целом. Примечательно, что исторически гласность обеспечивалась аналогично техническими средствами – символом гласности служил колокол;

– реализация принципа охраны прав и свобод человека и гражданина²⁵⁷, обеспечивается посредством использования в государственной деятельности таких символов-знаков, как «Логотип прав человека»²⁵⁸, «Символ свободы»²⁵⁹ или символов-ритуалов – инаугурации (клятва Президента в ча-

²⁵³ Имеется в виду полутораметровая трехгранная призма, на гранях которой располагаются экземпляры петровских указов, венчает конструкцию двухглавый орел и корона с монограммой АИ (монограмма императора Александра III, в правление которого зеркало было изготовлено и расположено в одном из присутствующих мест Астрахани).

²⁵⁴ Конституция РФ.

²⁵⁵ Ст. 10 ГПК РФ.

²⁵⁶ Постановление Пленума Высшего арбитражного суда РФ от 08.10.2012 № 61 «Об обеспечении гласности в арбитражном процессе» // Вестник ВАС РФ. 2012. № 12. Декабрь.

²⁵⁷ Ст. 11 УПК РФ, ст. 6 ГПК РФ.

²⁵⁸ Имеется в виду «Логотип прав человека», созданный в рамках выдвинутой в 2010 г. Генеральной Ассамблеей ООН международной инициативы «Логотип прав человека», цель которой заключалась в разработке признанного во всем мире логотипа в поддержку всемирного правозащитного движения. Проект стартовал во Всемирный день свободы печати.

²⁵⁹ Утвержден в России МОО «Центром поддержки правовых инициатив» и Союзом журналистов России в 2003 г., не имеет государственного статуса, однако носит гуманитарный характер и вручается ежегодно российским гражданам и организациям за активное проявление гражданской позиции в правозащитном движении в России, в частности за усилия, направленные на соблюдение прав человека в местах лишения свободы, за вклад в развитие правовых институтов общества.

сти уважения и охраны прав и свобод человека и гражданина ²⁶⁰) и судебного заседания. Следовательно, демонстрация правовых принципов посредством различного рода символических форм способствует достижению внутреннего единства правоприменения или интеграции правоприменительной деятельности.

Унификация правоприменительной деятельности – такое воздействие, которое направлено на обеспечение рационального единообразия правоприменительной деятельности в условиях повсеместной информатизации (авт. опред.).

Унификация правоприменительной деятельности проявляется в двух аспектах: внутригосударственном и международном.

Внутригосударственный аспект унификации правоприменительной деятельности характеризуется тем, что современное правоприменение осуществляется с применением последних информационных технологий (создаются сайты органов правосудия, совершенствуется электронная система оповещения участников судебных процессов, online-трансляция судебных заседаний и многое другое). Это позволяет обеспечить рост количества актов судебного толкования, применения, обобщения и изучения судебной практики – руководящих Постановлений и решений Верховного Суда РФ, а также усовершенствовать анализ судебной статистики, что в целом обеспечивает рациональность и единообразие правоприменения – важнейшего элемента принципа законности ²⁶¹, в условиях становления и развития информационного государства, когда судебная система должна отвечать последним требованиям модернизационных общегосударственных преобразований.

Международный аспект унификации правоприменительной деятельности выражен ростом межгосударственного сотрудничества в рамках обеспечения унифицированного порядка регулирования правоотношений, согласования процедур межгосударственного применения общих принципов (пра-

²⁶⁰ Ст. 82 Конституции РФ.

²⁶¹ См.: Рафиков Р. Р. Судебное правоприменение: теоретико-правовой анализ : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2006. 19 с.

вил), определяющих и регламентирующих межгосударственные отношения. Например, реализация провозглашенного на международном уровне принципа равенства всех перед законом и наличия права, без всякого различия, на равную защиту закона²⁶², возможна только путем единообразного применения права, предсказуемого и справедливого правосудия. При этом мы не ведем речь о замене различных национальных правовых систем единообразным наднациональным правом, принятым законодателем в мировом масштабе»²⁶³, так как данная проблематика освещается преимущественно в рамках исследований сравнительного правоведения (компаративистов). Напротив, мы говорим о разработке определенного рода правоприменительных механизмов, обеспечивающих международную унификацию правоприменительной деятельности. Учитывая, что социальная ценность права заключается в его реализации, примером международной унификации правоприменительной деятельности следует считать деятельность Международного суда ООН, который является единственным универсальным органом международного правосудия, правомочным рассматривать все категории юридических споров, и доступен для всех государств²⁶⁴.

Универсализация правоприменительной деятельности есть синтез интеграционных и унификационных процессов, обеспечивающий достижение эффективности правоприменения в условиях глобализации (авт. опред.), преимущественно за счет использования правовых символов.

Универсальной является преимущественно такая правоприменительная деятельность, как правосудие. Его происхождение датируется древними временами. «История суда – его элемент. Практически все решения суда «вписаны в историю навечно»²⁶⁵. Каждый судебный процесс в мировой практике похож, так как ритуализирован (в большей или меньшей степени), насыщен

²⁶² Ст. 7 Всеобщей декларации прав и свобод человека и гражданина. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml.

²⁶³ Давид Р., Жоффре-Спинози К. Основные правовые системы современности. М., 1999.

²⁶⁴ International Court of Justice. URL: <http://www.webcitation.org/68A6RwiS0>.

²⁶⁵ Колоколов Н. А. История российского правосудия: проблемы познания // История государства и права. 2009. № 10. С. 5–10.

схожими по форме, содержанию и значению символами, выступающими универсальным элементом функционирования правосудия. К ним следует отнести символы, которые собственно в правоприменительной деятельности не используются, однако являются ее неотъемлемым атрибутом (Фемида и ее непосредственные атрибуты – щит, меч, весы правосудия), а также содержательные и образные символы, используемые непосредственно при осуществлении правосудия (молоток судьи, мантия). Указанные символы, учитывая их значение и географию, однозначно являются универсальными для всех государств и граждан их населяющих. Именно они, демонстрируя историческую преемственность, уважение традиций, понимаясь на всех языках мира одинаково, формируют у граждан уважительное отношение к праву, государству, сложившимся правовым традициям. Например, величественность помещений суда, ритуализированность и насыщенность символикой судебных процессов вызывает у граждан надежду на справедливое правосудие, обеспечение защиты их нарушенных прав.

Стоит отметить, что процесс универсализации правоприменительной деятельности не направлен на ликвидацию границ между государствами, напротив, позволяет сохранить суверенитет, что обеспечивается в том числе и посредством такого свойства символа, как уникальность. Так, герб, флаг, гимн как универсальные символы в международном аспекте приобретают особое, индивидуальное, традиционное значение (описание устанавливается законом конкретного государства²⁶⁶) на внутригосударственном уровне, ведь, чтобы понять, какие значения имеет тот или иной флаг государства, требуются специальные знания порой из самых разных наук – истории, археологии, культурологии, права. Этими знаниями, несомненно, обладает народ конкретного государства. Некоторые символы правосудия также тре-

²⁶⁶ ФКЗ от 25.12.2000 № 1-ФКЗ «О государственном флаге РФ» // Российская газета. 2000. 27 дек. (№ 245–246) ; The United States Flag: Federal Law Relating to Display and Associated Questions // CRS Report for Congress. URL: <http://www.senate.gov/reference/resources/pdf/RL30243.pdf> ; United Kingdom – History of the Flag. URL: <http://www.crwflags.com/fotw/flags/gb-hist.html#scot> ; Закон Республики Казахстан от 4 июня 1992 г. № 1372-ХІІ «О Государственном флаге Республики Казахстан».

буют специальных знаний, так как они основаны на внутригосударственных традициях (количество судей, форма одежды, судебный процесс, традиционное обращение к суду и т. п.). Однако, несмотря на уникальные черты, судебная символика в большей мере служит средством универсализации правоприменения, так как ее атрибутивность, наглядность и образность позволяют даже «непосвященным» догадаться и уяснить их основную суть и предназначение.

Проведенный анализ функциональных особенностей правоприменительной символики позволяет сделать вывод о том, что в правоприменительной деятельности эффективны как общекультурные и правовые, так и собственно правоприменительные символы – *средства*, выполняющие значимую практическую роль по доведению смыслового и нормативного содержания до правосознания и понимания граждан в кратчайшие сроки в доступной для восприятия форме.

§3 Классификация правовых символов как средств правоприменительной техники

Вопрос классификации правовых символов как средств правоприменительной техники лежит в основе осознания многообразия и многочисленности правовых символов, используемых в правоприменительной деятельности, что объясняется условиями повсеместной модернизации и информатизации.

Можно сказать, что в современной правовой действительности правоприменение пронизано символикой – понятной и доступной окружающим в силу заимствования из прошлого, порожденного «связью времен». Ее роль – быть инструментом экономии правового воздействия на общественные отношения. Применительно к правоприменению, понятия «символ», «символика» представляют собой некоторое обобщение существующего многообразия разнородных символов, заимствованных из различных областей человеческой жизнедеятельности. Чтобы понять, какие именно из них наиболее эф-

эффективно обеспечивают правоприменение в условиях модернизации, считаем необходимым классифицировать правовые символы правоприменительной деятельности.

Наполненность культурных, психологических, религиозных, социальных, в том числе политических и правовых, сфер человеческой жизнедеятельности символами, с одной стороны, и их многочисленность, соотносимость, с другой, а также то, что *правоприменительная деятельность не является изолированным процессом, предопределяет – почему к символам правоприменительной сферы следует относить, помимо собственно правоприменительных, символы общекультурной и правовой специфики*. При этом считаем целесообразным учитывать только оказывающие прямое или опосредованное воздействие на правоприменительные процессы. Учитывая изложенное, а также традиционное многообразие имеющейся в «обиходе правоприменителя» символики, для удобства ее восприятия и анализа предназначения считаем возможным разделить правовые символы как средства правоприменительной техники²⁶⁷ по области применения на группы, которые взаимно обусловлены и применяются в зависимости от цели правового воздействия.

Группа общекультурных символов. Их многообразие вполне объяснимо: символы рождаются и умирают, переходят из поколения в поколение, играя важную роль в жизнедеятельности человека. Общекультурная символика в большей степени является предметом исторического и культурного наследия. Она отражает традиции поколений, связь времен.

Для удобства восприятия общекультурные символы можно классифицировать:

по происхождению – естественные символы (человек, субъекты правоприменения), искусственно созданные – иконические (портреты государственных деятелей), конвенциональные (ордена, медальоны, пагоны), церемониальные (инаугурация, принятие присяги), знаковые (язык, математиче-

²⁶⁷ Приложение 4 «Классификация правовых символов как средств правоприменительной техники».

ские коды, информационные технологии в правоприменительных органах)²⁶⁸;

с позиций функционального проявления можно выделить художественные (геральдика, исторические здания – места объективирования правоприменяющих субъектов), мифологические (образ Фемиды, Юстиции); человеко-выразительные (жесты); идеологические (девиз, плакат, закон); внешне-технические (марш, построение);

в зависимости от внешней формы существуют графические (условные обозначения, графики, таблицы, формуляры); пластические (значки); собственно символические:

– дискурсивные символы или конструкции, синтезирующие зрительное восприятие и мыслительный процесс (языковые конструкции, слова, выражения, метафоры, сравнения, встречающиеся в правоприменительной деятельности);

– процессуальные символы, выражающие определенные ценности и идеи при помощи конкретных действий (ритуалы, церемонии, встречи, обряды особенно ярко проявляющиеся в судебной деятельности);

– операционные символы, применяемые для поддержания определенного общественного порядка, строя (валютные знаки, деньги, автоматизированные правовые системы)²⁶⁹;

по коммуникативным функциям можно выделить моногрупповые или символы, объединяющие людей в одну группу (гимн); полигрупповые или символы, связывающие две и более группы (форма);

по сфере общественной деятельности: политические (торжественная речь, профессиональные праздники, официальные визиты, архитектура офи-

²⁶⁸ Быкова Т. Н. Политическая символика: к проблеме определения и происхождения. С. 148.

²⁶⁹ Рубцов Н. Н. Символ в искусстве жизни: Философские размышления. М., 1991. С. 143–144.

циальных зданий и монументов, стиль одежды ²⁷⁰), экономические (валюта); правовые (закон, символика правосудия) и др.

Группа правовых символов или символов права, аналогично разнообразных по содержанию и предназначению, где предикат «правовой» указывает преимущественно на сферу их применения. Анализ правовых символов, на наш взгляд, удобно производить по следующим направлениям.

Через обзор существующих видов правовых символов, не содержащих классификационное деление. Сюда мы отнесем:

– четыре основные группы правовых символов, представленные Н.Н. Вопленко (письменные, устные, изобразительные и символы-действия) ²⁷¹;

– видовое деление правовых символов, представленное В.К. Бабаевым, В.М. Барановым, В.А. Толстиком (предметные, символы-действия, слова и словесные формулы, имеющие условное значение, музыкальные ²⁷²), при этом хотелось бы подчеркнуть, что, на наш взгляд, они больше относятся к законотворческой деятельности;

– виды правовых символов, представленные А.В. Никитиным (предметные, символы-действия, изобразительные; звуковые; световые, языковые или словесные, причем последние подразделяются им на письменные и устные ²⁷³;

– идентификационную правовую символику (графические символы (эмблемы, флаги, вымпелы, товарные знаки)).

Через обзор правовых символов, подразделяемых в соответствии с определенными классификационными основаниями. Так:

²⁷⁰ Мисюров Д. Л. Политическая реклама: между рекламой и идеологией. URL:<http://www.novopol.ru/article34.html>.

²⁷¹ Вопленко Н. Н. Правовая символика. С. 73.

²⁷² Бабаев В. К. Теория права и государства в схемах и определениях. М. : Юрист, 1998. С. 78.

²⁷³ Никитин А. В. Правовой символ как прием юридической техники // Проблемы юридической техники. Н. Новгород, 2000. С. 44.

в историко-правовом аспекте выделяется типология потестарно-правовых символов «варварских королевств»²⁷⁴, правовая символика средних веков (теологическая, государственно-правовая)²⁷⁵;

в юридико-технической области система видового многообразия правовых символов позиционируется с точки зрения их внешней формы и состоит из статичных (предметных, изобразительных, письменных словесных) и динамичных (символов-действий, звуковых, световых, устных языковых) символов; по функциональной роли правовые символы подразделяются на регулятивные и символы, указание на которые содержится в гипотезе нормативного предписания, символы, упоминающиеся в диспозиции правового предписания, дефинитивные нормативные предписания, в которых закрепляется словесная расшифровка значения правового символа (родовые, описательные определения, геральдическая терминология, определения-рисунки, определения-пояснения)²⁷⁶. Также правовая символика подразделяется на виды в зависимости от сферы общественных отношений (экономика, здравоохранение, образование...) и по субъектной принадлежности (международные, государственные, символы муниципальных образований, символы государственных органов и органов местного самоуправления, символы должностных лиц, символы государственных учреждений, предприятий и других организаций, символы негосударственных организаций, символы частных лиц)²⁷⁷;

в отраслевом аспекте, например, в уголовно-правовой отрасли выделяется группа символов-предметов преступлений, которая классифицируется: по субъекту их учреждения; по характеру закрепления в Уголовном ко-

²⁷⁴ Санников С. В. Потестарно-правовые символы «варварских королевств». URL: <http://www.nsu.ru/classics/law/sannikov-simboly.pdf>.

²⁷⁵ Глушаков А. Ю. Символы в истории цивилизации: юридический аспект // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. СПб., 2008. № 12 (85) : Общественные и гуманитарные науки (философия, история, социология, политология, культурология, искусствоведение, языковедение, литературоведение, экономика, право). С. 309–315.

²⁷⁶ Давыдова М. Л. Юридическая техника: проблемы теории и методологии. С. 304–310.

²⁷⁷ Никитин А. В. Правовой символ как прием юридической техники. С. 44–45.

дексе РФ (непосредственно указанные в норме уголовного закона и выводимые путем ее толкования); по принадлежности к группе пользователей; по происхождению; по отношению к объекту преступления; по связи с землей (движимые и недвижимые); по сфере уголовно-правового регулирования; исходя из конструкции символического поля (то есть по количеству элементарных символов, составляющих предмет преступления), при этом предметы преступлений, символизирующие чью-либо неприкосновенность, образуют самостоятельную группу²⁷⁸;

по сфере регулирования общественных отношений можно выделить символы правового регулирования (государственно-правовые) и символику индивидуального правового регулирования (правоприменительные и частно-правовые символы).

Группа правоприменительных символов. Это, аналогично с уже перечисленными, наглядные, понятные окружающим, доступные для восприятия, обнаруживающие связь времен и историческую преемственность прикладные средства (мантя, статуя Фемиды, ритуал судебного процесса). Они олицетворяют действенность права, торжество правосудия, а потому, несмотря на древнее, традиционное происхождение, не утратили актуальности и в эпоху модернизации, насыщенной символикой глобализации – процесса всемирной экономической, политической и культурной интеграции и унификации (символы мировых корпораций – ТНК, Интернет, Microsoft, Coca-Cola, McDonald's, IKEA; реклама, мировая валюта (доллар), электронные деньги, международные организации (Организация Объединенных Наций (ООН), Совет Безопасности ООН, Международный валютный фонд (МВФ) и др.).

Правоприменительные символы с точки зрения специфики и функциональных особенностей правоприменительной деятельности возможно сгруппировать в три основные группы, выделив: а) атрибутивно-изобразительные правоприменительные символы – наглядно-знаковые ста-

²⁷⁸ См.: Кругликов Л. Л., Спиридонова О. Е. Юридические конструкции и символы в уголовном праве. СПб. : Юрид. центр «Пресс», 2005.

тичные предметные образы, получившие в правоприменении наибольшее юридическое значение (мантя судьи, Фемида, весы правосудия); б) знаково-графические правоприменительные символы – это правоприменительные средства, сочетающие в себе статичность (правоприменительные акты – документы) и динамичность (электронные ресурсы), направленные на фиксацию процедурно-процессуальных действий; в) процедурно-процессуальные правоприменительные символы – закрепленные законодательством условные действия, осуществляемые в рамках выражения определенного юридического содержания правоприменительных актов – действий.

Анализ представленных групп символов – общекультурных, правовых, правоприменительных позволяет говорить о достаточно сложном разграничении границ символаприменения, так как «зачастую обнаруживается их взаимопроникновение или отождествление, а некоторые символы могут одновременно быть отнесены к нескольким группам»²⁷⁹. Вместе с тем видовое многообразие символов правоприменительной деятельности позиционирует их как оптимальное средство коммуникации и экономии правового воздействия. Учитывая, что судебная деятельность наиболее насыщена юридически значимой символикой, анализировать представленные группы правоприменительных символов мы будем на примере символов судебной деятельности.

²⁷⁹ Давыдова М. Л. Юридическая техника: проблемы теории и методологии. С. 289.

Глава 3. Значение правоприменительных символов (на примере судебной деятельности)

§1 Атрибутивно-изобразительные правоприменительные символы

Любой, кто хотя бы однажды сталкивался с судебной деятельностью, обращал внимание на ее «оснащенность» многочисленными атрибутами, символическими предметами, а попадая в судебный процесс, вовлекался в своеобразный символический ритуал. Причем, уровень символического наполнения судебного правоприменения зависит от конкретного государства и уровня судебной власти. Так, наиболее «театрализованы» судебные процессы Великобритании, Конституционного Суда Российской Федерации. Насыщенность символикой судебной правоприменительной деятельности обнаруживает себя и в Древние времена, и в Средневековье, и в Новое и Новейшее время. Современная действительность не является исключением. Почему именно судебная деятельность наиболее «снабжена» специфической символической атрибутикой? На наш взгляд, ответ раскрывается в следующем: во-первых, судебное правоприменение для любого государства – есть наиболее значимый инструмент регулирования общественных отношений, а потому ему наглядно нужно придать значимость, а во-вторых, «символы правосудия» придают сухим юридическим конструкциям закона наглядность, образность, величие, красоту, а главное, делают непонятный для большинства граждан юридический текст доступным для восприятия и понимания, а юридические действия – возводятся в ранг уважения и почитания. Указанное ложится в основу дальнейшего анализа атрибутивно-изобразительных правоприменительных символов.

Понятие «атрибут» означает предмет, служащий постоянным устойчивым знаком, а слово «изобразительный» является аналогом слова «наглядный». Поэтому, атрибутивно-изобразительные символы как практико-ориентированное средство правоприменительной техники способны эффективно воздействовать не только на рациональную, но и на чувственно-эмоциональную сферу человеческого сознания, следовательно, они выпол-

няют *изобразительно-регулятивную функцию*, так как образное, эмоционально окрашенное представление правовых идей и понятий, выраженное использованием атрибутивно-изобразительной символики, облегчает их понимание многочисленными субъектами права. Указанное позволяет выявить *характерный контекст атрибутивно-изобразительных символов правоприменения*. В этой связи следует отметить, что использование атрибутивно-изобразительных символов придает правовому регулированию всех уровней, наряду с лаконичностью, определенную образность и наглядность, что вызывает у субъектов права определенные чувственные образы, ассоциации, связанные с интуицией, воображением, жизненным опытом. Следовательно, способность атрибутивно-изобразительных символов представлять в доступной для восприятия форме некоторое абстрактное, отвлеченное содержание обеспечивает им важную роль в процессах познания правовой действительности. Так, их чувственный компонент рассчитан на непосредственное эмоциональное восприятие, это символы обыденного правосознания и правового общения, которые создаются людьми преднамеренно для выражения правовых понятий (этим они схожи с фикциями), представлений, идей (иначе, правовых принципов), связанных с ними чувственных образов, правового мышления, эмоций и переживаний людей. Также они обладают способностью влиять на сознание человека посредством наглядного образа, передавать и доводить до сознания граждан обобщенное юридическое содержание в доступной для понимания, яркой, внешне привлекательной для субъекта права форме. Например, весы как символ правосудия порождают у субъектов права уважение к суду через осознание вынесения справедливого решения вследствие взвешенности выводов суда. Поэтому многие идут в суд с целью добиться справедливости, подтвердить свою правоту. Это же чувство вызывает Фемида – богиня правосудия. Герб, флаг, которые в обязательном законном порядке присутствуют в правосудии (на зданиях судов, в кабинетах судей), вызывают у граждан чувство защищенности, обеспеченности соблюдения прав и свобод человека и гражданина со стороны государства.

Конечно же, атрибутивно-изобразительных символов много и каждый из них характеризуется уникальным предназначением, представляя самостоятельный интерес, поэтому необходимо проанализировать следующие виды атрибутивно-изобразительной символики исходя из того, что к собственно правоприменительным символам относятся и общекультурные, и правовые символы.

1. *Общекультурные атрибутивно-изобразительные символы.* Сюда относятся здания и сооружения культурного значения (помещения Конституционного Суда в историческом знаменитом здании Правительствующего Сената), скульптуры (богини правосудия – Фемиды). Они олицетворяют собой вершение истории государства, знаменуя, что судебные решения (в данном случае Конституционного Суда) – это часть истории, ее величественное продолжение.

2. *Правовые атрибутивно-изобразительные символы,* отражающие влияние историко-правового и сравнительно-правового методов исследования, позволяющего выявить основы связи поколений, учитывающие мировые тенденции по соблюдению государственного суверенитета, в том числе касающегося правосудия. К ним относятся герб, флаг, гимн, название государства. Данная «триада»²⁸⁰ представлена преимущественно вербальными символами (герб – знаковый, гимн – музыкальный, название государства – словесное) и предметными (герб, флаг) символами. Указанные средства условно отражают конкретное содержание, смысл определенного нормативного предписания, воздействуют на эмоциональную сферу восприятия. Так, *герб*²⁸¹ как официальный символ государства, помещаясь в многоцветном варианте на бланках судебных решений (Конституционного Суда)²⁸², фасадах зданий и в залах заседаний судов, в рабочих кабинетах судей²⁸³, подчер-

²⁸⁰ Указанная триада – герб, флаг и гимн – сложилась в XIX в. (наиболее старым является герб, позже появились флаг и гимн).

²⁸¹ Ст. 1, 2 ФКЗ «О Государственном гербе Российской Федерации».

²⁸² Ст. 3 п. 6 ФКЗ «О Государственном гербе Российской Федерации».

²⁸³ Ст. 113 ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации».

квивает значимость судебной власти в Российском государстве, ее самостоятельность и независимость, подтверждая правовой статус судебных органов, правосудия. *Флаг*²⁸⁴ как официальный символ Российского государства вывешивается на зданиях судов (как и иных органов власти), выставляется в зале судебных заседаний, символичностью триколора²⁸⁵ провозглашает соблюдение государством исторически и политически установленных традиций²⁸⁶ и тенденций²⁸⁷, свидетельствует о суверенитете, соблюдении прав человека независимо от его вероисповедания и национальности (единство и равенство народа), реализуя установленные Конституцией РФ принципы. Под флагом России судебные заседания ведутся на русском языке, уважаются права человека любой страны, вне зависимости от его расовой, религиозной и иной принадлежности и т. п. *Гимн России* – музыкально-поэтическое произведение, исполняемое в строгом соответствии с законом в специально оговоренных случаях²⁸⁸, знаменует величие государства и его истории, а потому сопровождается установленными законом ритуальными действиями. Так, присутствующие выслушивают его стоя, мужчины – без головных уборов, присутствующие поворачиваются к нему лицом. Аналогично богато по содержанию и предназначению название государства: Российская Федерация, Россия – все государственно важные органы и должностные лица подчинены некому символическому образу – России. Официальное имя страны звучит

²⁸⁴ ФКЗ «О государственном флаге Российской Федерации».

²⁸⁵ Белый – быстротекущее время, синий – истина, а красный – цвет воскрешения мертвых. См.: День государственного флага России. История российского триколора. URL: http://www.inmoment.ru/holidays/flag_of_rossii.html.

²⁸⁶ Подобные правила присущи всем странам (флаги мусульманских государств, где зеленый цвет или полумесяц знаменуют веру в Аллаха и Магомета, пророка его; звездно-полосатый флаг США, говорящий о единстве всех американских штатов, о торжестве союза земель ради общего идеала свободы).

²⁸⁷ Так, роль флага в Средние века исполняла чудотворная икона, с которой шли в бой княжеские дружины, играя роль мифического оберега или охранного амулета, обеспечивая покровительство и защиту божественной силы. Бело-сине-красный цвет введен Алексеем Михайловичем (отцом Петра I) и предназначался для русского флота на Каспийском море, исполняя роль опознавательного знака, сигнального флажка – такой флаг был различим с больших расстояний. Государственный оттенок флагу добавлен Петром I, как символ соблюдения европейских правил цивилизованной войны, суверенитета.

²⁸⁸ Ст. 2, 3 ФКЗ «О Государственном гимне Российской Федерации».

при оглашении важных государственных решений, в том числе судебных. Например, приговор суда постановляется именем Российской Федерации²⁸⁹, текст любой присяги содержит «имя России»²⁹⁰.

Указанные символы взаимосвязаны между собой, что еще больше подчеркивает значимость их предназначения. В этой связи герб, флаг и гимн используются в большинстве случаев одновременно. Например, в кабинетах судей находится одновременно герб и флаг, символизируя единство государственных задач и правовых традиций; подъем российского флага сопровождается исполнением государственного гимна России²⁹¹. Следовательно, значимость указанных символических атрибутов неопровержима. Поэтому они охраняются законом. Например, за преднамеренную порчу, искажение или использование официальных символов в неподобающих целях предусмотрена различного рода ответственность²⁹². Следовательно, общеправовая символика в судебной деятельности приобретает особую смысловую окраску – показывает роль правосудия в жизни государства, демонстрируя его конституционные принципы (равенство всех перед законом и судом, законность, состязательность, обеспечение судебной защиты прав и свобод граждан, презумпция невиновности и др.).

3. Правоприменительные атрибутивно-изобразительные символы:

3.1. *Вербальные.* Сюда относятся судебные речевые коммуникации и известное с Древнего Рима судебное красноречие, которое всегда олицетворяло краткость, лаконичность и показательность речей, силу убеждения, что позволяет максимально быстро довести нужную правовую информацию до сознания участников судопроизводства. Стоит отметить, что судебное красноречие в современной романо-германской правовой семье уступает место письменной коммуникации, ведь сегодня все, что зафиксировано на бумаге,

²⁸⁹ Ст. 296 УПК РФ.

²⁹⁰ Ст. 13 ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ».

²⁹¹ Ст. 7 ФКЗ «О Государственном гимне Российской Федерации».

²⁹² Ст. 329 УК РФ.

имеет большую юридическую силу. Однако принцип гласности²⁹³ в современной правовой, а особенно правоприменительной действительности, характеризуясь общеобязательностью, сочетает в себе оба представленных коммуникационных направления – судебного красноречия и его письменной фиксации (то, что произнесено устно, должно быть зафиксировано письменно, и все письменные документы должны быть озвучены). Вместе с тем ярко выраженного символического значения, на наш взгляд, судебные речевые коммуникации (устные и письменные) не приобретают. Однако отдельные речевые обороты все же признать символами необходимо. Это команды «Встать, суд идет!», обращение к суду «Уважаемый суд» (гражданское судопроизводство), «Ваша честь» (уголовное судопроизводство)²⁹⁴. Данные вербальные правоприменительные символы, несомненно, наглядно, знаково-атрибутивно подчеркивают значимость и авторитет суда – как органа правосудия, а также необходимость подчиняться установленным в суде правилам. Данные символы направлены на понимание, они кратко и целенаправленно доводят до сознания граждан необходимую информацию. Причем обращение к суду «Уважаемый суд», «Ваша честь» особенно подчеркивают роль суда в разрешении споров, его независимость, незаинтересованность, справедливость.

3.2. Предметные. Данная группа символов лежит в основе унификации правоприменительной деятельности, а потому представляет наибольший интерес, ведь государства находятся в постоянном межгосударственном взаимодействии, и их сотрудничество основывается порой на разных по содержанию законах, поэтому унификация правоприменения обеспечивает защиту прав и свобод граждан вне зависимости от места их нахождения.

Примечательно, что не все предметные символы имеют схожее значение и использование, существуют как *универсальные (группа А)*, так и *уникальные (группа В) средства*.

²⁹³ Ст. 241 УПК РФ, ст. 10 ГПК РФ.

²⁹⁴ Ч. 3 ст. 257 УК РФ.

К группе «А», на наш взгляд, можно отнести лишь те «символы правосудия»²⁹⁵, которые «говорят» и «понимаются» на всех языках мира одинаково. Выделим их следующие подгруппы.

К первой отнесем символы, которые собственно в правоприменении не используются, однако являются его неотъемлемым атрибутом.

Это Фемида – древнегреческая Богиня правосудия, символизирующая правопорядок и уважение к обычаям²⁹⁶. Иногда (на юго-востоке австралийского штата *Квинсленд*) Фемиду соотносят с «law of nature», или «законом природы»²⁹⁷. Наряду с ней следует вспомнить Юстицию – римскую Богиню правосудия, которая воссоединяет образы права и справедливости. Обе скульптуры одинаково символичны по сущности и значению, при этом различие в их имени и атрибутике объясняется исторической предшественностью, что приводит к слиянию образов под разным именем. Однако встречается мнение о том, что «Юстиция как римский эквивалент одного из аспектов греческой Фемиды, как персонификация божественной правоты закона, проистекает из гражданской абстракции римского менталитета, а не архаичной мифологии, таким образом, проводить их сравнение не всегда плодотворно»²⁹⁸. Смешение древнегреческих и римских образов (римляне «одели» Фемиду в мантию, «завязали ей глаза», назвав Юстицией) на практике сводится к более частому упоминанию образа Фемиды – символа незыбленности правосудия, скрепленного связью времен. Фемида – обладательница следующих атрибутов: меча, щита, весов (чаши), повязки на глазах. Последняя символизирует беспристрастность, при этом ее наличие не всегда обязательно²⁹⁹. Повязка призвана напомнить суду о запрете осуществлять правосудие с позиций

²⁹⁵ Алеев Р. Символы правосудия // Бюллетень нотариальной практики. М., 2005. № 3. С. 47–48 ; Символы правосудия: от античности до современности / С. А. Бережной, Д. А. Булгаков, Л. А. Крыжская, П. П. Васильев. Белгород, 2012. 140 с.

²⁹⁶ Символы судебной власти // Официальный сайт Высшей судебной палаты Республики Молдова. URL: <http://www.csj.md/content.php?menu=1705&lang=6>.

²⁹⁷ Themis – Greek Goddess of Law. – Tuesday, April 6, 2010. URL: <http://billmybrisbane.blogspot.ru/2010/04/themis-greek-goddess-of-law.html>.

²⁹⁸ Themis. URL: <http://xpowerxuniverse.com/dioses.html>.

²⁹⁹ Фемида у здания Верховного Суда РФ без повязки, отсутствие которой, напротив, символизирует зоркость и всевидимость.

социального и имущественного положения сторон и необходимости сосредоточиться на изучении фактов под руководством закона и совести.

Весы (чаша) правосудия – древний символ меры и справедливости, измеритель объема и наличия вины, безошибочного правосудия, точной оценки деяний³⁰⁰. Они обычно подняты вверх (Токио)³⁰¹ или вытянуты вперед (Мексика)³⁰², предположительно для всеобщего обозрения. – *Примеч. авт.* Символично и то, что весы находятся в левой, то есть воспринимающей руке Богини. В большинстве случаев Фемида изображена с весами (Россия, государства Европы, Республика Молдова и другие страны СНГ), однако имеются и скульптуры с чашей (в США)³⁰³.

Меч как атрибут правосудия символизирует принудительную власть суда, силу его возмездия. Его «обоюдоострость» символизирует не только карательную силу, но и служит предупреждением, при этом аналогично значимо и его расположение.

Меч, поднятый острием вверх, указывает на «волю небес», обозначая высшую справедливость, постоянную готовность к применению.

Меч, опущенный вниз, указывает на то, что борьба окончена, победа одержана³⁰⁴.

Держащая меч рука – обычно правая, что символизирует «правое дело», сторону действия, силу, причем размер меча не влияет на его образное

³⁰⁰ Заимствовано из мифологических канонов, согласно которым владыки загробного мира взвешивали добрые и злые поступки людей на чаше судьбы.

³⁰¹ Themis with scales, sculpture at Chuo University, Tokyo «Themis». Photograph. Encyclopædia Britannica Online. Web. 09 Apr. 2013. URL: <http://www.britannica.com/EBchecked/media/142478/Themis-with-scales-sculpture-at-Chuo-University-Tokyo>.

³⁰² Themis The Goddess of Justice. URL: <http://yayauhqui.deviantart.com/art/Themis-The-Goddess-of-Justice-40936828/>

³⁰³ Имеется в виду статуя в здании суда округа Шелби, расположенного в Мемфисе, в штате Теннесси. См.: Statue at Shelby County Courthouse, located in Memphis, Tennessee. URL: <http://upload.wikimedia.org/wikipedia/commons/5/53/JMR-Memphis1.jpg?uselang=ru>.

³⁰⁴ Статуя Фемиды расположена в штате Массачусетс США.

значение. Подобное особенно подчеркнуто скульптурой Фемиды, расположенной на вершине окружного суда округа Хэйс штата Техас в США ³⁰⁵.

Щит Фемиды по степени символичности аналогичен мечу, так как используется обычно вместо него и в том же значении. Так, Фемида, расположенная у здания Верховного Суда России, с опущенным щитом олицетворяет всеобъемлющую победу правосудия, торжество закона и силу возмездия.

Указанные символы, учитывая их значение и географию, однозначно являются едиными для всех государств и граждан их населяющих, а потому, несомненно, могут быть причислены к уникальным средствам судопроизводства.

Ко второй подгруппе относятся не менее содержательные и образные символы, но *используемые непосредственно при осуществлении правосудия*.

Это молоток – символ, демонстрирующий земную власть суда, олицетворяющий его власть, выраженную в принятии правоприменительного акта. По неподтвержденной информации, носящей больше мифологическое значение, молоток изготавливается из древесины твердых пород, за исключением липы, так как использование «липового молотка» аннулирует судебное решение. Законодательного закрепления процедура использования молотка не получила, однако в подавляющем большинстве государств – США, Великобритании, России молоток судьи используется при осуществлении правосудия в двух проявлениях: или как статичный атрибут (просто находится на столе суда), или как соответствующее правоприменительное действие.

Также предметным атрибутом правосудия является кресло судьи. Обычно оно производится из высоких пород дерева, обивается кожей, по форме напоминая трон. Это наглядно демонстрирует значимость судьи, его «происхождение» ³⁰⁶, историческую преемственность ³⁰⁶ принципов правосудия.

³⁰⁵ This is lady justice perched on top of the Hays county court house. URL: <http://www.flickr.com/photos/rafaelmarquez/3259249440>.

³⁰⁶ Судьи по религиозным канонам – это управляющие народом (см. Книгу Судей Израилевых), судьи в Древнем Риме уважаются и почитаются императорами, судья в истории России – одна из высших должностей (например, в системе центральных органов государственного управления Московского царства XVI–XVII вв.) и т. п.

Мантия – торжественное, ритуальное одеяние, предназначенное для совершения в нем важной, значимой церемонии. Судья, облаченный в мантию³⁰⁷, оставивший «повседневное платье» для мирских дел, олицетворяет духовный переход «из бренного мира» в соответствующий правоприменительный ритуал. Подавляющее большинство государств мира признают мантию императивным атрибутом правосудия, законодательно закрепляя и финансируя это³⁰⁸ (в Республике Молдова мантии и знаки выдаются бесплатно³⁰⁹). Например, в Великобритании не только судьи, но и те, кто предстает перед ними (адвокаты), а также лица широкого спектра юридических специальностей (юристы королевского величества) облачаются в мантии. Аналогична ситуация в США, России, Франции, Италии, Испании, где судьи заседают в мантиях, отличие которых допустимо лишь в цвете: черные мантии предназначены для судей низших, а красные – высших инстанций или торжественных случаев. Цветовое ранжирование мантий характерно и для Голландии, Бельгии, Германии, а также Международного уголовного трибунала. Даже Фемида, в большинстве случаев, одета в мантию (у здания Законодательного совета в Гонконге или США), являясь негласным руководством суду, выраженным в необходимости «переодеться» в служебную одежду, отойти от «мирских» дел и начать вершить правосудие. Судебные мантии сконструированы специально для осуществления правосудия³¹⁰. Например, в России в описании модели мантии (это не просто одежда) присутствует соответствующая символика: мантия дополняется галстуком с узлом РФ и украшается Государственным гербом РФ в виде вышивки на левой стороне груди (для судей Конституционного Суда); мантия Председателя Конституционного Суда дополняется серебряным медальоном с изображением Фемиды и по-

³⁰⁷ Ст. 114 ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации»; П. 2 ст. 21 Закона РФ «О статусе судей в Российской Федерации» // Российская газета. 1992. 29 июля; Постановление Президиума Верховного Совета Российской Федерации от 22.03.1993 № 4656-1 «Об утверждении описания и образца мантии судей Российской Федерации».

³⁰⁸ П. 2 ст. 21 Закона РФ «О статусе судей в Российской Федерации».

³⁰⁹ Символы судебной власти. URL: <http://www.csj.md/content.php?menu=1705&lang=6>.

³¹⁰ Мантия сконструирована художником-модельером Е.Н. Коротковой. – *Примеч. авт.*

серебряной цепью. Предусмотрен также головной убор – четырехуголка с околышем, к переднему углу которого прикреплена на шнуре кисточка. В связи с тем, что указанная «форма одежды» судьи не была утверждена³¹¹, фактически судьи пользуются мантиями в упрощенном виде без соответствующей символики и головных уборов³¹². Следовательно, осуществление правосудия без мантии умаляет авторитет судебной власти³¹³.

Однако скульптуры Фемиды одеты в соответствии с древними традициями не всегда. Так, Фемида Мексики предстает перед нами в виде обыденно и просто одетой женщины³¹⁴. Словосочетание «судейская мантия» не всегда используется символично. Чаще всего в таком аспекте оно проявляется в негативном контексте, поданным в большинстве случаев представителями СМИ: «политик в судейской мантии», «судейская мантия с пятнами позора»³¹⁵, «помощникам судей упростят доступ к судейской мантии»³¹⁶, складки судейской мантии³¹⁷.

Стоит отметить, что отсутствие мантии на значимость правосудия не влияет. Так, в Латинской и Южной Америке судьи мантий не носят, ограничиваясь использованием медали на ленточке, что имеет аналогичное с мантией значение – напомнить участникам судебного процесса об особом статусе судьи. Следовательно, даже законодательно закрепленная мантия – это символический императив, поэтому, ее применение – больше дань традиции,

³¹¹ Постановление Президиума Верховного Совета РФ «Об описании и образце мантии для судей Конституционного Суда Российской Федерации» от 18 мая 1992 г. № 2784-1 // Ведомости Верховного Совета РФ. 1992. № 24. Ст. 1311.

³¹² Мантии шились в художественных мастерских Русской православной церкви в Софрино. Каждую мантию шили по индивидуальным размерам. На каждой указывалось имя судьи. – *Примеч. авт.*

³¹³ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 31 мая 2007 № 27 «О практике рассмотрения судами дел об оспаривании решений квалификационных коллегий судей о привлечении судей судов общей юрисдикции к дисциплинарной ответственности» // Российская газета. 2007. 8 июня (№ 4385).

³¹⁴ Themis The Goddess of Justice. URL: <http://yayauhqui.deviantart.com/art/Themis-The-Goddess-of-Justice-40936828>.

³¹⁵ Жунусова Ж. Судейская мантия с пятнами позора // Общественная позиция. URL: <http://www.taszargan.info>.

³¹⁶ Помощникам судей упростят доступ к судейской мантии. URL: <http://inforotor.ru/news/21566490>.

³¹⁷ Гаврилов Р. Складки судейской мантии // Новые известия. 2004. 03 июня.

обычаем. Так, в США с 1800 г. считалось традиционным ношение судьями «wear black robes» – черных мантий³¹⁸ «with a red facing», то есть с красным или оранжево-розовым кантом цвета лосося, что было характерно для колониальных и английских судей прошлого.

Указанные во второй подгруппе символы также универсальны, общепризнанны и их толкование не вызывает труда даже у непосвященных участников судопроизводства, в первую очередь в силу исторической преемственности. Соответственно, их универсальное значение неоспоримо.

К группе «В» мы отнесем характерные для конкретных государств, однако далекие от универсальности, носящие больше уникальный характер, а потому требующие специального знания символы правосудия.

К первой подгруппе относятся символы, которые используются в правоприменении, хотя таковыми по своей природе не являются. Это герб, флаг, печать, Основной закон государства (Конституция) и др. Что касается флага и герба, то во всех государствах мира эти символы законодательно закреплены и в правоприменении используются в качестве указания на государственную принадлежность³¹⁹ (изображение Государственного герба в залах заседаний Высшей судебной палаты и использование в зале заседаний Пленума Государственного флага и Конституции в Республике Молдова³²⁰). Отношение же к печатям, на наш взгляд, различно. Например, собственная печать Верховного Суда США³²¹ аналогична Большой печати Соединенных Штатов, но элемент государственного герба в ней, орел, изображен держащим только одну звезду, символизируя уникальность верховного правосудия³²². В России гербовое изображение пропечатывается на бланках судебных ин-

³¹⁸ Текст для перевода заимствован с официального сайта Верховного Суда США. URL: <http://www.supremecourt.gov/about/traditions.aspx>.

³¹⁹ Ст. 34 ФКЗ от 31.12.1996 № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации».

³²⁰ Символы судебной власти URL: <http://www.csj.md/content.php?menu=1705&lang=6..>

³²¹ Печать Верховного Суда США хранится в распоряжении секретаря суда и проставляется на официальных документах, например таких, как сертификаты удаления и допуска к практике адвокатов в Верховном Суде.

³²² The Court and Its Traditions // Официальный сайт Верховного Суда США. URL: <http://www.supremecourt.gov/about/traditions.aspx>

станций, полностью копируя изображение государственного герба, как в многоцветном, так и в одноцветном вариантах³²³. Похожая ситуация в Республике Молдова – Высшая судебная палата имеет печать с изображением Государственного герба со своим наименованием³²⁴.

Ко второй группе мы отнесем специфические, основанные на внутри-государственных традициях символы.

На наш взгляд, в США их обнаруживается наибольшее количество³²⁵. Это традиции, пришедшие из прошлого, например, расположение девяти судей на скамье судей по старшинству, использование перьевых ручек, традиция «рукопожатия судей», или «The Conference handshake» (один из судей пожимает руку остальным восьми при входе на судейское место и удалении на совещание), или новшества современности, например главный судья Фуллер Верховного Суда США установил практику «повторных уведомлений», содержащих информацию о том, что споры в суде не препятствуют достижению соответствующей цели. При этом наблюдается и некоторая «потеря» символичности, например, в одежде защитников: от «formal morning clothes», то есть в формальной одежде и позже «визитки» или «morning coat», то есть сюртука, мужского костюма для всех без исключения адвокатов США сделан переход к обязанности ношения специального вечернего платья только для сотрудников Министерства юстиции и правительственных юристов, выступающих в качестве защитников от штатов³²⁶. Менее насыщено символикой правосудие Германии. К традиционному можно отнести наличие «сословия адвокатов» или «bar» при Федеральном суде Германии, обеспечивающего защиту интересов в гражданском судопроизводстве³²⁷, сам же процесс судебного заседания проходит в более приближенном к реальности режиме с

³²³ Ст. 3, 4 ФКЗ от 25.12.2000 № 2-ФКЗ «О Государственном гербе Российской Федерации».

³²⁴ Символы судебной власти // Официальный сайт Высшей судебной палаты Республики Молдова.

³²⁵ The Court and Its Traditions. // Официальный сайт Верховного Суда США. URL: <http://www.supremecourt.gov/about/traditions.aspx>

³²⁶ Там же.

³²⁷ Der Bundesgerichtshof Официальный сайт Федерального суда Германии. URL: http://www.bundesgerichtshof.de/DE/Home/home_node.html.

наименьшим применением атрибутов, в которых вряд ли можно увидеть что-либо символичное. В качестве символа следует выделить также исторически сложившиеся традиции обращения к суду – в Австралии в стиле «достопочтенный»³²⁸, в России, в зависимости от вида судопроизводства, «Ваша честь»³²⁹ или «Уважаемый суд»³³⁰.

Указанная группа символов, несмотря на их уникальные характерные аспекты, все же служит средством унификации судопроизводства, так как атрибутивность, наглядность и образность перечисленных символов правосудия позволяет «непосвященным» догадаться и распознать их основную суть и предназначение. Произведенный анализ позволяет сделать вывод – атрибутивно-изобразительные правоприменительные символы «на всех языках мира» понятны и доступны для понимания, а потому служат средством унификации технологий правоприменительной деятельности, что и возводит их в ранг международных символов правосудия. Существуют и иные символы, которые в совокупности с указанными дополняют и предметно конкретизируют судебную деятельность. Местоположение Высших судебных инстанций и Конституционного Суда также символично по своей природе³³¹. Это демонстрирует отсутствие влияния на принятие важных решений, а его расположение в историческом месте, Санкт-Петербурге, в здании Сената и Синода³³², подкрепляет дань традициям и подчеркивает отделимость от органов исполнительной и законодательной власти, реализуя принцип разделения властей наглядно-образным способом.

³²⁸ Federal Court of Australia Act 1976. URL: <http://www.comlaw.gov.au/Series/C2004A01586>

³²⁹ Ст. 257 УПК РФ.

³³⁰ Ст. 158 ГПК РФ.

³³¹ Постоянным местонахождением Конституционного Суда, как и других высших органов государственной власти, является, как правило, столица государства. В ряде стран конституционные суды находятся не в столице (Грузия, Словакия, ФРГ, Эстония, ЮАР). В Австрии трое конституционных судей из четырнадцати и два заместителя судей из шести должны постоянно проживать вне Вены.

³³² ФКЗ «О внесении изменений в ФКЗ “О Конституционном Суде Российской Федерации”» (об изменении места постоянного пребывания Конституционного Суда с Москвы на Санкт-Петербург) ; Указ Президента от 23.12.2007 № 1740 «О месте постоянного пребывания Конституционного Суда Российской Федерации».

3.3. Невербальные символы. К ним мы можем отнести:

– *телесно-звуковой контакт* (удар молотка, телесные прикосновения), расстояние между субъектами (в суде обычно используется дистанционно-субординационное расстояние, подчеркивающее независимость суда, ориентацию (близкие, доверяющие друг другу люди садятся рядом, враги стремятся занять положение напротив друг друга) в правоохранительных органах, например, на допросах используется более «доверительное» расстояние);

– *внешний вид*, включая мимику и позу, имеющие универсальное значение – принимать соответствующее положение и внешний вид в соответствии с ситуацией;

– *жесты* как атрибутивно-изобразительные символы наиболее важны в случаях совершения правосудия, участниками которого являются глухие или глухонемые люди; их применение обеспечивает реализацию принципа равенства всех перед законом и судом, зафиксированного в Конституции РФ³³³ и международных актах³³⁴, в данном случае жесты действуют в качестве подкрепляющих механизмов символических наглядно-изобразительных действий, при этом говорящий прибегает к ним для того, чтобы проиллюстрировать то, о чем он говорит.

Стоит отметить, что атрибутивно-изобразительная правоприменительная символика преимущественно эстетична – красива статуя Феиды, торжественна мантия, величественен меч правосудия, в нишах фасада Конституционного Суда РФ располагаются аллегорические статуи: Юстиция, Правосудие, Бдительность, Беспристрастие, Мудрость, Твердость, Законоведение, Истина (здание Сената). Следовательно, правоприменительный символ, помимо указанных функций, выполняет сугубо эстетическую роль. Его назначение – показать торжество, величие и «красоту» правосудия, вызвать у окружающих уважение к нему. Поэтому, символ – это эстетическая сторона права. Значение и применение символов со временем видоизменяется. Так,

³³³ Ст. 19 Конституции Российской Федерации.

³³⁴ Ст. 7 Всеобщей декларации прав человека.

сегодня черный цвет мантии, изначально выбранный для скрывания следов крови, означает беспристрастность, подчеркивает статус и авторитет судебной власти, поэтому в большинстве государств мира ношение мантии судьями императивно, а стандарты внешнего вида судьи закрепляются нормативно³³⁵; тюремная решетка, символизируя виновность находящегося за ней лица, изначально накладывала на подозреваемого клише преступника, сегодня, обеспечивая принцип презумпции невиновности, заменяется на стекло, демонстрируя соблюдение конституционных прав и свобод граждан. Также меняется и становится более эстетичной форма представителей системы МВД РФ³³⁶, уделяется все больше внимания внешнему виду и поведению адвокатов³³⁷.

Перечисленные нами символы далеко не исчерпывают весь арсенал правоприменительных средств. Их достаточно много и мы перечислили самые показательные и юридически значимые. Они характерны для всех видов судопроизводств³³⁸, не только в России, но и в других странах мира. Поэтому, атрибутивно-изобразительная символика, несомненно, ориентирована на универсальность правоприменения. Этот аспект в период повсеместной гло-

³³⁵ Ст. 114 ФКЗ от 21.07.1994 №1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации»; Ч. 2 ст. 34 ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации»; П. 2 ст. 21 Закона РФ «О статусе судей в Российской Федерации»; П. 5 Приказа Генерального директора Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации от 25 января 1999 г. № 5 «Об утверждении Инструкции о порядке выдачи мантий судьям судов общей юрисдикции Российской Федерации, нормах и сроках их носки», утвержденной Приказом Генерального директора Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации от 25 января 1999 г. № 5; П. 10 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 27 от 31 мая 2007 г. «О практике рассмотрения судами дел об оспаривании решений квалификационных коллегий судей о привлечении судей судов общей юрисдикции к дисциплинарной ответственности»; Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 20 февраля 2007 г. № 162-О-О.

³³⁶ Имеется в виду поэтапное обеспечение российских полицейских новой формой, запланированное на 2012–2014 годы.

³³⁷ Горячим сторонником адвокатской мантии выступает известный ученый, адвокат, президент Гильдии российских адвокатов Г. Мирзоев, который в своем интервью телеканалу «Россия» рассказал о мечте своих коллег получить спецодежду, подобную той, что носят их коллеги в Европе. Этой же позиции придерживается президент Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации Е. В. Семеняко. Более подробно см.: Мельниченко Р. Г. Мантия для адвоката // Адвокатская практика. 2008. № 5. С. 16–18; Его же. Адвокатская деятельность. Универсальные правила успеха. М., 2012. С. 155–161.

³³⁸ Приложение 5 «Виды судопроизводств в Российской Федерации».

бализации и внедрения модернизационных процессов представляется наиболее актуальным. Произведенный анализ позволяет сформулировать понятие атрибутивно-изобразительного правоприменительного символа (авт. опред.) – это наглядно-изобразительные предметные образы и атрибуты (флаг, герб, гимн, статуя Фемиды, мантия, молоток и весы правосудия и другие), их значение раскрывается в обеспечении эффективности правовой коммуникации посредством экономии правового воздействия на индивида.

§2 Знаково-графические правоприменительные символы

Помимо атрибутивно-изобразительных правоприменительных символов в судебном правоприменении существенное значение играют знаково-графические правоприменительные символы. Их роль не ограничена только передачей информации. Они служат средством фиксации, формализации и систематизации, а также конкретизации, визуализации различного рода сведений, выполняя в правоприменительной деятельности функции условных знаков. Характерные черты и свойства знаково-графических символов позволяют выполнять с ними конкретные, имеющие существенное значение для дела действия, преобразовывать их из одной формы в другую, проводить измерения. Их состав по аналогии с атрибутивно-изобразительными символами богат по содержанию, а потому, считаем возможным все многообразие знаково-графических правоприменительных символов условно разделить: на *динамические и статические*.

Статические знаково-графические символы в правоприменительной деятельности выполняют роль знаковой стандартизации, так как они в первую очередь направлены на унификацию правоприменительной деятельности и ориентированы на ее совершенствование. Если в определенных видах деятельности (естественно-научной, производственной и т. п.) приняты строго установленные обозначения, то в сфере юриспруденции, по аналогии, например, с топографической деятельностью, допускается свобода творчества и выбор наиболее приемлемого варианта обозначения того или иного

действия, события, предмета. Это объясняется еще и тем, что вариант использования и выбор статистических символов нормативно не регламентирован, а ориентирован на обеспечение правоприменительной эффективности.

К знаково-графическим считаем возможным отнести следующие символы.

Символы-знаки. К данной подгруппе традиционно относят дорожные знаки, которые демонстрируют правила поведения, регулируя дорожное движение. Их основным свойством является то, что информация о возможном действии доводится до ее получателя в кратчайшие сроки. В правоприменительной сфере символы-знаки имеют схожее значение. Сюда можно отнести используемые в правоприменении эмблемы (например, отличительные эмблемы – знаки судебного департамента³³⁹, судебных приставов, обеспечивающих судебную деятельность³⁴⁰), иероглифы (например, перечеркнутая буква Z, проставляемая в пустые места документов) или графические изображения фигур, которые в комбинации обладают определенным смыслом (чаще используются графические изображения фигуры Феиды и Весов правосудия на информационных вывесках судебных органов, а также рекламных вывесках лиц, осуществляющих деятельность, связанную с отправлением правосудия); сокращения и аббревиатуры (ЕСПЧ, КоАП РФ, ГПК РФ, ЖК РФ и др.), в том числе в виде кодов (примером могут служить номера судебных дел: 1-П/2011 (Постановления), 189-О-О/2011 (Определения), № 90-Р/1993 (Решения)); указатели (алфавитные указатели на бумажных носителях и в автоматизированном учете, стрелки – указатели адреса местонахождения, маркировки – надписи, содержащие определенные сведения, символы для контактов – знаки телефона) и др.

Символы-слова. Это имеющие особое значение для осуществления судебного правоприменения слова и термины. К первым можно отнести рас-

³³⁹ Приказ судебного департамента при Верховном Суде РФ № 158 от 09.12.2004 «Об учреждении эмблемы судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации».

³⁴⁰ Указ Президента Российской Федерации от 24.01.2006 № 42 «Об учреждении геральдического знака – эмблемы и флага Федеральной службы судебных приставов».

пространенное выражение «Встать, суд идет!», «Ваша честь!» (в уголовном судопроизводстве), «Уважаемый суд!» (в гражданском судопроизводстве). Ко вторым можно причислить специальную юридическую терминологию, имеющую определенную идею. В ней акцент проставляется на смысле, который вкладывают действующие индивиды, вступая во взаимодействие (примерами могут служить такие термины как «прения», «реплика»). Также примером данной группы знаков могут служить названия должностей, имена участников процесса, или знаки, служащие для различия одних субъектов, личностей от других.

Символы-числа. Числа и цифры окружают нас повсюду, без них невозможно представить нашу жизнь. И можно предположить, что числа правят миром. Однако в правоприменительной деятельности речь не идет о символическом значении конкретных чисел. Напротив, здесь следует говорить о числах, которые в качестве символов обеспечивают эффективность правоприменительной деятельности. Это символика геральдики; фикция, в которой используется цифра «один свидетель не свидетель»; проставляемые на документах даты и т. п.

Символы-изображения, или изображения, «нарисованные» символами, создаваемые символами. Сюда мы отнесем изображения, применяемые в судебной деятельности, например, печать, проставляемую в документах; герб, помещаемый в зале судебного заседания и проставляемый в тексте вынесенных решений и приговоров; фотографии, видеозаписи, используемые для повышения качества правосудия (как доказательства или фиксирующие судебный процесс) и т. п.; также следует сказать и об использовании в правоприменительной деятельности изображений правосудия – Фемиды, Весов и Меча правосудия. В данную группу следует отнести и символы – схемы, используемые в правоприменительной деятельности (схема ДТП), а также фотоснимки, зафиксированные видеокамерой (нарушители Правил дорожного движения).

Символ-текст. Это своего рода ритуализированные, не персонифицированные тексты-монологи: присяги, клятвы. Так, например, судья, впервые избранный на должность, приносит в торжественной обстановке присягу следующего содержания: «Торжественно клянусь честно и добросовестно исполнять свои обязанности, осуществлять правосудие, подчиняясь только закону, быть беспристрастным и справедливым, как велят мне долг судьи и моя совесть»³⁴¹, адвокат, сдав квалификационный экзамен, вступая в адвокатское сообщество, приносит присягу следующего содержания: «Торжественно клянусь честно и добросовестно исполнять обязанности адвоката, защищать права, свободы и интересы доверителей, руководствуясь Конституцией Российской Федерации, законом и кодексом профессиональной этики адвоката»³⁴². Также к данной подгруппе статических знаково-графических символов можно отнести и выраженный в письменно зафиксированных действиях участников процессов текст, который содержится в протоколах следственных действий, судебных заседаний, правоприменительных актах (судебных приказах, решениях, приговорах). При этом, достаточно спорным представляется вопрос отнесения к знаково-графическим правоприменительным символам правоприменительных актов, ведь их сущность и назначение обеспечивается различными элементами юридической техники: правилами построения судебного текста, правоприменительной терминологией, соответствующими средствами юридической техники: язык, стиль, форма и т. п.

Динамические знаково-графические символы. До недавнего времени все условные знаки были статичными. Затем, преимущественно с развитием электронных технологий, появились динамические условные знаки, к которым можно отнести в основном символы, позволяющие зафиксировать действие статических знаков (фиксированной информации) в динамике. Следо-

³⁴¹ Ст. 8 Закона РФ от 26.06.1992 № 3132-1 (ред. от 25.11.2013) «О статусе судей в Российской Федерации».

³⁴² Федеральный закон от 31.05.2002 № 63-ФЗ (ред. от 02.07.2013) «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ» // Российская газета. 2002. 5 июня (№ 100).

вательно, динамические символы состоят из набора статических изображений, представляющих различные их позиции и комбинации в движении, иначе можно заключить, что это движущиеся, изменяющиеся знаки. Их основной функцией является динамическая визуализация юридически значимой информации.

Динамические знаково-графические символы субъективны, так как создаются в процессе использования статистических символов, при этом, как только использование (действие) статичных символов завершается, все динамические символы, созданные в процессе их использования, теряют всякий смысл. Так, динамические знаково-графические символы демонстрируют участникам правоприменения знаки, фигуры, изображения, иероглифы, схемы, слова, термины и др., используемые в рамках правосудия. Отсюда, примерами знаково-графических динамических символов можно считать динамические условные знаки, интерактивные карты, динамические web-страницы и web-документы, создаваемые и применяемые посредством информационных технологий. Также к данной группе символов можно отнести и речь участников судебных процессов – судьи, истца, ответчика, представителей сторон, потерпевшего, обвиняемого, государственного обвинителя, защитника и т. п. Примером последнего может служить деятельность адвоката, который создает динамическую модель поведения подзащитного, имитируя его ход мысли и принимая решение о его позиции в суде.

К динамическим знаково-графическим символам считаем необходимым отнести *электронные символы*. Это своего рода обеспечивающие электронно-техническое оснащение правоприменительной деятельности новейшие информационные технологии (сайты, электронные страницы, интерактивные карты, правовые системы и т. п., а также символы оформления электронных документов, электронной почты, электронные знаки и табло).

Развитие и повсеместное внедрение в процесс правоприменения знаково-графических символов связан с повсеместной информатизацией, в том

числе охватившей и судебную деятельность³⁴³, ведь судебная система развивается не изолированно, а на фоне повсеместной информатизации практически всех сфер жизнедеятельности. Так, большинство государственных и частных организаций не только сдают отчетность посредством всемирной сети Интернет практически во все контролирующие органы и органы государственной власти, но и обмениваются друг с другом многочисленными документами, развивая диалог госорганов и бизнеса, бизнеса и гражданского общества.

Не являются исключением и судебные органы. Уже сегодня исковое заявление, или иной пакет документов, можно отправить в суд для его принятия к производству в кратчайшие сроки – электронно. Оповещение участников судебных процессов осуществляется посредством sms-сообщений. Для этих целей каждый суд вне зависимости от уровня и подсудности имеет собственный электронный почтовый ящик и телефонный номер.

Следовательно, судебная деятельность сегодня усиленно насыщается динамическими знаково-графическими символами и знаками, обеспечивающими интеграцию и создание единого информационного пространства судебной системы. Это во многом объясняется построением высокотехнологичного государства (e-government) и общества, где допускается использование различных средств, как инновационных (Интернет, мобильные карты, видеоконференцсвязь и т. п.), так и традиционных, к числу которых, на наш взгляд, и относят правовые символы – культурно-ценностные государственно-правовые (прикладные) средства, предназначенные для эффективности восприятия правового материала, приобретающие в зависимости от полити-

³⁴³ Информатизация судебной системы производится в рамках реализации Федеральной целевой программы «Развитие судебной системы России» на 2007–2011 гг., утвержденной Постановлением Правительства РФ от 21.09.2006 № 583 и Концепции федеральной целевой программы «Развитие судебной системы России на 2013–2020 гг.», утвержденной Распоряжением Правительства РФ от 20.09.2012 № 1735-р. См. также Постановление Правительства Российской Федерации от 27 декабря 2012 г. № 1406 «О федеральной целевой программе “Развитие судебной системы России на 2013–2020 годы”».

ко-правового смысла конкретные форму и содержание, используемые в определенном процедурном порядке и охраняемые государством.

Отсюда можно заключить, что знаково-графические символы (как статические, так и динамические) обеспечивают создание правовой коммуникации в правоприменительной деятельности, которую можно обозначить в качестве процесса передачи правовой информации, к важнейшим свойствам которой традиционно относят упорядоченность, определенность, единство понимания.

Учитывая, что кодирование информации достигается различными средствами – язык, текст, изображение, символы, последние широко используются как для разрешения задач правового воздействия (как способы передачи информации в условиях широкого применения информационных коммуникационных технологий гарантируют доступность правовой коммуникации), так и в качестве наглядных средств экономии правового воздействия, способствуя снятию информационного (текстового) перегруза.

Одним из инструментов модернизационно-инновационного преобразования правоприменительной судебной деятельности является электронная информация, которая фиксируется сегодня посредством государственной автоматизированной системы «Правосудие»³⁴⁴, внедрением в судебный процесс современных веб-технологий, к которым относятся видеоконференцсвязи, системы звуковой записи судебных заседаний, модернизируется судебная экспертиза и документооборот как внутри судебной системы, так и между судом и гражданами, создан «Банк судебных решений», публикуется судебная статистика, на основе эффективно разрабатываемой автоматизированной системы судебного делопроизводства сбора и обработки статистических данных. Автоматизированная система судебного делопроизводства разработана с учетом требований, предусматривающих строгое соблюдение норм процессуального права, требований инструкций и руководящих документов и охватывает следующие контуры – подсистемы: отдела проверки судебных реше-

³⁴⁴ ГАС «Правосудие». URL: <http://www.sudrf.ru>.

ний в порядке надзора; судебных составов по уголовным, гражданским и административным делам; Кассационной коллегии Верховного Суда РФ; Президиума Верховного Суда РФ; электронный банк судебных документов; справочная система Верховного Суда; судебная практика, анализ деятельности суда, статистические данные. Указанное можно увидеть на созданных и эффективно функционирующих сайтах судов судебной системы не только в России, но и других странах. Нельзя не отметить важность справочно-правовых систем, таких как СПС «КонсультантПлюс» и «Гарант». Их повсеместное внедрение в судебную деятельность позволяет использовать только актуальную информацию, касающуюся в том числе и практики правоприменения.

Указанное особенно актуально ввиду перехода судебного производства в дистанционный уровень взаимодействия (прием искового заявления электронно, участие в судебном заседании с помощью видеоконференцсвязи, online-трансляция судебных заседаний). Уже сегодня с этой целью суды оснащаются необходимым оборудованием (устанавливаются видеокамеры и компьютеры в зале судебных заседаний, на столах участников процесса устанавливаются микрофоны, места для обвиняемых оборудуются специальными звукопроницаемыми стеклопакетами, вместо решеток).

Проанализируем назначение знаково-графического символа на примере электронной подписи, применяемой для безошибочной идентификации подтверждения авторства и неизменности передаваемой информации, конфиденциальность которой гарантируется посредством шифрования и дешифрования (использования открытых и закрытых ключей, как «уникальной последовательности символов, предназначенных для создания в электронном документе электронной подписи»³⁴⁵).

Нормативно закреплено *три вида электронных подписей*³⁴⁶:

³⁴⁵ Ст. 3 ФЗ «Об электронной цифровой подписи». Утратил силу с 1 июля 2012 г. в связи с принятием Федерального закона РФ от 06.04.2011 № 63-ФЗ (ред. от 05.04.2013) «Об электронной подписи».

³⁴⁶ ФЗ РФ «Об электронной подписи».

- простая, подтверждающая факт формирования подписи определенным лицом посредством использования кодов, паролей и иных средств;
- неквалифицированная, полученная в результате криптографического преобразования информации с использованием ключа подписи и позволяющая определить лицо, подписавшее электронный документ;
- квалифицированная – неквалифицированная электронная подпись, подтвержденная квалифицированным сертификатом.

Анализ их применения в судебной деятельности позволяет заключить, что правоприменительный знаково-графический символ «электронная подпись» в электронном документе символизирует равнозначность собственноручной подписи лица его подписавшего. При этом важно различать использование электронных подписей:

- а) внутрисистемно, то есть в документообороте судебной деятельности;
- б) в качестве доказательства при рассмотрении конкретных обстоятельств дел³⁴⁷,
- в) при передаче документов электронно гражданами в суд (и другие государственные органы).

Отсюда, назначение электронной подписи следующее – служить средством преобразования правовой информации. Аналогично и назначение знаково-графического символа.

Достоинствами «электронных взаимодействий» и преобразований в правоприменительной деятельности, безусловно, являются: сокращение времени, затрачиваемого на оформление, обмен информацией; существенная экономия денежных средств за счет информатизации процедур подготовки, доставки, учета и хранения документов; гарантированность достоверности и сохранности документации (любая информация, передаваемая электронно, подлежит шифрованию); минимизация рисков за счет повышения конфиден-

³⁴⁷ Документы, полученные посредством факсимильной электронной и иной связи, а также документы, подписанные электронно-цифровой подписью или иным аналогом собственноручной подписи, допускаются в качестве письменных доказательств. См.: П. 3 ст. 75 АПК РФ.

циальности информационного обмена; совершенствование процедур судопроизводства, расширение доступа граждан к правосудию и гласность разбирательства судебных дел; повышение степени информатизации судов, их компьютеризация, влечет также расширение применения компьютерных технологий, создание на этой базе современных и надежных систем отбора, хранения информации, доступа к ней, а также ее использование и распространение; снижение нагрузки на судей за счет минимизации бумажных носителей и создания шаблонов документов, а следовательно, построение судебной системы, соответствующей современным условиям развития мирового сообщества.

Но при всех перечисленных достоинствах есть и *ряд существенных недостатков*: возрастает возможность для хищения информации, разрушения ее целостности; документы одной программы часто не могут быть использованы в другой, следовательно, электронная информация может циркулировать только внутри определенной корпорации; перейти на «безбумажное общение» могут далеко не все, так как этот процесс связан со значительными капиталовложениями и повсеместным обучением пользованию специализированными программами, в том числе недостатки специализированных программ и языков программирования. К тому же следует отметить и существенную сложность в реализации и применении информационных технологий в судебной деятельности, например, при передаче документов электронно гражданами в суд (и другие государственные органы), так как не все граждане умеют пользоваться программно-техническими средствами, а также не у всех есть материальная возможность иметь соответствующее техническое обеспечение (компьютеры, лицензионные программы)³⁴⁸.

Таким образом, можно сделать вывод, что электронные документы на сегодняшний день выполняют вспомогательную роль по отношению к бумажным, а потому информатизация судебной системы еще далека от совер-

³⁴⁸ Об этом свидетельствует Письмо ФМС России от 01.06.2010 № СК-1/10-8386 «К вопросу о предоставлении населению государственной услуги по регистрационному учету граждан в электронном виде».

шенства. Для того чтобы перейти к качественной и технологичной судебной деятельности, необходимо не только обеспечить суды и лиц, прибегающих к правосудию, необходимым техническим оборудованием, знаниями, умениями навыками, но и усовершенствовать законодательство, технику правоприменения.

Еще один момент, который стоит отметить, рассматривая знаково-графические правоприменительные символы, – это их *нормативное закрепление*. На наш взгляд – это обязательно, в отличие от необязательности в ряде случаев нормативного закрепления атрибутивно-изобразительной символики, так как в противном случае информационные процессы, рассчитанные изначально для широкого спектра действия, окажутся неприспособленными для решения государственных задач в сфере правоприменения. Это объясняется тем, что практически все процессы и процедуры судебной деятельности строго регламентированы законом, и «снабжение» их техническими средствами вне правовых рамок окажется противоречащим действующему законодательству. Также к недостаткам можно отнести следующее – если в неправовой сфере поданные в государственные структуры документы идентифицируются с помощью электронной подписи³⁴⁹, то в судебной системе этот вопрос пока не решен, аналогично не всегда оптимальным является смс-оповещение.

Все указанные проблемы, на наш взгляд, успешно решаются: принимаются специализированные нормативно-правовые акты³⁵⁰, в действующее законодательство вносятся изменения³⁵¹, разрабатываются и внедряются различные программы и проекты, прогнозируется возможность посредством

³⁴⁹ Следовательно, информатизация проводится повсеместно как в правовых, так и в сферах не правовых, но требующих правового регулирования технико-обеспечительных процессов и явлений.

³⁵⁰ ФЗ РФ «Об электронной подписи».

³⁵¹ ФЗ РФ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации».

двадцати ключевых шагов³⁵² вывести не только судебную деятельность, но и все государственное управление на инновационный путь развития.

Таким образом, представленные электронные высокотехнологичные коммуникации, учитывая их сущность и назначение, являясь наиболее яркими правоприменительными знаково-графическими символами, становятся воплощением инновационной информатизационной модернизации, которая в итоге и будет определять конкурентоспособность России на международном уровне. А при устранении перечисленных недостатков в будущем можно будет говорить о таком эффективном символе, отвечающем тенденциям универсализации правоприменительных процессов, как электронное правосудие.

Указанное позволяет сформулировать понятие *знаково-графического правоприменительного символа* (авт. опред.) и определить его как *условный образ, изображение, используемое для передачи того или иного смысла* (клятвы, речь, дорожные знаки, электронная подпись, ГАС «Правосудие», официальное опубликование нормативных правовых актов на «Официальном интернет-портале правовой информации», интерактивные карты, видеоконференцсвязь и др.), *значение которого раскрывается в обеспечении качества передачи правовой информации, скорости обработки данных.*

§3 Процедурно-процессуальные правоприменительные символы

Примечательно, что знаково-графические, преимущественно статические символы, позволяют зафиксировать то, что происходит в динамике в рамках процедурно-процессуальных действий (фиксированная информация) посредством фиксированной коммуникации – передачи информации между участниками правосудия.

Процедурно-процессуальные правоприменительные символы обеспечивают действенность атрибутивно-изобразительных и знаково-графических

³⁵² Минэкономразвития опубликовал проект стратегии инновационного развития страны на период до 2020 г. под названием «Инновационная Россия-2020». Данный документ базируется на основе положений «Концепции долгосрочного развития РФ на период до 2020 г.», подготовленной в 2008 году.

правоприменительных средств в динамике. Поэтому представляется необходимым, с одной стороны, проанализировать сущность и значение процедурно-процессуальной символики, а с другой – рассмотреть их наполненность атрибутивно-изобразительной и знаково-графической символикой.

Общеизвестно, что символы призваны регулировать общественные отношения в той или иной сфере жизнедеятельности. В большей степени эффективно это достигается использованием ритуализированной символики. Это объясняется тем, что еще на стадии развития человеческого общества применялись такие формы регулирования отношений, как ритуалы, обычаи и обряды. Постепенно они приобретали общезначимый характер, обеспечивая социальную стабильность, способствуя укреплению солидарности, установлению взаимосвязи поколений и времен. Именно поэтому общество было и остается заинтересованным в их сохранении. Следует отметить, что *понятие «ритуал»* является общим, собирательным по отношению к категориям «обряд» и «обычай». Это подтверждается тем, что обряд – это традиционные действия, сопровождающие важные моменты жизни ³⁵³, обычай – это стереотипный способ поведения ³⁵⁴, следовательно, ритуал – исторически сложившаяся форма сложного символического поведения ³⁵⁵. Поэтому, ритуал – это канон повседневной жизни, это традиционный порядок поведения или проведения какой-либо церемонии, действия, отсюда, это символ или символическая форма определенно-значимого традиционного поведения. При этом *под ритуализацией*, производным от слова «ритуал», следует понимать наличие общеобязательных стандартов, связанных с определенной ситуацией и приобретающих условное символическое поведение. Именно символические стандарты ложатся в основу формирования определенного, заданного средой поведения.

Связь ритуалов с правом очевидна. Это подтверждает формирование и развитие такого научного направления, формирующегося на стыке филоло-

³⁵³ Советский энциклопедический словарь. С. 922.

³⁵⁴ Там же. С. 926.

³⁵⁵ Там же. С. 1139.

гии, лингвистики и юриспруденции, как семиотика права. Речь идет о наличии конституирующих признаков или принципов, имманентно свойственных правовому порядку элементов с древних времен, формирующих каркас современных правоотношений. Данные стереотипные комбинации носят характер прескриптов, то есть регулятивных сценариев, описывающих характер поведения субъектов права ³⁵⁶.

Принципы ритуалов преимущественно извлекаются из анализа достоверно документированных обрядов. Подобное наблюдается в большей степени в правоприменительной сфере, так как правоприменительная практика во все времена развития правовых традиций базировалась на проведении определенных ритуалов, играющих роль «свода мифологически закрепленных законов» ³⁵⁷, детально регламентируя как жизнь каждого, так и проведение определенных правовых действий, ведь ритуал – это форма символического поведения, представляющая цепь последовательно совершаемых действий сигнально-знакового характера ³⁵⁸, это церемония, демонстративное действие, отличающееся театрализованностью и массовостью.

Ранее проведенный анализ использования правовых символов в правовой действительности, а также представленная выше характеристика ритуала позволяют заключить, что *ритуал – это правоприменительный символ в действии*. Отсюда, *ритуал в правоприменении выполняет следующие функции:*

- компенсаторную, то есть объясняет, внушает индивиду необходимость совершения определенных действий;
- регулятивную, то есть является ориентиром для поведения.

³⁵⁶ Более подробно о семиотике права и соотношении права и ритуала см.: Проскурин С. Г. Индоевропейские ритуалы и право. К вопросу о сетевом характере международного права // Критика и семиотика. 2009. Вып. 13. С. 102–111.

³⁵⁷ Трикоз Е. Н. Формирование древнеегипетского права: У истоков древнейшей правовой традиции // Правоведение. 2005. № 1. С. 183–193.

³⁵⁸ См.: Элементарные начала общей теории права : учеб. пособие для вузов / под общ. ред. д-ра юрид. наук, проф. В. И. Червонюка. М., 2003. 544 с.

Именно поэтому судебное правоприменение насыщается символическими ритуалами от античности до современности³⁵⁹ как непосредственно (используются при осуществлении правосудия – облачение судьи в мантию, удар молотком, приветствие судьи стоя, регламентированный судебный процесс), так и опосредованно (в правосудии не используются, но являются его неотъемлемым атрибутом – установка Фемиды в помещении суда и Весов правосудия на столе суда).

Следовательно, говоря о ритуальности судопроизводства, мы ведем речь о *правоприменительном ритуале* – своеобразном средстве формализации правового содержания в целях придания ему четкости, определенности и образности. *Отсюда судебный процесс – это правоприменительный ритуал*, который характеризуется в процедурно-процессуальном аспекте.

Учитывая наибольшую насыщенность и юридическую значимость ритуала судебной деятельности, представляется возможным именовать его процедурно-процессуальными правоприменительными символами – закрепленными законодательством условными действиями, осуществляемыми в рамках выражения определенного юридического содержания правоприменительных актов. Процедурно-процессуальный ритуал как символическая форма судебной деятельности выражается в определенных способах, канонах, порядке организации правосудия. Так, правосудие – это общий порядок рассмотрения юридических дел, обусловленный их материально-правовой природой, при этом вид судопроизводства – специальный порядок, порождающий различия в процедуре рассмотрения и процессуальных средствах защиты прав и охраняемых законом интересов лиц, участвующих в деле, является видом судопроизводства.

Категории «процесс» и «процедура» в современной правовой науке сопоставляются в качестве тесно взаимосвязанных, но говорить об их полной сопоставимости, на наш взгляд, было бы ошибочно. Основанием их разгра-

³⁵⁹ См.: Символы правосудия: от античности до современности / под ред. Ю. В. Глазова. Белгород, 2012. 140 с.

ничения выступают материальные и процессуальные нормы. Причем первые характеризуют процедуры, а вторые – процесс. Так, *процесс* – деятельность судов, любых других органов по разрешению спора о праве и защите нарушенного права³⁶⁰, осуществляемая в соответствии с нормами процессуального законодательства. Процесс – «это поиск и достижение согласия по вопросу об основах общественного и государственного устройства»³⁶¹, «совокупность сознательных преобразований, политических и законодательных решений, направленных на развитие конституционного строя»³⁶² (в широком значении). Учитывая, что материальные нормы задают последовательность определенных юридически значимых действий, представляя основу тех или иных процессуальных ритуалов, процедуры содержат в себе модели процесса. В этом смысле процесс – это «понятие определенной юридической процедуры»³⁶³ (в узком значении), отсюда понятие «*процедура*» сводится к взаимосвязанной последовательности действий. Следовательно, «*процесс*» и «*процедура*» – явления, тесно связанные между собой, но не совпадающие, где процесс выступает общим понятием. Конкретные нормы Конституции РФ подтверждают это, указывая на наличие четырех процессуальных форм в рамках единого судебного процесса. Так, судебная власть осуществляется посредством конституционного, гражданского, административного и уголовного судопроизводства³⁶⁴. Соответственно иные порядки юридической деятельности – не процессы, а процедуры. Отсюда процесс включает в себя соответствующие процессуальной форме процедуры.

Учитывая изложенное, говоря о процессе в целом, мы будем использовать термин «процесс» (например, «судебный процесс», «судья в процессе»),

³⁶⁰ Зейдер Н. Б. Предмет и система советского гражданского процессуального права // Правоведение. 1962. № 3. С. 71.

³⁶¹ Пастухов В. Б. Становление российской государственности и конституционный процесс: политологический аспект // Государство и право. 1993. № 2. С. 96.

³⁶² Румянцев О. Г. Основы конституционного строя России: понятие, содержание, вопросы становления. М., 1994. С. 156.

³⁶³ Слепченко Е. В. Конституционное судопроизводство: понятие, особенности // Юридический мир. 2009. № 2. С. 18–23.

³⁶⁴ Ч. 2 ст. 118 Конституции РФ.

а упоминая определенные процессуальные формы – конституционного, гражданского, административного и уголовного судопроизводства, использовать название «процедурно-процессуальный», что наглядно демонстрирует их специфичность, которая проявляется в наличии или отсутствии тех или иных процедур, оснащенных тем или иным количеством атрибутивно-изобразительных или знаково-графических символов: в каких-то случаях требуется мантия (например, при ведении судебного процесса), а в каких-то ее использование не обязательно (например, при подготовке судьей мотивированного решения). Рассмотрим это на конкретных примерах, предварительно разбив существующие в России *судебные производства на две группы* по принципу наличия кодифицированного нормативно-правового акта.

В *группу «А»* мы включим гражданский и уголовный процесс. Данные ритуалы правосудия регламентируются соответствующим процессуальным кодексом – Гражданским процессуальным кодексом РФ, Арбитражным процессуальным кодексом и Уголовно-процессуальным кодексом РФ

Гражданское судопроизводство (гражданский процесс) как процессуальная форма отражает решение задач по правильному и своевременному рассмотрению и разрешению гражданских дел в целях защиты нарушенных или оспариваемых прав, свобод и законных интересов граждан, юридических и физических лиц, являющихся субъектами гражданских, трудовых или иных правоотношений. Ритуал гражданского процесса характеризуется гражданским и арбитражным производством и соответствующими стадиями. Действующее гражданское процессуальное и арбитражное процессуальное законодательство (как и действовавшие до них кодексы) не раскрывают понятия стадии процесса, даже учитывая, что термин «стадия» употребляется³⁶⁵. Вместе с тем ряд дореволюционных ученых³⁶⁶ выделяют следующие значи-

³⁶⁵ Ч. 1 ст. 44 ГПК РФ, ч. 1 ст. 48, ч. 5 ст. 52, ч. 1 ст. 70, ч. 3 ст. 83, ч. 2 ст. 90, ч. 1 ст. 139 АПК РФ.

³⁶⁶ См.: Малышев К. Курс гражданского судопроизводства. СПб., 1876. Т. 1. С. 377 ; Краснокутский В. А. Русский торговый процесс. М., 1915. С. 90 ; Гольмстен А. Х. Учебник русского гражданского судопроизводства. СПб., 1913. С. 181–236.

мые моменты: начало процесса, исследование дела в процессе, его окончание, исполнение и обжалование. Послереволюционное понимание стадий процесса ставится в зависимость от их целеполагания. Одна точка зрения³⁶⁷ заключается в том, что стадии зависят от краткосрочных целей, что дает основание выделить следующие этапы: возбуждение дела, подготовка к судебному разбирательству, судебное разбирательство, апелляционное, кассационное, надзорное производство, пересмотр по вновь открывшимся обстоятельствам, исполнительное производство. Другая позиция³⁶⁸ основывается на достижении самостоятельной (окончательной) цели – рассмотрении дела по существу, что дает основание выделить следующие стадии: производство в суде первой, второй (апелляционной), кассационной, надзорной инстанциях, пересмотр по вновь открывшимся обстоятельствам, исполнительное производство. При этом каждая из стадий включает в себя этапы: возбуждения дела, его подготовки к судебному разбирательству (исполнительному производству); собственно судебное разбирательство (исполнительное производство). Анализ приведенных позиций позволяет заключить, что стадия – это обособленная часть процесса, направленная на достижение определенного результата (цели). Указанное достигается посредством использования следующих символов:

– ритуализированных процедур гражданского судопроизводства³⁶⁹ (приказного, искового, производства по делам, возникающим из публичных правоотношений, особого производства, производства по делам об оспаривании решений третейских судов³⁷⁰), при этом арбитражный процесс³⁷¹ предусматрива-

³⁶⁷ См.: Гражданский процесс : учебник / под ред. М. К. Треушникова. М., 2007. С. 267 ; Осипов Ю. К. Подведомственность юридических дел. Свердловск, 1973. С. 77 ; Гражданский процесс : учебник / под ред. В. А. Мусина, Н. А. Чечиной, А. М. Чечота. М., 2000. С. 6–7 ; Викут М. А., Зайцев И. М. Гражданский процесс России. – М., 1999. С. 11 ; Рассохатская Н. А. Гражданская процессуальная форма. Саратов, 1998. С. 29–30.

³⁶⁸ Советский гражданский процесс / под ред. М. А. Гурвича. М., 1967. С. 9–10 ; Гурвич М. А. Рецензия на книгу Пучинского В. К. «Подготовка гражданских дел к судебному разбирательству» // Правоведение. 1964. № 3. С. 131–135 ; Гражданское процессуальное право России : учеб. для вузов / под ред. М. С. Шакарян. М., 2002. С. 47–48.

³⁶⁹ Ст. 122 ГПК РФ, Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 20 января 2003 г. № 2 «О некоторых вопросах, возникших в связи с принятием и введением в действие Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации».

³⁷⁰ Впервые закреплен в гл. 46, ст. 418, 419 ГПК РФ.

ет те же судопроизводства, за некоторыми исключениями. Так, отсутствует приказное производство и добавляется производство по делам с участием иностранных лиц. Указанное позволяет отметить тенденцию увеличения количества гражданских подвидов судопроизводств, что объясняется усложнением общественных отношений в гражданско-правовой сфере, обусловленным развитием науки и техники, реформированием законодательства и т. п. Так, ГПК РСФСР 1964 г., в отличие от пяти видов судопроизводств по ГПК РФ 2002 г., различал три вида гражданского судопроизводства: исковое, возникающее из административно-правовых отношений, особое. Еще ранее по ГПК РСФСР 1923 г. предусматривалось два вида судопроизводства: исковое и особое, заменяющее охранительное³⁷². «В дореволюционной России по Уставу 1864 г. существовало три вида судопроизводства: исковое, охранительное (или беспспорное) и исполнительное»³⁷³. Стоит отметить, что символика гражданского процесса *как императивна, так и диспозитивна*. В первом случае имеется в виду обязательный претензионный досудебный порядок по делам о защите прав потребителей, а также досудебное урегулирование налоговых споров³⁷⁴; стороны именуется «истец» и «ответчик», каждое действие судьи сопровождается вынесением процессуального документа, судебный процесс императивен. Во втором случае мы подразумеваем разрешение спора в третейском суде³⁷⁵ или посредством применения процедуры медиации³⁷⁶ (данные об использовании процедуры медиации и других примирительных процедур вывешиваются в каждом суде на информационном стенде и электронно на сайтах); в процессе стороны могут действовать как самостоятельно, так и с привлечением представителей; отказываться от иска или изменять его предмет или основание;

³⁷¹ АПК РФ.

³⁷² Тихомирова Ю. В. Понятие гражданского судопроизводства и деление его на виды в теории гражданского процессуального права // Юриспруденция. 2009. № 13. С. 95–101.

³⁷³ Васильковский Е. В. Курс гражданского процесса. Т. 1. М., 1913. С. 7.

³⁷⁴ Ст. 138 Налогового кодекса РФ.

³⁷⁵ Ст. 2 ФЗ «О третейских судах в Российской Федерации».

³⁷⁶ ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)».

– атрибутивно-изобразительных символов (герб, флаг, мантия и прочие атрибуты одежды, молоток, кресло, Фемида и др., Верховный Суд РФ и суды общей юрисдикции, Высший арбитражный суд и суды арбитражной юрисдикции, мировые и военные суды);

– знаково-графических символов (судебный приказ, иск, судебное решение (постановление, определение), тексты законов, принципы гражданского правосудия³⁷⁷: осуществление правосудия только судом, равенство всех перед законом и судом, разумный срок судопроизводства, единоличное и коллегиальное рассмотрение дел, независимость суда, язык судопроизводства, гласность судебного разбирательства, состязательность и равноправие сторон, обязательность судебных постановлений; ГАС «Правосудие», официальный интернет-сайт, видеоконференцсвязь, картотека арбитражных дел, календарь судебных заседаний, банк решений, печатные органы судов³⁷⁸, обращение к суду «Уважаемый суд» и др.).

Уголовное судопроизводство (уголовный процесс) – это производство по уголовным делам по совершенным преступлениям³⁷⁹, которое направлено на защиту прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, защиту личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод³⁸⁰;

– ритуализированные процедуры: уголовное преследование, оперативно-розыскной деятельности, судебного расследования в рамках уголовного процесса; досудебное и судебное производство, особый порядок судебного разбирательства, производство с участием присяжных заседателей и др. Процедуры уголовного процесса преимущественно императивны. Так, предусмотрено и строго регламентировано досудебное производство³⁸¹, то есть оно осуществляется в строгом соответствии с Уголовно-процессуальным кодексом РФ. Напри-

³⁷⁷ Гл. 1 ГПК РФ.

³⁷⁸ См.: Вестник Высшего арбитражного суда РФ ; Бюллетень Верховного Суда РФ.

³⁷⁹ Ч. 1 ст. 3 УПК РФ.

³⁸⁰ Ч. 1 ст. 6 УПК РФ.

³⁸¹ Ч. 2 УПК РФ.

мер, в уголовном процессе диспозитивность привлечения защитника не предусмотрена, напротив, это императивный атрибут, в делах публичного и частно-публичного обвинения заявитель не вправе отказаться от заявленных требований. Вместе с тем диспозитивность уголовного производства допустима, например, в части регламентации дел частного обвинения;

– атрибутивно-изобразительные символы: герб, флаг, мантия и прочие атрибуты одежды, молоток, кресло, Фемида, Суд присяжных, адвокат, понятой, обвинитель, защитник и др.;

– знаково-графические символы: обвинительное заключение, приговор, протокол осмотра места происшествия, тексты законов, принципы правосудия³⁸² (аналогичны гражданскому процессу, но имеются и специфические): уважение чести и достоинства личности, неприкосновенность личности, жилища, охрана прав и свобод человека и гражданина, презумпция невиновности, тайна переписки, телефонных и иных сообщений и переговоров, обеспечение права на защиту, свобода оценки доказательств; ГАС «Правосудие», официальный интернет-сайт, видеоконференцсвязь, обращение к суду «Ваша честь» и др.

В группу «Б» мы отнесем процессы, регламентация которых не кодифицирована. Это административный и конституционный процессы.

Выделение административного судопроизводства (административного процесса) обусловлено необходимостью создания обособленного административно-процессуального нормативно-правового акта, регулирующего порядок разрешения споров между органами исполнительной власти и гражданами, связанных с разрешением административно-правового конфликта. Соответствующие тенденции налицо. Так, имеется самостоятельный раздел в Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях³⁸³, административные дела в судах первой инстанции переданы от мировых федеральным судам, а в судах апелляционной инстанции повсеместно создаются коллегии по административным делам. Это говорит о повышении количества и стремлении

³⁸² Гл. 2 УПК РФ.

³⁸³ См. разделы 3–5 КоАП РФ.

улучшить качество рассматриваемых административных дел. Однако говорить о едином административном судопроизводстве, ввиду отсутствия Административно-процессуального кодекса, пока не представляется возможным. Вместе с тем *данный вид судопроизводства по символическому проявлению схож как с гражданским, так и с уголовным процессом, поэтому останавливаться на анализе специфических символов административного производства не представляется целесообразным*. При этом имеются и специфические черты административного процесса. Так, принципами административного судопроизводства выступают: принцип равенства всех перед законом, презумпция невиновности, обеспечение законности, действие законодательства во времени и в пространстве. Вместе с тем по степени императивности символики административный процесс наиболее приближен к уголовному;

– ритуализированные процедуры: процедуры обеспечения административного производства, например, задержание – арест, привод; возбуждения, рассмотрения дела об административном правонарушении, правовой помощи и пересмотра по делам об административном правонарушении, исполнения постановлений и административных наказаний;

– атрибутивно-изобразительные символы: герб, флаг, мантия и прочие атрибуты одежды, молоток, кресло, Фемида и др., Верховный Суд РФ и суды общей юрисдикции;

– знаково-графические символы: АПК отсутствует; название правонарушения – административное правонарушение, по делу выносятся определение, постановления и решения.

Конституционное судопроизводство (процесс). В настоящее время процедурно-процессуальная деятельность Конституционного Суда РФ регламентируется Конституцией РФ, рядом федеральных конституционных законов³⁸⁴,

³⁸⁴ ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» ; ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации».

указами Президента РФ³⁸⁵, Регламентом Конституционного Суда РФ, единого процессуального кодифицированного нормативно-правового акта пока не создано. Однако, несмотря на отсутствие специального кодекса, процесс конституционного производства является самым значимым правозащитным органом государства, а потому наиболее насыщенным символами, что определяет «правовую природу всех остальных его функций»³⁸⁶, поэтому конституционное судопроизводство занимает особое место в величественной пирамиде судебной системы, задает необходимые для осуществления правосудия стандарты, позволяющие произвести качественную оценку правоприменительной деятельности;

– ритуализированные процедуры: судебные заседания (две палаты объединены в одну), премия В.А. Туманова³⁸⁷, посвященная 20-летию начала работы Конституционного Суда РФ, Сенатские чтения в Сенатском зале Конституционного Суда РФ, судьи стоят, пока не войдет весь состав суда, садятся одновременно по команде, процесс ведет председательствующий, протоколирование судебного процесса и др. Процедуры уголовного процесса преимущественно императивны;

– атрибутивно-изобразительные символы: знаменитые здания Правительствующего Сената, Особняк Лаваль, Доходный дом Борхов-Поляковых на берегу Невы, построенные в разное время в центре г. Санкт-Петербурга у Медного всадника на участке, ограниченном Английской набережной, Сенатской площадью и Галерной улицей, объединенные в единый комплекс Государственной Думой РФ в 2006 г., знаменуют, что в новом тысячелетии в Петербурге вновь появился символ российской государственности; герб, флаг, мантия, белые мужские сорочки и женские блузы, медальон председателя Конституционного Суда

³⁸⁵ Указ Президента РФ от 23.12.2007 № 1740 «О месте постоянного пребывания Конституционного Суда РФ» ; Указ Президента РФ от 23.12.2007 № 1741 «Вопросы Конституционного Суда Российской Федерации».

³⁸⁶ Кокурин А. С. Правовая природа Конституционного Суда РФ как правозащитного органа // Право: теория и практика. 2003. № 4. С. 4–11.

³⁸⁷ Указ Президента РФ от 13 сентября 2011 г. № 1196 «Об увековечении памяти В.А. Туманова».

РФ и прочие атрибуты одежды, молоток, кресла красного цвета, из них одно выделяется по высоте – кресло председателя, Фемида, витражи с изображением герба;

– знаково-графические символы: обращение к суду «Уважаемый Высокий суд», решения суда, особые мнения судей, нормативно-правовые акты, Конституция РФ, печатный орган³⁸⁸, официальный интернет-сайт, присяга судьи³⁸⁹, принципы конституционных гарантий суда: срок полномочий, несменяемость, неприкосновенность, равенство прав судей и конституционного правосудия: независимость, коллегиальность, гласность, устность разбирательства, язык судопроизводства, непрерывность судебного заседания, состязательность и равноправие сторон; Конституционный Суд РФ имеет печать с изображением Государственного герба Российской Федерации и своим наименованием и др.

По количеству, характеру и значимости представленной символики видно, что именно конституционное судопроизводство, стоящее на страже сохранения российского права, является наиболее выраженным символическим ритуалом совершения правосудия, это демонстрация подчеркнутого величия правосудия.

При этом конституционное правосудие как наиболее значимый правоприменительный ритуал носит скорее не прикладной характер, а служит обеспечительной базой реализации поставленных перед государством задач. Так, с одной стороны, права и свободы человека и гражданина «определяют смысл, содержание применения законов, деятельности органов власти, местного самоуправления и обеспечиваются правосудием»³⁹⁰, с другой стороны, именно правоприменительный ритуал «в лице» конституционного правосудия способствует их реализации.

Поэтому становлению и развитию конституционного правосудия уделяется в современных условиях российской действительности столь серьезное

³⁸⁸ Журнал Конституционного правосудия, Вестник Конституционного Суда.

³⁸⁹ Ст. 10 ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации».

³⁹⁰ Ст. 18 Конституции РФ от 12.12.1993.

внимание. Так, совсем недавно принят ряд решающих поправок³⁹¹, а именно: а) все дела в Конституционном Суде рассматриваются по-прежнему в полном составе судей (19 человек), изменена процедура избрания председателя (вместо тайного голосования, председатель Конституционного Суда назначается Советом Федерации РФ из представленных Президентом кандидатур)³⁹²; б) упразднена двухпалатность, что предполагает устранение участвовавших в последнее время разногласий между палатами по вынесенным решениям; в) все решения Конституционного Суда, независимо от их «названия», будут обязательны к исполнению³⁹³, до сих пор в некоторых судах общей юрисдикции считали, что если Конституционным Судом вынесено «определение», то на него можно просто «закрыть глаза»³⁹⁴; г) упразднена система пленарных заседаний – заседать судьи будут непрерывно; д) с 2011 г. все слушания становятся открытыми³⁹⁵, а также устанавливается возможность рассматривать в Конституционном Суде определенную категорию дел без проведения слушаний³⁹⁶; е) Председатель Конституционного Суда теперь сможет занимать свою должность бессрочно³⁹⁷, введена премия В.А. Туманова³⁹⁸, в 2013 г. повсеместно отмеча-

³⁹¹ ФКЗ «О внесении изменений в ФКЗ “О Конституционном Суде РФ”».

³⁹² Представляется, что это лишает Конституционный Суд самостоятельности.

³⁹³ На практике это будет означать, что обратившимся в Конституционный Суд придется ждать решений дольше, поскольку до произведенных изменений их обращения могли рассматриваться параллельно сразу в трех составах суда: в обеих палатах и на пленуме. Хотя эта проблема решается, по мнению сторонников подобного изменения, тем, что рассматривать новые дела можно начинать, не завершая текущих (ранее новое дело принималось к рассмотрению после завершения предыдущего).

³⁹⁴ Закатнова А. Поправка – не правка // Российская газета. 2010. 8 дек. (федер. вып. № 5356 (277)).

³⁹⁵ До сих пор в некоторых случаях закон предусматривал и закрытые заседания.

³⁹⁶ Именно появление письменной процедуры вместо возможности лично изложить свои аргументы вызвало множество критических замечаний, хотя сторонники такого порядка полагают, что принципиально на положение заявителя новый порядок не повлияет: «Фактически эти поправки в закон легализуют то, что уже сложилось, – это практика определений с позитивным содержанием, когда судьи, не выходя в зал, выносили решения иной раз даже о признании нормы несоответствующей Конституции, либо подтверждали это решение применительно к данному заявителю, либо давали соответствующее истолкование решению применительно к делу данного заявителя». См.: Закатнова А. Поправка – не правка.

³⁹⁷ Ранее срок полномочий Председателя Конституционного Суда заканчивался в 70 лет.

³⁹⁸ Указ Президента РФ от 13 сентября 2011 г. № 1196 «Об увековечении памяти В. А. Туманова».

ется 20-летие принятия Конституции РФ, и упоминание Конституционного Суда в связи с этим не сходит с обложек авторитетных журналов, звучит в ходе проводимых повсеместно мероприятий.

Таким образом, процедурно-процессуальные символы, сочетая использование атрибутивно-изобразительной и знаково-графической символики, оказывают существенное влияние на положительное отношение к правосудию граждан, повышают правовую культуру посредством того, что все эмблемы, нагрудные знаки, флаги эстетически оформлены и иллюстрируют эстетическую культуру правосудия, выступают и средством общения между людьми, объединяют людей, отражая общность интересов их членов, подчеркивая важность их деятельности в жизни общества, помогают узнать их принадлежность к конкретной профессиональной группе и др.

Все перечисленное способствует универсализации правоприменительной деятельности как внутри государства, так и на международном уровне и позволяет сформулировать, что под *процедурно-процессуальными правоприменительными символами* (авт. опред.) понимается *устойчивая и целенаправленная последовательность взаимосвязанных действий по использованию наглядно-изобразительных предметных образов и атрибутов, условных образов и изображений (ритуал правосудия, инаугурация, присяга), их значение раскрывается в обеспечении действенности атрибутивно-изобразительных и знаково-графических правоприменительных символов в динамике, а также качества правовых коммуникаций за счет создания возможности внушения индивиду необходимости совершения определенных действий, создания ориентира должного поведения.*

Учитывая изложенное, представляется возможным *систематизировать правоприменительные символы* в виде таблицы³⁹⁹, отображающей их использование в конкретных судебных процессах-ритуалах.

³⁹⁹ Обозначения: символы, которые характерны для всего правоприменительного процесса в целом (выделено подчеркиванием), символы, которые отражают специфику конкретного судопроизводства (*выделено курсивом*), символы по которым безошибочно можно

Комплекс универсальной правоприменительной символики

	Атрибутивно-изобразительная символика	Знаково-графическая Символика	Процедурно-процессуальная символика	Обязательственность процедур
<p>Гражданский процесс</p> <p>Принципы: осуществление правосудия только судом, равенство всех перед законом и судом, разумный срок судопроизводства, единоличное и коллегиальное рассмотрение дел, независимость суда, язык судопроизводства, гласность судебного разбирательства, состязательность и равноправие сторон, обязательность судебных постановлений</p>	<p><u>Герб, флаг, мантия и прочие атрибуты одежды, молоток, кресло, Фемида, и др., Верховный Суд РФ и суды общей юрисдикции, Высший арбитражный суд и суды арбитражной юрисдикции, мировые и военные суды</u></p>	<p>ГПК РФ, АПК РФ, какое-либо нарушение именуется как <i>нарушение прав и законных интересов; судебный приказ, исковое заявление, судебное решение (постановление, определение), исполнительный лист, тексты законов; ГАС «Правосудие», официальный Интернет-сайт, видеоконференцсвязь, картотека арбитражных дел, календарь судебных заседаний, банк решений, печатные органы судов, обращение к суду «Уважаемый суд»</i></p>	<p><i>Гражданское судопроизводство</i> (приказное, исковое, производство по делам, возникающим из публичных правоотношений, особое производство, производство по делам об оспаривании решений третейских судов); <i>арбитражное судопроизводство</i> (те же, исключения: отсутствует приказное производство и добавляется производство по делам с участием иностранных лиц)</p>	<p><i>Императивность</i> (обязательный претензионный досудебный порядок по делам о защите прав потребителей, а также досудебное урегулирование налоговых споров; наименование сторон «истец», «ответчик», каждое действие судьи сопровождается вынесением процессуального документа, судебный процесс императивен. <i>Диспозитивность</i> (разрешение спора в третейском суде или посредством применения процедуры медиации иные примирительные процедуры (мировое соглашение); в процессе стороны могут действовать как самостоятельно, так и с привлечением представителей; отказываться от иска или изменять его предмет или основание</p>
<p>Уголовный процесс</p> <p>Принципы (аналогичны гражданскому процессу, но имеются и специфические): уважение чести и достоинства личности, неприкосновенность личности, жилища, охрана прав и свобод человека и гражданина, презумпция невиновности, тайна переписки, телефонных и</p>	<p><u>Герб, флаг, мантия и прочие атрибуты одежды, молоток, кресло, Фемида, Суд присяжных, адвокат, понятой, обвинитель, защитник, решетка или стекло, ограждающие подсудимого от участников процесса, конвой, Верховный</u></p>	<p>Название противоправного деяния – <u>преступление, обвинительное заключение, приговор, протокол осмотра места происшествия, тексты законов; ГАС «Правосудие», официальный Интернет-сайт, видеоконференцсвязь, обращение к суду «Ваша</u></p>	<p>УПК РФ <i>процедуры уголовного преследования, оперативно-розыскной деятельности, судебного расследования в рамках уголовного процесса; досудебное и судебное производство, особый порядок судебного разбирательства, производство с участи-</i></p>	<p><i>Императивность (преимущественно)</i>. Так предусмотрено и строго регламентировано досудебное производство, то есть оно осуществляется в строгом соответствии с УПК РФ. Например, в уголовном процессе диспозитив-</p>

установить – какое именно судопроизводство на данный момент осуществляется (**выделено жирным**).

<p>инных сообщений и переговоров, обеспечение права на защиту, свобода оценки доказательств</p>	<p><i>Суд РФ и суды общей юрисдикции, мировые и военные суды</i></p>	<p>честь»</p>	<p><i>ем присяжных заседателей и др.</i></p>	<p>ность привлечения защитника не предусмотрена, напротив, это императивный атрибут, в делах публичного и частного обвинения заявитель не вправе отказаться от заявленных требований. <i>Диспозитивность</i>, например, в части регламентации дел частного обвинения</p>
<p>Административный процесс</p> <p>Принципы: равенства всех перед законом, презумпция невиновности, обеспечение законности, действие законодательства во времени и пространстве</p>	<p><u>Герб, флаг, мантия и прочие атрибуты одежды, молоток, кресло, Фемида.</u> <i>Верховный Суд РФ и суды общей юрисдикции</i></p>	<p><i>АПК отсутствует; название правонарушения – административное правонарушение, по делу выносится определение, постановления и решения</i></p>	<p><i>Процедуры обеспечения административного производства, например, задержание – арест, привод; возбуждения, рассмотрения дела об административном правонарушении, правовой помощи и пересмотра по делам об административном правонарушении, исполнения постановлений и административных наказаний</i></p>	<p><i>Императивность (преимущественно). Диспозитивность.</i> По степени императивности символики, административный процесс наиболее приближен к уголовному</p>
<p><i>Конституционный процесс:</i> принципы конституционных гарантий суда: срок полномочий, несменяемость, неприкосновенность, равенство прав судей и конституционного правосудия: независимость, коллегиальность, гласность, устность разбирательства, язык судопроизводства, непрерывность судебного заседания, состязательность и равноправие сторон</p>	<p>Здания Правительствующего Сената, Особняк Лаваль, Доходный дом Борхов-Поляковых на берегу Невы, объединенные в единый комплекс Государственной Думы РФ в 2006 г.; герб, флаг, мантия, белые мужские сорочки и женские блузы, медальон председателя Конституционного суда РФ и прочие</p>	<p>Обращение к суду «Уважаемый Высокый суд», решения суда, особые мнения судей, <u>нормативно-правовые акты, Конституция РФ, печатный орган, официальный Интернет-сайт, присяга судьи, Конституционный Суд РФ имеет печать с изображением Государственного герба Российской Федерации и своим наименованием и др.</u></p>	<p>Судебные заседания при участии 19 судей (или не менее 2/3 состава), премия В.А. Туманова, посвященная 20-летию начала работы Конституционного Суда РФ, Сенатские чтения в Сенатском зале Конституционного Суда РФ, судьи стоят, пока не войдет весь состав суда, садятся одновременно по команде, процесс ведет председательствующий, протоколи-</p>	<p>Процедуры конституционного процесса преимущественно императивны</p>

	<u>атрибуты одежды,</u> <u>молоток, кресла</u> <u>красного цвета, из</u> <u>них одно выделя-</u> <u>ется по высоте –</u> <u>кресло председа-</u> <u>теля, Фемида, вит-</u> <u>ражи с изображе-</u> <u>нием герба</u>		<u>рование судебного</u> <u>процесса, и др.</u>	
--	--	--	--	--

Представленное наглядно демонстрирует – наиболее насыщены символами уголовный и конституционный правоприменительные процессы, а все виды судопроизводств объединены универсальными процедурами информатизации.

Следовательно, правоприменительная символика – универсальна, понятна и доступна на всех языках мира, что способствует правоприменительной интеграции государств, повышению значимости правосудия в международном аспекте.

Таким образом, анализ правоприменительных символов подтверждает назначение правовых символов – служить средством правовой коммуникации и формализации правовой информации, экономии правового воздействия.

Заключение

Достижение поставленных в рамках настоящего исследования задач позволило сделать следующие выводы.

Исследуемая проблематика правоприменительной техники и ее средств многоаспектна. Ее анализ целесообразно проводить в рамках исследований как юридической, так и правоприменительной деятельности, с выявлением их технологических особенностей (статичность и динамичность) соответственно. Указанное предопределяет характерные признаки юридической и правоприменительной техники, отражающие динамичность юридической деятельности и правоприменения.

Назначение правоприменительной техники наиболее ярко проявляется в судебной деятельности на примере анализа символов правоприменения, что ложится в основу следующего.

Правоприменительная деятельность, как и любая деятельность вообще, имеет технический аспект. Правоприменение в технико-юридической объективации статично и динамично. Назначение правоприменительной техники наиболее ярко проявляется в судебной деятельности, эффективность которой достигается посредством ряда специфических инструментов правоприменительной техники, среди которых наибольшее значение имеют правовые символы. Учитывая, что право – это совокупность однородных символов, принято считать, что правовые символы – второстепенны, а их основное предназначение – выступать внешней формой «правовых регуляторов», выражать внешнюю, материальную сторону правовых идей. Вместе с тем исследование правовых символов в качестве средства правоприменительной техники, обеспечивающего эффективность правоприменения, позволяет, ни в коей мере не умаляя их искомым качеств и предназначения, служить основным средством коммуникации в процессе регулирования общественных отношений, выявить их значение для

правоприменительной деятельности в целом, где правовые символы приобретают непосредственное юридическое значение, преимущественно для судебного правоприменения, обеспечивающего сущность и значение правореализации. Именно символы, используемые в правоприменительной судебной деятельности, преимущественно, обеспечивают правосудие. Правовое регулирование с применением правовых символов осуществляется на информационно-коммуникационном уровне: информация доводится субъектам правоприменения (непосредственному адресату) посредством атрибутивно-изобразительных, знаково-графических, процедурно-процессуальных символов, которые допустимо именовать правоприменительными. Так, правоприменительные символы обеспечивают правовую коммуникацию – процесс осуществления определенными субъектами действий, ориентированных на восприятие правовой информации. Нагруженность правовым смыслом несет в себе и правоприменительный (судебный) ритуал, в рамках которого образуется коммуникация.

Отсюда можно заключить, что помимо собственно правовых (регулятивной, охранительной, легитимационной) и общесоциальных функций (информационно-коммуникативной, интегративной), правоприменительная символика выполняет функции интеграции, унификации, универсализации общественных отношений в процессе правоприменения, что на фоне повсеместно проводимой модернизации, как в российском, так и зарубежном пространстве, является актуальным. Освоенные в рамках национального права символы понятны, доступны и в условиях международной правовой реальности. Это способствует повышению значимости правосудия в рамках правоприменительной интеграции государств, ведь сегодня полномочия специалистов юриспруденции выходят далеко за пределы национального права. Поэтому *основное назначение правовых символов как средств правоприменительной техники* заключается в следующем – это средства выражения внешней, материальной стороны правовых идей, экономии непосредственного правового воздействия (доведения глубокого смыслового и нормативного содержания до адресата в кратчайшие сроки в доступной для восприятия форме). Таким образом, анализ правоприменитель-

ных символов подтверждает назначение правовых символов – служить средством правовой коммуникации и формализации правовой информации.

Разработка заявленной проблематики позволяет раскрыть сущность и значение правовых символов как средств правоприменительной техники, выявить их функции, обозначить тенденции развития правоприменительной деятельности в условиях повсеместной информатизации, что способствует повышению качества не только правоприменительной практики в Российской Федерации, но и совершенствованию федерального, регионального, муниципального законодательства.

Список использованной литературы

Нормативно-правовые и судебные акты

1. Конституция Российской Федерации от 12.12.1993 // Собрание законодательства РФ. – 2009. – № 4. – Ст. 445.
2. Федеральный конституционный закон от 07.02.2011 № 1-ФКЗ «О судах общей юрисдикции в Российской Федерации» // Российская газета. – 2011. – 11 февр. (№ 29).
3. Федеральный конституционный закон от 25.12.2000 № 1-ФКЗ «О государственном флаге РФ» // Российская газета. – 2000. – 27 дек. (№ 245–246).
4. Федеральный конституционный закон от 25.12.2000 № 2-ФКЗ «О Государственном гербе РФ» // Российская газета. – 2000. – 27 дек. (№ 224).
5. Федеральный конституционный закон от 23.06.1999 № 1-ФКЗ «О военных судах Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 1999. – № 26. – Ст. 3170.
6. Федеральный конституционный закон от 31.12.1996 № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» // Российская газета. – 1997. – 6 янв. (№ 3).
7. Федеральный конституционный закон от 28.04.1995 № 1-ФКЗ «Об арбитражных судах в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 1995. – № 18. – Ст. 1589.
8. Федеральный конституционный закон от 24.07.1994 № 1-ФКЗ «О Конституционном суде Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 1994. – № 13. – Ст. 1447.
9. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации (АПК РФ) от 24.07.2002 № 95-ФЗ // Парламентская газета. – 2002. – 27 июля (№ 140–141).
10. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации (ГПК РФ) от 14.11.2002 № 138-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 46. – Ст. 4532.
11. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (УПК РФ) от 18.12.2001 № 174-ФЗ // Российская газета. – 2001. – 22 дек. (№ 249).
12. Кодекс об административных правонарушениях Российской Федерации (КоАП РФ) от 30.12.2001 № 195-ФЗ // Российская газета. – 2001. – 31 дек. (№ 256).
13. Федеральный закон от 24.07.2002 № 102-ФЗ (ред. от 21.11.2011) «О третейских судах в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 30. – Ст. 301
14. Федеральный закон Российской Федерации от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции» // Российская газета. – 2011. – 8 февр. (№ 25).

15. Федеральный закон Российской Федерации от 06.04.2011 № 63-ФЗ «Об электронной подписи» // Парламентская газета. – 2011. – 14 апр. (№ 17).
16. Федеральный закон Российской Федерации от 28.12.2010 № 403-ФЗ «О следственном комитете Российской Федерации» // Российская газета. – 2010. – 30 дек. (№ 296).
17. Федеральный закон Российской Федерации от 27.07.2010 № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» // Российская газета. – 2010. – 30 июля (№ 5247).
18. Федеральный закон Российской Федерации от 22.12.2008 № 262-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации» // Российская газета. – 2008. – 26 дек. (№ 4822).
19. Федеральный закон Российской Федерации от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // Парламентская газета. – 2006. – 12 июля (№ 169).
20. Федеральный закон Российской Федерации от 20.08.2004 № 113-ФЗ «О присяжных заседателях федеральных судов общей юрисдикции в РФ» // Собрание законодательства РФ. – 2004. – № 34. – Ст. 3528.
21. Федеральный закон Российской Федерации от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ» // Российская газета. – 2002. – 5 июня (№ 100).
22. Федеральный закон Российской Федерации от 21.07.1997 № 118-ФЗ «О судебных приставах» // Собрание законодательства РФ. – 1997. – № 30. – Ст. 3590.
23. Федеральный закон Российской Федерации от 14.06.1994 № 5-ФЗ «О порядке опубликования и вступления в силу федеральных конституционных законов, федеральных законов, актов палат Федерального Собрания» // Российская газета. – 2011. – 24 окт. (№ 5614).
24. Федеральный закон Российской Федерации от 14.04.1993 № 82-ФЗ «Об общественных объединениях» // Российская газета. – 1995. – 25 мая (№ 100).
25. Федеральный закон Российской Федерации от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» // Российская газета. – 1995. – 25 нояб. (№ 229).
26. Федеральный закон от 7 мая 2007 г. № 68-ФЗ «О Знамени Победы» // Собрание законодательства РФ. – 2007. – № 20. – Ст. 2369.
27. Закон РФ от 26.06.1992 № 3132-1 (ред. от 25.11.2013) «О статусе судей в Российской Федерации» // Российская газета. – 1992. – 29 июля.
28. Указ Президента РФ от 13.09.2011 № 1196 «Об увековечении памяти В.А. Туманова» // Собрание законодательства РФ. – 2011. – № 38. – Ст. 5374.
29. Указ Президента РФ от 23.12.2007 № 1740 «О месте постоянного пребывания Конституционного Суда Российской Федерации» // Российская газета. – 2007. – 27 дек. (№ 291).

30. Указ Президента РФ от 23.12.2007 № 1741 «Вопросы Конституционного Суда Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2007. – № 53. – Ст. 6548.

31. Указ Президента РФ от 29.06.1999 г. № 856 «О Геральдическом совете при Президенте РФ» // Бюллетень геральдического совета при Президенте РФ. – 1999. – Вып. 1.

32. Указ Президента РФ от 21.03.1996 № 403 «О Государственном геральдическом регистре РФ» // Бюллетень геральдического совета при Президенте РФ. – 1996. – Вып. 1.

33. Указ Президента РФ от 23.05.1996 № 763 «О порядке опубликования и вступления в силу актов Президента РФ, Правительства РФ и нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти» // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 22. – Ст. 2663.

34. Постановление Правительства РФ от 21.09.2006 № 583 г. Москва «О Федеральной целевой программе “Развитие судебной системы России” на 2007–2011 годы» // Российская газета. – 2006. – 01 нояб. (№ 4211).

35. Постановление Правительства РФ от 27.12.1995 № 1268 «Об упорядочении изготовления, использования, хранения и уничтожения печатей и бланков с воспроизведением Государственного герба» // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 2. – Ст. 123.

36. Постановление Правительства РФ от 23.10.1993 № 1090 «О правилах дорожного движения» // Российские вести. – 1993. – 23 нояб. (№ 227).

37. Распоряжение Правительства РФ от 20.09.2012 № 1735-р «Об утверждении федеральной целевой программы “Развитие судебной системы России на 2013–2020 гг.”» // Российская газета – Бизнес. – 2012. – 2 окт. (№ 866).

38. Распоряжение Правительства РФ от 08.12.2011 № 2227-р «Об утверждении стратегии инновационного развития страны на период до 2020 г. под названием “Инновационная Россия-2020”» // Российская газета. – 2012. – 3 янв.

39. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 17 ноября 2008 г. № 1662-р «Об утверждении Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 г.» // Собрание законодательства РФ. – 2008. – № 47. – Ст. 5489.

40. Приказ Министерства юстиции РФ и Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ от 10 января 2001 г. № 3/51 «Об утверждении Методических правил по организации законопроектной работы Федеральных органов исполнительной власти» // Бюллетень Минюста РФ. – 2001. – № 2.

41. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 8 мая 1945 г. «Об объявлении 9 мая Праздником Победы» // Сборник законов СССР и указов Президиума ВС СССР, 1945–1946 гг. – М., 1947.

42. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19 июня 2012 г. № 13 «О применении судами норм гражданского процессуального законода-

тельства, регламентирующих производство в судах апелляционной инстанции» // Российская газета. – 2012. – 29 июня (№ 5820).

43. Постановление Пленума Высшего арбитражного суда РФ от 08.10.2012 № 61 «Об обеспечении гласности в арбитражном процессе» // Вестник ВАС РФ. – 2012. – Декабрь (№ 12).

44. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 31 мая 2007 г. № 27 «О практике рассмотрения судами дел об оспаривании решений квалификационных коллегий судей о привлечении судей судов общей юрисдикции к дисциплинарной ответственности» // Российская газета. – 2007. – 8 июня (№ 4385).

45. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 20.01.2003 № 2 «О некоторых вопросах, возникших в связи с принятием и введением в действие Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации» // Российская газета. – 2003. – 25 янв. (№ 15).

46. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2003 № 23 «О судебном решении» // Российская юстиция. – 1996. – № 3.

47. Постановление Президиума Верховного Совета РФ «Об описании и образце мантии для судей Конституционного Суда РФ» от 18 мая 1992 г. № 2784-1 // Ведомости Верховного Совета РФ. – 1992. – № 24. – Ст. 1311.

48. Резолюция 1276 (1995) Парламентской Ассамблеи Рады Европы «Про силу визуальных образов» // Бюллетень бюро информации Рады Европы в Украине. – 2003. – № 10.

49. Конституционный Закон Республики Казахстан от 24.01.1996 № 2797 «О Государственных символах Республики Казахстан» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pavlodar.com/zakon/?dok=00076&ogl=all>. – Загл. с экрана.

50. Всеобщая декларация прав человека, принятая резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10.12.1948.

51. Федеральный закон от 10.01.2002 № 1-ФЗ (ред. от 08.11.2007) «Об электронной цифровой подписи». – Утратил силу с 1 июля 2012 г.

52. Указ Президента РФ от 15.04.1996 № 561 (ред. от 24.05.2003) «О Знамени Победы». – Утратил силу в связи с изданием Указа Президента от 16.06.2007. – № 770.

53. Распоряжение Президента РФ от 07.12.2004 № 572-рп «Об утверждении Программы мероприятий по популяризации государственных символов России до 2010 года. – Утратил силу в связи с Указом Президента от 24.01.2012. – № 104.

54. Приказ Государственного таможенного комитета Российской Федерации от 14.12.2000 № 1155 «Об утверждении положения о нормативных правовых актах ГТК России». – Утратил силу.

Литература

55. Абросимова, Е. Б. Судебная власть в Российской Федерации: система и принципы [Текст] / Е. Б. Абросимова. – М. : Ин-т права и публичной политики, 2002. – 160 с.
56. Аверинцев, С. С. София-Логос. Словарь [Текст] / С. С. Аверинцев. – 2-е изд., испр. – Киев : Дух і Літера, 2001. – 912 с. – С. 155–161.
57. Адвокат. Навыки профессионального мастерства [Текст] / под ред. Л. А. Воскобитовой, И. Н. Лукьяновой, Л. П. Михайловой. – М. : Волтерс Клувер, 2006. – 592 с.
58. Алексеев, С. С. Механизм правового регулирования в социалистическом обществе [Текст] / С. С. Алексеев. – М. : Юрид. лит., 1966. – 224 с.
59. Алексеев, С. С. Общая теория права. Курс в 2 т. Т. 2 [Текст] / С. С. Алексеев. – М. : Юрид. лит., 1982. – 360 с.
60. Аннерс, Э. История европейского права [Текст] / Э. Аннерс. – М. : Наука, 1994. – 398 с.
61. Бабаев, В. К. Общая теория права. Краткая энциклопедия [Текст] / В. К. Бабаев, В. М. Баранов. – Н. Новгород : Изд-во Нижегород. акад. МВД России, 1997. – 183 с.
62. Бабаев, В. К. Теория права и государства в схемах и определениях [Текст] : учеб. пособие / В. К. Бабаев, В. М. Баранов, В. А. Толстик. – М. : Юрист, 1998. – 256 с.
63. Баранов, В. М. Инициативная программа спецкурса «Юридическая техника» [Текст] / В. М. Баранов, М. Ю. Варьяс, Е. Н. Салыгин // Проблемы юридической техники : сб. ст. / под ред. д-ра юрид. наук, проф. В. М. Баранова. – Н. Новгород : Изд-во Нижегород. акад. МВД России, 2000. – С. 737–750.
64. Белый, А. Рудольф Штейнер и Гете в мировоззрении современности. Воспоминания о Штейнере [Текст] / А. Белый / общ. ред. В. М. Пискунова ; сост., коммент. и послесл. И. Н. Лагутиной. – М. : Республика, 2000. – 719 с.
65. Белый, А. Символизм как миропонимание [Текст] / А. Белый. – М. : Республика, 1994. – 528 с.
66. Бидерманн, Г. Энциклопедия символов [Текст] : пер с нем. / Г. Бидерманн ; общ. ред. и предисл. И. С. Свенцицкой. – М. : Республика, 1996. – 335 с.
67. Благов, Е. В. Применение уголовного права [Текст] / Е. В. Благов. – СПб. : Юрид. центр «Пресс», 2004. – 505 с.
68. Бойко, Л. М. Совершенствование законодательной техники в условиях ускорения социально-экономического развития советского общества [Текст] / Л. М. Бойко. – Ташкент : Изд-во «Фан» УзССР, 1988. – 93 с.
69. Большой энциклопедический словарь [Текст] / гл. ред. А. М. Прохоров. – 2-е изд., перераб., доп. – М. : Большая Российская энциклопедия, 1997. – 1434 с.
70. Брауде, Н. Л. Очерки законодательной техники [Текст] / Н. Л. Брауде. – М. : Мысль, 1958. – 125 с.

71. Венгеров, А. Б. Теория государства и права [Текст] : учеб. для юрид. вузов / А. Б. Венгеров. – М. : Омега-Л, 2008. – 607 с.
72. Вершинин, А. П. Электронный документ: правовая форма и доказательство в суде [Текст] / А. П. Вершинин. – М. : Городец, 2000. – 247 с.
73. Викут, М. А. Гражданский процесс России [Текст] : учебник / М. А. Викут, И. М. Зайцев. – М. : Юристъ, 1999. – 384 с.
74. Виноградов, С. Н. Логика [Текст] : учеб. для средней школы / С. Н. Виноградов ; под ред. А. А. Чудова. – М. : Гос. изд-во полит. лит., 1947. – 112 с.
75. Власенко, Н. А. Язык права [Текст] : монография / Н. А. Власенко. – Иркутск : Норма-Плюс, 1997. – 176 с.
76. Волошинов, В. Н. Марксизм и философия языка [Текст] / В. Н. Волошинов. – Л. : Прибой, 1929. – 188 с.
77. Вопленко, Н. Н. Очерки общей теории права [Текст] : монография / Н. Н. Вопленко. – Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2009. – 898 с.
78. Вопленко, Н. Н. Правоприменительная практика: понятие, основные черты и функции [Текст] : монография / Н. Н. Вопленко, А. П. Рожнов. – Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2004. – 205 с.
79. Вопленко, Н. Н. Реализация права [Текст] : учеб. пособие / Н. Н. Вопленко. – Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2001. – 48 с.
80. Вопленко, Н. Н. Толкование права [Текст] : монография / Н. Н. Вопленко. – Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2007. – 126 с.
81. Гаджиев, К. С. Символы и атрибуты власти: генезис, семантика, функции [Текст] / К. С. Гаджиев. – СПб. : МАЭ РАН, 1996. – 319 с.
82. Гегель, Г. Философия права [Текст] / Г. Гегель ; пер. с нем. Б. Г. Столпнера ; вступ. ст. В. С. Соловьева ; примеч. В. С. Нерсеснца. – М. : Мир книги : Литература, 2007. – 464 с.
83. Гегель, Г. В. Энциклопедия философских наук [Текст] : в 3-х т./ Г. В. Гегель. – Т. 1 : Наука логики. – М. : Наука, 1974. – 486 с.
84. Гёте, И. В. Избранные философские произведения [Текст] / И. В. Гёте. – М. : Наука, 1964. – 520 с.
85. Гражданский процесс [Текст] : учебник / под ред. М. К. Треушникова. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Городец, 2007. – 784 с.
86. Гражданский процесс [Текст] : учебник / под ред. В. А. Мусина, Н. А. Чечиной, Д. М. Чечота. – Изд. третье, перераб. и доп. – М. : Пбюл Гриженко, 2001. – 544 с.
87. Гражданское процессуальное право России [Текст] : учеб. для вузов / под ред. М. С. Шакарян. – М. : Былина, 2002. – 504 с.
88. Гурвич, М. А. Рецензия на книгу Пучинского В. К. «Подготовка гражданских дел к судебному разбирательству» [Текст] / М. А. Гурвич // Правоведение. – 1964. – № 3. – С. 131–135.
89. Давид, Р. Основные правовые системы современности [Текст] / Р. Давид, К. Жоффре-Спинози ; пер. с фр. В. А. Туманова. – М. : Междунар. отношения, 1999. – 400 с.

90. Давыдова, М. Л. Юридическая техника: проблемы теории и методологии [Текст] : монография / М. Л. Давыдова. – Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2009. – 320 с.
91. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. [Текст] / В. И. Даль. – М. : Русский язык-Медиа, 2005. – 2716 с.
92. Доржиев, Ж. Б. Теория государства и права [Текст] : учеб.-метод. пособие для студентов / Ж. Б. Доржиев. – Улан-Удэ : Изд-во ВСГТУ, 2005. – 173 с.
93. Ермилова, Е. В. Теория и образный мир русского символизма [Текст] / Е. В. Ермилова. – М. : Наука, 1989. – 174 с.
94. Завадская, Л. Н. Механизм реализации права [Текст] / Л. Н. Завадская. – М. : БЕК, 1992. – 447 с.
95. Законодательная техника [Текст] : науч.-практ. пособие / под ред. Ю. А. Тихомирова. – М. : Городец, 2000. – 272 с.
96. Знаки и символы [Текст] / под ред. С. Н. Зигуненко. – М. : АСТ : Астрель : Транзиткнига, 2004. – 464 с.
97. Иеринг, Р. Юридическая техника [Текст] / Р. Иеринг. – М. : Статут, 2008. – 231 с.
98. Кабуш, В. Т. Пионерские символы, ритуалы в воспитании подростков [Текст] / В. Т. Кабуш. – Минск : Нар. асвета, 1979. – 143 с.
99. Калмыков, Ю. Х. Вопросы применения гражданско-правовых норм [Текст] / Ю. Х. Калмыков. – Саратов : Изд-во Саратов. гос. ун-та, 1976. – 268 с.
100. Кант, И. Критика чистого разума [Текст] / И. Кант // Сочинения в 8 т. – М. : Чоро, 1994. – Т. 3. – 741 с.
101. Кармадонов, О. А. Социология символа [Текст] / О. А. Кармадонов. – М. : Academia, 2004. – 352 с.
102. Кассирер, Э. Сущность и действие символического понятия. Избранное: Индивид и космос [Текст] / Э. Кассирер. – М. ; СПб. : Университетская книга, 2000. – 654 с.
103. Кашанина, Т. В. Юридическая техника [Текст] : учебник / Т. В. Кашанина. – М. : Эксмо, 2008. – 510 с.
104. Кашанина, Т. В. Юридическая техника в сфере частного права : (Корпоративное и договорное нормотворчество) [Текст] : учеб. пособие / Т. В. Кашанина. – М. : Норма, 2009. – 288 с.
105. Керимов, Д. А. Законодательная техника [Текст] : науч.-метод. и учеб. пособие / Д. А. Керимов. – М. : Норма, 2000. – 127 с.
106. Кириллов, В. И. Логика [Текст] : учеб. для юрид. вузов / В. И. Кириллов, А. А. Старченко. – М. : Юристъ, 2001. – 256 с.
107. Клишас, А. А. Конституционный контроль и конституционное правосудие зарубежных стран. Сравнительно-правовое исследование [Текст] / А. А. Клишас ; под ред. проф. В. В. Еремяна. – М. : Междунар. отношения, 2007. – 496 с.
108. Колмыков, П. Д. Символизм права вообще и русского в особенности [Текст] / П. Д. Колмыков. – СПб., 1839. – 93 с.

109. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации [Текст] / Ю. В. Грачева [и др.]: отв. ред. А. И. Рарог. – 9-е изд. – М. : Проспект, 2013. – 888 с.
110. Конституционное правосудие. Судебное конституционное право и процесс [Текст] : учеб. пособие / Н. В. Витрук. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Юрист, 2005. – 527 с.
111. Конституционный судебный процесс [Текст] : учеб. для вузов / отв. ред. М. С. Саликов. – М. : Норма, 2003. – 416 с.
112. Косов, Р. В. Актуальные проблемы теории государства и права [Текст] / Р. В. Косов. – Тамбов : Изд-во Тамбов. гос. техн. ун-та, 2008. – 80 с.
113. Краснокутский, В. А. Русский торговый процесс [Текст] / В. А. Краснокутский. – М.: Изд. кн. магазина «Студ. изд-во», 1915. - 97 с.
114. Кристева, Ю. Избранные труды : Разрушение поэтики [Текст] : пер. с фр. / Ю. Кристева. – М. : РОССПЭН, 2004. – 656 с.
115. Кругликов, Л. Л. Юридические конструкции и символы в уголовном праве [Текст] / Л. Л. Кругликов, О. Е. Спиридонова. – СПб. : Юрид. центр «Пресс», 2005. – 344 с.
116. Кряжков, В. А. Конституционная юстиция в РФ [Текст] : учеб. пособие для студентов юрид. вузов и фак. / В. А. Кряжков, В. Л. Лазарев. – М. : БЕК, 1998. – 462 с.
117. Культурные аспекты и правоприменительная практика в области прав человека в Европе [Текст] : препринт WP18/2012/02 / Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М. : Изд. Дом Высшей школы экономики, 2012. – 40 с.
118. Ле Гофф, Ж. Другое Средневековье : Время, труд и культура Запада [Текст] / Ж. Ле Гофф ; пер. с фр. В. А. Бабинцева. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2002. – 328 с.
119. Лейбин, В. М. Архетип [Текст] / В. М. Лейбин // Современная западная философия : словарь. – М. : Политиздат, 1991. – 414 с.
120. Лосев, А. Ф. Знак. Символ. Миф [Текст] / А. Ф. Лосев // Труды по языкознанию. – М. : Изд-во МГУ, 1982. – 479 с.
121. Лосев, А. Ф. Проблема символа и реалистическое искусство [Текст] / А. Ф. Лосев. – 2-е изд., испр. – М. : Искусство, 1995. – 320 с.
122. Лосев, А. Ф. Очерки античного символизма и мифологии [Текст] / А. Ф. Лосев. – М. : Мысль, 1993. – 962 с.
123. Лосев, А. Ф. Философия имени [Текст] / А. Ф. Лосев. – М. : Изд-во МГУ, 1990. – 270 с.
124. Лопатин, В. В. Прописная или строчная? [Текст] / В. В. Лопатин, И. В. Нечаева, Л. К. Чельцова. – М. : ЭКСМО, 2007. – 512 с. – (Библиотека словарей РАН).
125. Маликов, М. К. Проблемы реализации права [Текст] / М. К. Маликов. – Иркутск : Изд-во Иркут. ун-та, 1988. – 196 с.
126. Малышев, К. Курс гражданского судопроизводства [Текст] / К. Малышев. – 2-е изд., испр. и доп. - СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1876. – Т. 1. – 454 с.

127. Мамардашвили, М. К. Символ и сознание: Метафизические рассуждения о сознании, символическом и языке [Текст] / М. К. Мамардашвили, А. М. Пятигорский ; под общ. ред. Ю. П. Сенокосова. – М. : Языки русской культуры, 1997. – 224 с.
128. Мантатов, В. В. Образ, знак, условность [Текст] / В. В. Мантатов. – М. : Высш. шк., 1980. – 160 с.
129. Мельниченко, Р. Г. Адвокатская деятельность. Универсальные правила успеха [Текст] / Р. Г. Мельниченко. – 2-е изд. – М. : Дашков и К, 2012. – 215 с.
130. Минникес, И. А. Индивидуальное правовое регулирование: проблемы теории и практики [Текст] : монография / И. А. Минникес. – 2-е изд. – Иркутск : Ин-т законодательства и правовой информации, 2008. – 160 с.
131. Нашиц, А. Правотворчество [Текст] / А. Нашиц. – М. : Прогресс, 1974. – 256 с.
132. Недбайло, П. Е. Применение советских правовых норм [Текст] / П. Е. Недбайло. – М. : Госюриздат, 1960. – 511 с.
133. Некрасов, С. И. Философия науки и техники [Текст] : тематический словарь-справочник / С. И. Некрасов, Н. А. Некрасова. – Орел : Изд-во ОГУ, 2010. – 289 с.
134. Нерсисянц, В. С. Общая теория права и государства [Текст] : учеб. для юрид. вузов и фак. / В. С. Нерсисянц. – М. : НОРМА : ИНФРА-М, 1999. – 552 с.
135. Новейший философский словарь [Текст] / сост. А. А. Грицанов. – Минск : Изд. В. М. Скакун, 1998. – 896 с.
136. Новый энциклопедический словарь [Текст]. – М. : Рипол Классик, 2005. – 1456 с.
137. Общая и прикладная политология [Текст] : учеб. пособие / под общ. ред. В. И. Жукова, Б. И. Краснова. – М. : МГСУ : Союз, 1997. – 992 с.
138. Ожегов, С. И. Словарь русского языка. Ок. 57000 слов [Текст] / С. И. Ожегов ; под ред. Н. Ю. Шведовой. – 19-е изд., испр. – М. : Рус. яз., 1987. – 750 с.
139. Осипов, Ю. К. Подведомственность юридических дел [Текст] / Ю. К. Осипов. – Свердловск : Юрист, 1973. – 124 с.
140. Основы политической науки [Текст] / под ред. В. П. Пугачева. – В 2-х ч. - Ч. II. – М. : Изд-во МГУ, 1993. – 224 с.
141. Петруня, О. Э. Юридическая психология [Текст] : учеб. пособие / О. Э. Петруня. – М. : Изд. центр ЕАОИ, 2007. – 171 с.
142. Пигалев, А. И. Культурология [Текст] / А. И. Пигалев. – Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2002. – 420 с.
143. Политико-правовые ценности: история и современность [Текст] / под ред. В. С. Нерсисянца. – М. : Эдиториал УРСС, 2000. – 254 с.
144. Политология : словарь-справочник [Текст] / М. А. Василик, М. С. Вершинин [и др.]. – М. : Гардарики, 2001. – 328 с.
145. Правоприменение: теория и практика [Текст] / отв. ред. Ю. А. Тихомиров. – М. : Формула права, 2008. – 432 с.

146. Правоприменение в советском государстве [Текст] / под ред. А. С. Пиголкина. – М. : Юрид. лит., 1985. – 304 с.
147. Проблемы юридической техники [Текст] : сб. ст. / под ред. В. М. Баранова. – Н. Новгород, 2000. – 823 с.
148. Пугинский, Б. И. Теория и практика договорного регулирования [Текст] / Б. И. Пугинский. – М. : ИКД «Зерцало-М», 2008. – 213 с.
149. Радугин, А. А. Культурология [Текст] / А. А. Радугин. – М. : Центр, 2001. – 304 с.
150. Рассахатская, Н. А. Гражданская процессуальная форма [Текст] : учеб. пособие / Н. А. Рассахатская. – Саратов : Изд-во СГАП, 1998. – 88 с.
151. Решетов, Ю. С. Реализация норм советского права: системный анализ [Текст] / Ю. С. Решетов. – Казань : Изд-во Казан. ун-та, 1989. – 168 с.
152. Речицкий, В. Символическая реальность и право [Текст] / В. Речицкий. – Львов : ВНТЛ-Классика, 2007. – 730 с.
153. Рубцов, Н. Н. Символ в искусстве жизни: философские размышления [Текст] / Н. Н. Рубцов. – М. : Наука, 1991. – 176 с.
154. Румянцев, О. Г. Основы конституционного строя России: понятие, содержание, вопросы становления [Текст] / О. Г. Румянцев. – М. : Юрист, 1994. – 288 с.
155. Салмин, Н. Знак и символ в обучении [Текст] / Н. Салмин. – М. : Изд-во МГУ, 1988. – 288 с.
156. Сапун, В. А. Теория правовых средств в механизме реализации права [Текст] : монография / В. А. Сапун. – СПб. : Изд-во СПбГУП, 2002. – 156 с.
157. Свасьян, К. А. Проблема символа в современной философии [Текст] / К. А. Свасьян. – Ереван : АН Арм. ССР, 1980. – 226 с.
158. Символы, знаки, эмблемы. Практическая энциклопедия [Текст] / сост. В. М. Рошаль. – М. : Эксмо, 2005. – 576 с.
159. Символы правосудия: от античности до современности [Текст] / под ред. Ю. В. Глазова. Ассоц. юрист. Рос., Белгород. рег. отд. – Белгород : [б. и.], 2012. – 140 с.
160. Скакун, О. Ф. Юридическая деонтология [Текст] : [учебник] / О. Ф. Скакун, Н. И. Овчаренко. – Киев : Основа, 1999. – 280 с.
161. Словарь символов и знаков: сюжеты и явления в символах [Текст] / авт.-сост. Н. Н. Рогалевич. – Минск : Харвест, 2004. – 510 с.
162. Словарь русского языка [Текст] / сост. С. И. Ожегов ; под общ. ред. С. П. Обнорского. – Изд. 3-е. – М. : Гос. изд-во. иностр. и нац. словарей, 1953. – 848 с.
163. Соболева, Н. А. Символы России. Очерки истории государственной символики России [Текст] / Н. А. Соболева, В. А. Артамонов. – М. : Панорама, 1993. – 208 с.
164. Советский гражданский процесс [Текст] : учебник / под ред. М. А. Гурвича. – М. : Высш. шк., 1967. – 436 с.
165. Советский энциклопедический словарь [Текст] / гл. ред. А. М. Прохоров. – 4-е изд. – М. : Сов. энцикл., 1989. – 1632 с.

166. Сычева, С. Г. Проблема символа в философии [Текст] / С. Г. Сычева. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 2000. – 197 с.
167. Тен, Ю. П. Символы России и зарубежных государств [Текст] / Ю. П. Тен. – Изд. 2-е, стереотип. – Ростов н/Д : Феникс, 2009. – 332 с.
168. Теория государства и права [Текст] : учеб. для вузов / под ред. М. М. Рассолова, В. О. Лучина, Б. С. Эбзеева. – М. : ЮНИТИ-ДАНА : Закон и право, 2000. – 693 с.
169. Тихомиров, Ю. А. Правовое регулирование: теория и практика [Текст] / Ю. А. Тихомиров. – М. : Формула права, 2010. – 400 с.
170. Трессиддер, Дж. Словарь символов [Текст] / Дж. Трессиддер ; пер. С. Палько. – М. : ФАИР-ПРЕСС, 1999. – 437 с.
171. Успенский, Л. Очерки по юридической технике [Текст] / Л. Успенский. – Ташкент : Средазкнига, 1927. – 219 с.
172. Фаткуллин, Ф. Н. Проблемы теории государства и права [Текст] / Ф. Н. Фаткуллин, Ф. Ф. Фаткуллин. – Казань : КЮИ МВД России, 2003. – 351 с.
173. Федоров, А. В. 70 лет ГАИ в знаках и жетонах [Текст] / А. В. Федоров. – М. : АДРИС, 2006. – 414 с.
174. Флоренский, П. А. Точка [Текст] / П. А. Флоренский // Памятники культуры. Новые открытия. 1982. – М., 1984. – 114 с.
175. Хайдеггер, М. Вопрос о технике [Текст] / М. Хайдеггер // Время и бытие: статьи и выступления / сост., пер. с нем. и коммент. В. В. Бибихина. – М. : Республика, 1993. – 447 с.
176. Цветаева, М. И. Сочинения. В 2 т. Т. 2 [Текст] / М. И. Цветаева. – М. : Худож. лит., 1988. – 363 с.
177. Черданцев, А. Ф. Толкование права и договора [Текст] : учеб. пособие / А. Ф. Черданцев. – М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2003. – 381 с.
178. Шейнина, Е. Я. Энциклопедия символов [Текст] / Е. Я. Шейнина. – М. : АСТ ; Харьков : Торсинг, 2003. – 591 с.
179. Шпенглер, О. Человек и техника [Текст] / О. Шпенглер // Культурология. XX век. Антология. – М. : Юрист, 1995. – 674 с. - С. 465–497.
180. Шугрина, Е. С. Техника юридического письма [Текст] : учеб.-практ. пособие / Е. С. Шугрина. – 3-е изд. – М. : Дело, 2001. – 272 с.
181. Шутак, И. Д. Теория и практика оговорок в праве: Система понятий [Текст] : терминологический словарь / И. Д. Шутак. – СПб. : Алетейя, 2001. – 203 с.
182. Шюц, А. Избранное: Мир, светящийся смыслом [Текст] : пер. с нем. и англ. / А. Шюц. – М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. – 1056 с.
183. Элементарные начала общей теории права [Текст] : учеб. пособие для вузов / под общ. ред. д-ра юрид. наук, проф. В. И. Червонюка. – М. : КолосС, 2003. – 544 с. – (Право и закон).
184. Энциклопедия символов [Текст] / сост. В. М. Рошаль. – М. : АСТ ; СПб. : Сова, 2005. – 515 с.

185. Энциклопедия символов, знаков, эмблем [Текст] / авт.-сост. В. Андреева [и др.]. – М. : Астрель ; АСТ, 2004. – 556 с.
186. Юнг, К. Г. Архетип и символ [Текст] / К. Г. Юнг. – М. : Ренессанс, 1991. – 304 с.
187. Юнг, К. Г. Человек и его символы [Текст] / К. Г. Юнг ; ред. С. Н. Сиренко. – М. : Серебряные нити, 1997. – 368 с.
188. Юридическая техника [Текст] : учеб. пособие по подготовке законодательных и иных нормативных правовых актов органами исполнительной власти / Т. Я. Хабриева, Н. А. Власенко. – М. : Эксмо, 2010. – 272 с.
189. Язык закона [Текст] / под ред. А. С. Пиголкина. – М.: Юрид. лит., 1990. – 200 с.
190. Britannica : настол. энцикл. [Текст] : пер. с англ. : в 2 т. Т. 1 / гл. ред. Т. Папас. – М. : Астрель ; Тверь : АСТ, 2006. – 1168 с.

Диссертации и авторефераты

191. Аносова, М. М. Современный системный нормативный подход к правопониманию и правоприменению: проблемы теории и практики [Текст] : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / М. М. Аносова. – Владимир, 2007. – 29 с.
192. Аверин, А. В. Судебное правоприменение и формирование научно-правового сознания судей [Текст] : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / А. В. Аверин. – Саратов, 2004. – 49 с.
193. Бакланов, П. А. Профессиональные символы государственной службы (социологический анализ) [Текст] : автореф. дис. ... канд. социол. наук / П. А. Бакланов. – М., 2007. – 26 с.
194. Бачернихина, М. В. Техника установления фактических обстоятельств юридического дела [Текст] : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / М. В. Бачернихина. – Владимир : ВЮИ ФСИН России, 2011. – 26 с.
195. Березовская, Е. В. Правотолкование и индивидуально-правовое регулирование [Текст] : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Е. В. Березовская. – Казань, 2005. – 34 с.
196. Бокова, И. Н. Юридическая техника в уголовном законодательстве (теоретико-прикладной анализ гл. 22 УК РФ) [Текст] : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / И. Н. Бокова. – Н. Новгород, 2002. – 25 с.
197. Бунина, Ю. М. Правотворчество как вид юридической деятельности [Текст] : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Ю. М. Бунина. – СПб., 2004. – 25 с.
198. Веркиенко, Л. В. Применение права органами исполнительной власти Российской Федерации [Текст] : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Л. В. Веркиенко. – М., 2002. – 25 с.
199. Волкова, Е. И. Судебное правоприменение как познавательно-оценочная деятельность: вопросы теории [Текст] : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Е. И. Волкова. – Белгород, 2009. – 22 с.
200. Глушаков, А. Ю. Государственно-правовые символы в системе легитимации публичной власти древней и средневековой Руси IX – I полови-

ны XV в. (историко-правовое исследование) [Текст] : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / А. Ю. Глушаков. – СПб., 2003. – 26 с.

201. Градов, А. Л. Правовое регулирование электронного документооборота в таможенной сфере [Текст] : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / А. Л. Градов. – СПб., 2004. – 22 с.

202. Гук, П. А. Судебная практика как форма судебного нормотворчества в правовой системе России: общетеоретический анализ [Текст] : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / П. А. Гук. – М., 2012. – 49 с.

203. Дорофеев, М. В. Правоприменительная деятельность по исполнению судебных актов: теоретико-прикладной аспект [Текст] : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / М. В. Дорофеев. – СПб., 2004. – 24 с.

204. Илясов, А. Н. Правоприменительная техника и правоприменительная технология (теоретико-правовой анализ) [Текст] : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / А. Н. Илясов. – Саратов, 2008. – 30 с.

205. Исаева, Л. А. Юридические технологии в деятельности уголовно-исполнительной системы [Текст] : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / А. Л. Исаева. – Владимир, 2008. – 25 с.

206. Кажлаев, С. А. Генезис и способы универсализации правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации [Текст] : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / С. А. Кажлаев. – М., 2006. – 26 с.

207. Карев, Я. А. Правовое регулирование использования электронных документов в договорных отношениях [Текст] : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Я. А. Карев. – М., 2005. – 34 с.

208. Коваленко, Е. М. Концепции символа в философии культуры XX века [Текст] : автореф. дис. ... канд. филос. наук / Е. М. Коваленко. – Ростов н/Д, 2005. – 25 с.

209. Ковлакас, Н. В. Нравственные критерии правоприменительной деятельности [Текст] : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Н. В. Ковлакас. – Ростов н/Д, 2009. – 27 с.

210. Колесник, И. В. Проблемы формирования и реализации концепции правоприменительной технологии в современной России [Текст] : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / И. В. Колесник. – Ростов н/Д, 2007. – 31 с.

211. Коробов, С. А. Правоисполнительная деятельность в современном российском обществе: проблемы теории [Текст] : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / С. А. Коробов. – Владимир, 2006. – 22 с.

212. Кудряшов, О. В. Социально-экономические и юридические гарантии обеспечения законности в правоприменительной деятельности [Текст] : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / О. В. Кудряшов. – М., 2007. – 24 с.

213. Логинов, А. С. Правоприменительная техника [Текст] : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / А. С. Логинов. – Н. Новгород, 2011. – 36 с.

214. Мамчун, В. В. Правоприменительный риск [Текст] : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / В. В. Мамчун. – Н. Новгород, 1999. – 21 с.

215. Мещеряков, Д. Д. Правоприменительная тактика : Проблемы теории и практики [Текст] : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Д. Д. Мещеряков. – Н. Новгород, 2005. – 26 с.
216. Миняшева, Г. И. Юридическая технология подготовки правоприменительных актов в уголовно-исполнительной системе [Текст] : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Г. И. Миняшева. – Владимир, 2012. – 18 с.
217. Никитин, А. В. Правовые символы [Текст] : автореф. дис... канд. юрид. наук / А. В. Никитин. – Н. Новгород, 1999. – 29 с.
218. Паламарчук, В. М. Правоприменение в правовом государстве [Текст] : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / В. М. Паламарчук. – М., 2011. – 24 с.
219. Парамонов, А. Р. Техничко-юридическое качество законодательных актов: теоретические и прикладные аспекты [Текст] : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. / А. Р. Парамонов. – М., 2000. – 25 с.
220. Попенков, Е. А. Юридическая техника правоинтерпретационной деятельности [Текст] : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Е. А. Попенков. – СПб., 2003. – 20 с
221. . Потапенко, Е. Г. Теоретические основы правовой интеграции [Текст] : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Е. Г. Потапенко. – Саратов, 2010. – 26 с.
222. Радаева, С. В. Юридическая техника как условие повышения эффективности правосудия [Текст] : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / С. В. Радаева. – Саратов, 2011. – 26 с.
223. Рафиков, Р. Р. Судебное правоприменение: теоретико-правовой анализ [Текст] : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Р. Р. Рафиков. – Н. Новгород, 2006. – 19 с.
224. Румянцева, Е. В. Техника конструирования и применения диспозиций статей о налоговых преступлениях (ст. 198–199.2 УК РФ) [Текст] : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Е. В. Румянцева. – Казань, 2007. – 19 с.
225. Спиридонова, О. Е. Символ – предмет преступления [Текст] : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / О. Е. Спиридонова. – Казань, 2002. – 20 с.
226. Тенетко, А. А. Юридическая техника правоприменительных актов [Текст] : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / А. А. Тенетко. – Екатеринбург, 1999. – 23 с.
227. Тюрин, М. Г. Архетипы национальной правовой культуры [Текст] : автореф. дис ... канд. юрид. наук / М. Г. Тюрин. – Ростов н/Д, 2008. – 29 с.
228. Халиков, Р. О. Правовой режим электронного документа: вопросы использования электронной цифровой подписи [Текст] : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Р. О. Халиков. – Казань, 2006. – 28 с.
229. Чаусская, О. А. Применение норм гражданского права: вопросы теории и практики [Текст] : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. / О. А. Чаусская. – Саратов, 2002. – 22 с.

230. Чигидин, А. П. Юридическая техника российского законодательства [Текст] : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / А. П. Чигидин. – М., 2002. – 23 с.

231. Шалагинов, П. Д. Функции правовых символов [Текст] : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / П. Д. Шалагинов. – Н. Новгород, 2007. – 26 с.

232. Ядринцева, О. В. Индивидуально-договорное правоприменение [Текст] : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / О. В. Ядринцева. – Н. Новгород, 2006. – 28 с.

Печатная периодика

233. Алеев, Р. Символы правосудия [Текст] / Р. Алеев // Бюллетень нотариальной практики. – 2005. – № 3. – С. 47–48.

234. Александров, А. С. Юридическая техника – судебная лингвистика – грамматика права [Текст] / А. С. Александров // Проблемы юридической техники : сб. ст. / под ред. д-ра юрид. наук, проф. В. М. Баранова. – Н. Новгород, 2000. – С. 101–108.

235. Алексеев, С. С. Правовые средства: постановка проблемы, понятие, классификация [Текст] / С. С. Алексеев // Советское государство и право. – 1987. – № 6. – С. 12–19.

236. Астаповский, В. Е. Политическая символика в нормативно-оценочной составляющей политической культуры белорусов [Текст] / В. Е. Астаповский, Б. М. Соколов // Проблемы управления. – 2009. – № 4 (33). – С. 100–104.

237. Баранов, В. М. Предисловие [Текст] / В. М. Баранов // Проблемы юридической техники : сб. ст. / под ред. В. М. Баранова. – Н. Новгород, 2000. – С. 10–13.

238. Бардаков, А. И. Вертикаль власти в РФ: современное состояние и перспективы развития [Текст] / А. И. Бардаков // Философия права. – 2002. – № 1. – С. 33–39.

239. Бахчисарайцев, Х. Э. О законодательной технике и о языке нормативных актов [Текст] / Х. Э. Бахчисарайцев // Правоведение. – 1960. – № 4. – С. 3–9.

240. Бибило, В. Н. Воздействие судебной практики на белорусское правосудие [Текст] / В. Н. Бибило // Модернизация функций права и государства: традиции, установки, тенденции, перспективы : сб. материалов IX Междунар. науч.-практ. конф. (10–11 декабря 2011 г.) : в 3 т. / сост. В. В. Груздев. – Кострома : Изд-во КГУ им. Н. А. Некрасова, 2012. – Т. 1. – 400 с. – С. 7–13.

241. Боголюбов, С. А. Культура законодательной техники [Текст] / С. А. Боголюбов // Журнал российского права. – 2006. – № 10. – С. 52–55.

242. Братусь, С. Н. Юридическая ответственность и сознание долга [Текст] / С. Н. Братусь // Вопросы теории государства и права : Межвуз. науч. сб. – Саратов, 1983. – С. 49–51.

243. Витгенштейн, Л. Философские исследования [Текст] / Л. Витгенштейн // Языки как образ мира / под ред. К. С. Королева. – СПб. : АСТ, 2003. – 568 с.
244. Воеводин, Л. Д. Юридическая техника в конституционном праве [Текст] / Л. Д. Воеводин // Вестник Московского государственного университета. Серия 11, Право. – 1997. – № 3. – С. 3–29.
245. Вопленко, Н. Н. Правовая символика и международное право [Текст] / Н. Н. Вопленко // Российская правовая система и международное право: современные проблемы взаимодействия : сб. ст. / под ред. В. М. Баранова. – Н. Новгород : Изд-во Нижегород. ВШ МВД РФ, 1998.
246. Вопленко, Н. Н. Правовая символика [Текст] / Н. Н. Вопленко // Правоведение. – 1995. – № 4–5. – С. 71–73.
247. Вопленко, Н. Н. Толкование права [Текст] / Н. Н. Вопленко // Общая теория права. Курс лекций / под общ. ред. проф. В. К. Бабаева. – Н. Новгород : Изд-во Нижегород. ВШ МВД РФ, 1993. – С. 368 - 386.
248. Глушаков, А. Ю. Символы в истории цивилизации: юридический аспект [Текст] / А. Ю. Глушаков // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. – СПб., 2008. – № 12 (85) : Общественные и гуманитарные науки (философия, история, социология, политология, культурология, искусствоведение, языкознание, литературоведение, экономика, право). – С. 309–315.
249. Горшенев, В. М. Нетипичные нормативные предписания в праве [Текст] / В. М. Горшенев // Советское государство и право. – 1978. – № 3. – С. 113–117.
250. Давыдова, М. Л. Правовые символы и символы в праве: понятие, значение, классификация [Текст] / М. Л. Давыдова // Юридическая техника. – 2008. – № 2. – С. 56–62.
251. Давыдова, М. Л. Рецензия на книгу Кашаниной Т. В. «Юридическая техника» [Текст] / М. Л. Давыдова // Правоведение. – 2007. – № 3. – С. 259–263.
252. Денисов, Г. И. Юридическая техника: теория и практика [Текст] / Г. И. Денисов // Журнал российского права. – 2005. – № 8. – С. 32–40.
253. Закатнова, А. Поправка – не правка [Текст] / А. Закатнова // Российская газета. – 2010. – 8 дек. (федер. вып. № 5356 (277)).
254. Зейдер, Н. Б. Предмет и система советского гражданского процессуального права [Текст] / Н. Б. Зейдер // Правоведение. – 1962. – № 3. – С. 70–71.
255. Игнатъев, Р. Россия вновь обрела свои символы [Текст] / Р. Игнатъев // Российская газета. – 1993. – 17 дек.
256. И. де Сол Пул. Символы демократии [Текст] / И. де Сол Пул ; пер. А. А. Аникина // Политическая лингвистика. – 2009. – № 27. – С. 185–190.
257. Калинин, С. А. О пределах правовой интеграции [Текст] / С. А. Калинин // Молодь у юридичній науці : зб. тез Міжнар. наук. конф. молодих вчених «Четверті осінні юридичні читання», Хмельницький, 21–22 жовт.

2005 р. / Хмельницький інститут регіонального управління та права. – Хмельницький : Видавництво Хмельницького інституту регіонального управління та права, 2005. – Ч. 1. – С. 46–48.

258. Калмыков, Ю. Х. Вопросы толкования и применения гражданско-правовых норм [Текст] / Ю. Х. Калмыков // Гражданское право. – 2008. – № 3. – С. 5–8.

259. Капусткин, А. С. Награда как правовой символ [Текст] / А. С. Капусткин // Государственная власть и местное самоуправление. – 2012. – № 5. – С. 15–19.

260. Карташов, В. Н. Правосистематизирующая технология (краткий очерк) [Текст] / В. Н. Карташов // Систематизация законодательства в России. – Н. Новгород, 2008. – С. 284–296.

261. Карташов, В. Н. Юридическая технология или юридическая техника? Некоторые методологические аспекты исследования [Текст] / В. Н. Карташов // Юридическая техника. – 2007. – № 1. – С. 16–24.

262. Карташов, В. Н. Юридическая техника, тактика, стратегия и технология (к вопросу о соотношении) [Текст] / В. Н. Карташов // Проблемы юридической техники : сб. ст. / под ред. В. М. Баранова. – Н. Новгород, 2000. – 823 с. – С. 17–21.

263. Кассирер, Э. Техника современных политических мифов [Текст] / Э. Кассирер // Вестник Моск. ун-та. Серия 7, Философия. – 1990. – № 2. – С. 58–69.

264. Кашанина, Т. В. Индивидуальное регулирование в правовой сфере [Текст] / Т. В. Кашанина // Советское государство и право. – 1992. – № 1. – С. 122–131.

265. Кашанина, Т. В. Соотношение централизованного и децентрализованного правового регулирования [Текст] / Т. В. Кашанина // Правоведение. – 1991. – № 4. – С. 54–64.

266. Керимов, Д. А. Проблемы законодательной техники [Текст] / Д. А. Керимов // Международное и национальное уголовное законодательство: проблемы юридической техники : материалы III Междунар. науч.-практ. конф., состоявшейся на юрид. фак. МГУ им. М. В. Ломоносова, 29–30 мая 2003 г. – М. : ЛексЭст, 2004. – 456 с. – С. 16–19.

267. Кокурин, А. С. Правовая природа Конституционного Суда РФ как правозащитного органа [Текст] / А. С. Кокурин // Право: теория и практика. – 2003. – № 4. – С. 4–11.

268. Колдобская, М. Символы на параде : (О российской государственной символике) [Текст] / М. Колдобская // Новое время. – 1997. – № 35. – С. 33–34

269. Колесник, И. В. Правоприменительная технология в системе юридического образования [Текст] / И. В. Колесник // Антология научной мысли : К 10-летию Российской академии правосудия : сб. ст. – М. : Статут, 2008. – С. 455–468.

270. Колесник, И. В. Техника применения норм права и правоприменительная технология: единство, различие, взаимодействие [Текст] / И. В. Колесник // Юридическая наука и практика. – 2011. – № 3. – С. 337–341.
271. Колоколов, Н. А. История российского правосудия: проблемы познания [Текст] / Н. А. Колоколов // История государства и права. – 2009. – № 10. – С. 5–10.
272. Копосов, Н. Е. Замкнутая вселенная символов: к истории лингвистической парадигмы [Текст] / Н. Е. Копосов // Социологический журнал. – 1997. – № 4. – С. 33–47.
273. Корнев, А. В. О некоторых аспектах законодательной деятельности в России [Текст] / А. В. Корнев // Российское законодательство: становление и применение : (реферативный сборник). – М. : Академия управления МВД РФ, 1993. – С. 14-26
274. Кругликов, Л. Л. О средствах законодательной техники в уголовном праве [Текст] / Л. Л. Кругликов // Проблемы юридической техники в уголовном и уголовно-процессуальном законодательстве : сб. науч. ст. – Ярославль, 1996.
275. Лейбин, В. М. Архетип [Текст] / В. М. Лейбин // Современная западная философия : словарь. – М. : Политиздат, 1991. – С. 28.
276. Леонтьев, А. А. Знак и деятельность [Текст] / А. А. Леонтьев // Вопросы философии. – 1975. – № 10. – С. 118–126.
277. Леонтьев, А. А. Знак [Текст] / А. А. Леонтьев // Философские проблемы психологии общения. – Фрунзе: Изд-во ин. – та фил. и права 1976. – С. 3–12.
278. Липень, С. В. Принципиальный вопрос совершенствования законодательства [Текст] / С. В. Липень // Российское законодательство: становление и применение : (реферативный сборник). – М. : Изд-во Юристъ, 1993. – С. 54-61
279. Литвинова, И. Новый герб, гимн и флаг Латвии [Текст] / И. Литвинова // Известия. – 1990. – 28 февр.
280. Лихачева, Л. С. Символические формы передачи социокультурного опыта в этикете [Текст] / Л. С. Лихачева // Культура и традиции. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун. - та ; Нижневартовск : Изд-во Нижневарт. пед. ун. - та, 1995. – С. 191-205.
281. Лосев, А. Ф. Знак. Символ. Миф [Текст] / А. Ф. Лосев // Труды по языкознанию. – М. : Изд-во МГУ, 1982. – С. 246–279.
282. Лосев, А. Ф. Символ [Текст] / А. Ф. Лосев // Философская энциклопедия. – 1970. – Т. 5. – С. 10–11.
283. Лысенко, О. В. К проблеме полифункциональности ритуального символа (на примере белорусских «писанок») [Текст] / О. В. Лысенко // Религоведческие исследования в этнографических музеях : сб. науч. тр. ГМЭ. – Л., 1990. – С. 17–23.
284. Малько, А. В. Правовые средства: вопросы теории и практики [Текст] / А. В. Малько // Журнал российского права. – 1998. – № 8. – С. 66–77.

285. Малько, А. В. Правовые средства как общетеоретическая проблема [Текст] / А. В. Малько // Известия ВУЗов. Правоведение. – 1999. – № 2. – С. 4–16.
286. Махин, С. Новая Россия – новые символы: какими могут быть флаг и ордена России [Текст] / С. Махин // Новое время. – 1996. – № 20. – С. 36–37
287. Мейзерский, В. М. Проблемы интерпретации в средневековой герменевтике [Текст] / В. М. Мейзерский // Философская мысль. – 1990. – № 6. – С. 75–85.
288. Мельниченко, Р. Г. Мантия для адвоката [Текст] / Р. Г. Мельниченко // Адвокатская практика. – 2008. – № 5. – С. 16–18.
289. Миронов, А. Н. Виды юридических технологий в правотворческой и правоприменительной сферах [Текст] / А. Н. Миронов, К. Р. Мурсалимов, А. С. Логинов // Юридическая техника. – 2008. – № 2. – С. 70–72.
290. Миронов, А. Н. К вопросу о понятии и элементах юридической технологии [Текст] / А. Н. Миронов // Юридическая техника. – 2007. – № 1. – С. 44–47.
291. Мисюров, Д. А. Политическая символика: структура и функции [Текст] / Д. А. Мисюров // Вестн. Моск. ун-та. Серия 12, Полит. науки. – 1999. – № 1. – С. 43–57.
292. Муромцев, Г. И. Юридическая техника: некоторые аспекты содержания понятия [Текст] / Г. И. Муромцев // Проблемы юридической техники : сб. ст. – Н. Новгород, 2000. – С. 29–31.
293. Никитин, А. В. Классификация правовых символов [Текст] / А. В. Никитин // Современные проблемы правоохранительной деятельности: тезисы выступлений адъюнктов и соискателей на межвузовской научной конференции 10 июня 1993 г. / отв. ред. С. П. Гришин. – Н. Новгород : Изд-во Нижегородской высшей школы МВД РФ, 1993. – С.38-41.
294. Никитин, А. В. Нижегородская правовая символика: история и современность [Текст] / А. В. Никитин // Город славы и верности России. – Н. Новгород : Управление культуры Администрации г. Н. Новгорода, 1996. – С.12-16.
295. Никитин, А. В. Правовой символ как прием юридической техники [Текст] / А. В. Никитин // Проблемы юридической техники : сб. ст. / под ред. В. М. Баранова. – Н. Новгород, 2000. – С. 44–45.
296. Никитин, А. В. Формы реализации функции правового символа: понятие и виды [Текст] / А. В. Никитин // «Черные дыры» в российском законодательстве : юрид. журн. – 2007. – № 6. – С. 22–24.
297. Новицкий, В. А. Судебное правоприменение: понятие и проблемы соотношения с другими формами реализации права [Текст] / В. А. Новицкий // Вестник Ставропольского университета. – 2011. – № 76. – С. 229–233.
298. Осокин, А. А. Правовое содержание коммерческого обозначения [Текст] / А. А. Осокин // Правовое содержание коммерческого обозначения // Патенты и лицензии. – 2000. – № 12. – С. 33–35.

299. Отческа, Т. И. Правоприменительная деятельность судебных органов в сфере гражданских (арбитражных) правоотношений [Текст] / Т. И. Отческа // Вестник Тюменского государственного университета. – 2009. – № 2. – С. 204–208.
300. Павлов-Сильванский, Н. П. Феодализм в России. Прил. 1 : Символизм в древнем русском праве [Текст] / Н. П. Павлов-Сильванский. – М., 1988. – С. 482–506.
301. Пастухов, В. Б. Становление российской государственности и конституционный процесс: политологический аспект [Текст] / В. Б. Пастухов // Государство и право. – 1993. – № 2. – С. 89–96.
302. Проскурин, С. Г. Индоевропейские ритуалы и право. К вопросу о сетевом характере международного права [Текст] / С. Г. Проскурин // Критика и семиотика. – 2009. – Вып. 13. – С. 102–111.
303. Пьянов, Н. А. Уровни правового регулирования [Текст] / Н. А. Пьянов // Актуальные проблемы правотворчества и правоприменительной деятельности в России : материалы науч.-практ. конф. – Иркутск, 1998. – С. 3–4.
304. Решенкин, А. Г. О языке судопроизводства и стиле судебного акта [Текст] / А. Г. Решенкин, Н. В. Павлов // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. – 2001. – № 7. – С. 114–121.
305. Санников, С. В. Генезис и типология потестарно-правовых символов германских «варварских королевств» : к постановке проблемы [Текст] / С. В. Санников // Исторические исследования в Сибири: проблемы и перспективы : сб. материалов II регион. молодеж. науч. конф. - Новосибирск, 2008. – С. 29–37.
306. Символ в системе культуры [Текст] // Учен. зап. Тартус. ун-та. Труды по знаковым системам. Вып. 754. – Тарту, 1987. – С. 10–21.
307. Синицина, И. Символы власти и права в искусстве [Текст] / И. Синицина // Азия и Африка сегодня. – 1997. – № 6. – С. 68–71.
308. Слепченко, Е. В. Конституционное судопроизводство: понятие, особенности [Текст] / Е. В. Слепченко // Юридический мир. – 2009. – № 2. – С. 18–23.
309. Соловьев, О. Г. О видах юридической техники [Текст] / О. Г. Соловьев // Юридическая техника. – 2008. – № 2. – С. 67–69.
310. Суменков, С. Ю. Целевое предназначение исключений в праве [Текст] / С. Ю. Суменков // Вестник Саратовской государственной академии права. – 2009. – № 5. – С. 30–33.
311. Тахо-Годи, А. А. Термин «символ» в древнегреческой литературе [Текст] / А. А. Тахо-Годи // Вопросы классической литературы. – М., 1980. – Вып. 7.
312. Тихомирова, Ю. В. Понятие гражданского судопроизводства и деление его на виды в теории гражданского процессуального права [Текст] / Ю. В. Тихомирова // Юриспруденция. – 2009. – № 13. – С. 95–101.

313. Тихомиров, Ю. А. Юридическая техника – инструмент правотворчества и правоприменения [Текст] / Ю. А. Тихомиров // Юридическая техника. – 2007. – № 1. – С. 12–16.

314. Топорков, А. Л. Символика и ритуальные функции предметов материальной культуры [Текст] / А. Л. Топорков // Этнографическое исследование знаковых средств культуры. – Л., 1989. – С. 89–101.

315. Трикоз, Е. Н. Формирование древнеегипетского права: У истоков древнейшей правовой традиции [Текст] / Е. Н. Трикоз // Правоведение. – 2005. – № 1. – С. 183–193.

316. Ушаков, А. А. О понятии юридической техники и ее основных проблемах [Текст] / А. А. Ушаков // Учен. зап. Перм. гос. ун-та. Юридические науки. – Пермь, 1961. – Т. 19. – Вып. 5. – С. 81–83.

317. Хорунжий, С. С. Философский символизм Флоренского и его жизненные истоки [Текст] / С. С. Хорунжий // Историко-философский ежегодник. – М., 1988. – С. 180–201

318. Чернейко, Л. О. Оценка в знаке и знак в оценке [Текст] / Л. О. Чернейко // Филологические науки. – 1990. – № 2. – С. 72–82.

319. Чернов, А. Герб России: традиция против заблуждений [Текст] / А. Чернов // Известия. – 1993. – 14 сент.

320. Чигидин, Б. В. К вопросу о понятии юридической техники [Текст] / Б. В. Чигидин // Представительная власть XXI век: законодательство, комментарии, проблемы. – 2002. – № 5–6. – С. 47–48.

*Источники на электронных носителях удаленного доступа
(интернет-источники)*

321. Багинский, А. В. Политическая символика как средство коммуникации [Электронный ресурс] / А. В. Багинский. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://msu-research.ru/index.php/politics/112-kommunikativistics/1924-simvolika> (дата обращения: 12.09.2011). – Загл. с экрана.

322. Бердяев, Н. Философия свободного духа. Гл. 2 : Символ, миф и догмат [Электронный ресурс]. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://www.vehi.net/berdyaev/fsduha/02.html> (дата обращения: 04.06.2011). – Загл. с экрана.

323. Богишич, В. В. О технических терминах в законодательстве [Электронный ресурс] / В. В. Богишич. – Петроград : Издание Русско-Славянского книжного магазина, 1890. – 36 с. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://www.oldlawbook.narod.ru/tech.htm> (дата обращения: 03.05.2011). – Загл. с экрана.

324. Быкова, Т. Н. Политическая символика: к проблеме определения и происхождения [Электронный ресурс] / Т. Н. Быкова // Вестник Севастопольского национального технического университета. Вып. 91. – С. 145–148. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: www.seventu.com.ua/

jspui/bitstream/123456789/449/3/91-30.pdf (дата обращения: 17.08.2011). – Загл. с экрана.

325. Васьковский, Е. В. Руководство к толкованию и применению законов. Для начинающих юристов [Электронный ресурс] / Е. В. Васьковский. – М. : Изд. Бр. Башмаковых, типо-литография товарищества И. Н. Кушнерев и Ко, 1913. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: www.miigaik.ru/prav.miigaik.ru/.../20110216182856-6167.doc (дата обращения: 06.02.2011). – Загл. с экрана.

326. Виноградов, С. Н. Логика [Электронный ресурс] : учебник для средней школы / С. Н. Виноградов ; под ред. А. А. Чудова. – М. : Гос. изд-во полит. лит., 1947. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://intoclassics.net/load/4-1-0-1082> (дата обращения: 18.04.2011). – Загл. с экрана.

327. Востриков, Г. Г. Программа курса «Предпринимательское право» [Электронный ресурс] / Г. Г. Востриков. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: biblioteka.ru/kodex-7/index.htm (дата обращения: 18.08.2012). – Загл. с экрана.

328. ГАС «Правосудие» [Электронный ресурс]. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://www.sudrf.ru>. – Загл. с экрана.

329. Гаврилов, Р. Складки судейской мантии [Электронный ресурс] / Р. Гаврилов // Новые известия. – 2004. – 03 июня. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://www.newizv.ru/accidents/2004-06-03/7080-skladki-sudejskoj-mantii.html>. – Загл. с экрана.

330. Гаджиев, К. С. Введение в политическую науку [Электронный ресурс] / К. С. Гаджиев. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://www.twirpx.com/file/106568/> (дата обращения: 06.09.2011) – Загл. с экрана.

331. Гордиенко, П. Техника систематизации права: понятие, средства, правила [Электронный ресурс] / П. Гордиенко. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://www.lap-publishing.com/catalog/details/store/gb/book/978-3-8465-5456-2>. – Загл. с экрана.

332. ГОСТ Р 51511-2001 Печати с воспроизведением Государственного герба Российской Федерации. Форма, размеры и технические требования [Электронный ресурс]. – М. : Госстандарт, 2001. – С. 1–9. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: vsegost.com (дата обращения: 17.01.2012). – Загл. с экрана.

333. День государственного флага России. История российского триколора [Электронный ресурс]. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: http://www.inmoment.ru/holidays/flag_of_rossii.html. – Загл. с экрана.

334. Ефименко, П. Юридические знаки (опыт исследования по сравнительному обычному праву) [Электронный ресурс] / П. Ефименко // Журнал Министерства народного просвещения. – 1874. – Окт. – С. 53–83. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа:

<http://forum.yurclub.ru/index.php?showtopic=220895&st=8> (дата обращения: 16.03.2011). – Загл. с экрана.

335. Жунусова, Ж. Судейская мантия с пятнами позора [Электронный ресурс] / Ж. Жунусова // *Общественная позиция*. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://www.taszhargan.info>. – Загл. с экрана.

336. Конституционный Закон Республики Казахстан от 24.01.1996 № 2797 «О Государственных символах Республики Казахстан» [Электронный ресурс]. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://www.pavlodar.com/zakon/?dok=00076&ogl=all>. – Загл. с экрана.

337. Культурология. XX век [Электронный ресурс] : энциклопедия / гл. ред. С. Я. Левит. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: www.culture.niv.ru/doc/culture/encuclopedia-xx-vek (дата обращения: 21.11.2011). – Загл. с экрана..

338. Лобжанидзе, Б. Д. Метафоры, образы и символы в политическом детективе [Электронный ресурс] / Б. Д. Лобжанидзе. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: www.pglu.ru/lib/publications/University_Reading/2008/II/uch_2008_II_0013.pdf. – Загл. с экрана.

339. Мисюров, Д. Л. Политическая реклама: между рекламой и идеологией [Электронный ресурс] / Д. Л. Мисюров. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://www.novopol.ru/article34.html> (дата обращения: 04.10.2011) – Загл. с экрана.

340. Определение Конституционного Суда РФ от 11.11.2008 № 556-О-Р [Электронный ресурс]. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: www.ksrf.ru (дата обращения: 14.03.2011). – Загл. с экрана.

341. Определение Конституционного Суда РФ от 13.01.2000 № 6-О [Электронный ресурс]. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: www.ksrf.ru (дата обращения: 14.03.2011). – Загл. с экрана.

342. Официальный сайт Верховного Суда США [Электронный ресурс]. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://www.supremecourt.gov/about/traditions.aspx>. – Загл. с экрана.

343. Помощникам судей упростят доступ к судейской мантии [Электронный ресурс]. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://inforotor.ru/news/21566490>. – Загл. с экрана.

344. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10.10.2003 № 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации» [Электронный ресурс]. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: www.vsrif.ru (дата обращения: 24.06.2011). – Загл. с экрана.

345. Праздник 22 августа – День государственного флага России. История российского триколора [Электронный ресурс]. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: http://www.inmoment.ru/holidays/flag_of_rossii.html (дата обращения: 04.10.2011). – Загл. с экрана.

346. Приказ Генерального директора Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации от 25 января 1999 г. № 5 «Об утверждении Инструкции о порядке выдачи мантий судьям судов общей юрисдик-

ции Российской Федерации, нормах и сроках их носки» // [Электронный ресурс] – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://base.garant.ru/12107240/>

347. Регламент Конституционного Суда от 24.01.2011 [Электронный ресурс] – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: www.ksrf.ru (дата обращения: 14.03.2011). – Загл. с экрана.

348. Решения Конституционного Суда РФ [Электронный ресурс]. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://www.ksrf.ru/Decision/Pages/default.aspx>.от17.03.2011 (дата обращения: 04.10.2011). – Загл. с экрана.

349. Решение Киквидзенской районной думы Волгоградской области от 08.04.2011 № 138/16 «Об утверждении Положения о порядке опубликования (обнародования) муниципальных правовых актов» [Электронный ресурс]. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://zakonprost.ru/content/regional/10/1399559>. – Загл. с экрана.

350. Санников, С. В. Потестарно-правовые символы «варварских королевств» [Электронный ресурс] / С. В. Санников. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://www.nsu.ru/classics/law/sannikov-simboly.pdf>. – Загл. с экрана.

351. Символы судебной власти [Электронный ресурс] // Официальный сайт Высшей судебной палаты Республики Молдова. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://www.csj.md/content.php?menu=1705&lang=6>. – Загл. с экрана.

352. Стратегия инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 г. : (проект) [Электронный ресурс] // Официальный сайт Минэкономразвития РФ. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: http://www.economy.gov.ru/wps/wcm/connect/economylib4/mer/activity/sections/innovations/development/doc20111020_1. – Загл. с экрана.

353. Традиционная и современная технология (философско-методологический анализ) [Электронный ресурс]. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://www.philosophy.ru/iphras/library/technol.html> (дата обращения: 18.12.2011). – Загл. с экрана.

354. Универсальная эмблема прав человека [Электронный ресурс]. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: www.ohchr.org/RU/NewsEvents/Stories/Pages/AuniversalemblemforHR.aspx (дата обращения: 17.05.2013). – Загл. с экрана.

355. Флаг России [Электронный ресурс]. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://s-simwol.narod.ru/p37aa1.html> (дата обращения: 25.01.2011). – Загл. с экрана.

356. Шаронова, А. А. Метафора и символ [Электронный ресурс] / А. А. Шаронова. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: tstu.ru/science/seminar/konf6/pdf/078.pdf. – Загл. с экрана.

357. Der Bundesgerichtshof // Официальный сайт Федерального суда Германии [Electronic resours]. – Electronic text data. – Mode of access: http://www.bundesgerichtshof.de/DE/Home/home_node.html. – Title from screen.

358. Federal Court of Australia Act 1976. [Electronic resours]. – Electronic text data. – Mode of access: <http://www.comlaw.gov.au/Series/C2004A01586>

359. Statue at Shelby County Courthouse, located in Memphis, Tennessee. [Electronic resours]. – Electronic text data. – Mode of access: <http://upload.wikimedia.org/wikipedia/commons/5/53/JMR-Memphis1.jpg?uselang=ru>. – Title from screen.

360. The Court and Its Traditions // Официальный сайт Верховного Суда США [Electronic resours]. – Electronic text data. – Mode of access: <http://www.supremecourt.gov/about/traditions.aspx>. – Title from screen.

361. The United States Flag: Federal Law Relating to Display and Associated Questions [Electronic resours] // CRS Report for Congress. – Electronic text data. – Mode of access: <http://www.senate.gov/reference/resources/pdf/RL30243.pdf>. – Title from screen.

362. Themis [Electronic resours]. – Electronic text data. – Mode of access: <http://xpowerxuniverse.com/dioses.html>. – Title from screen.

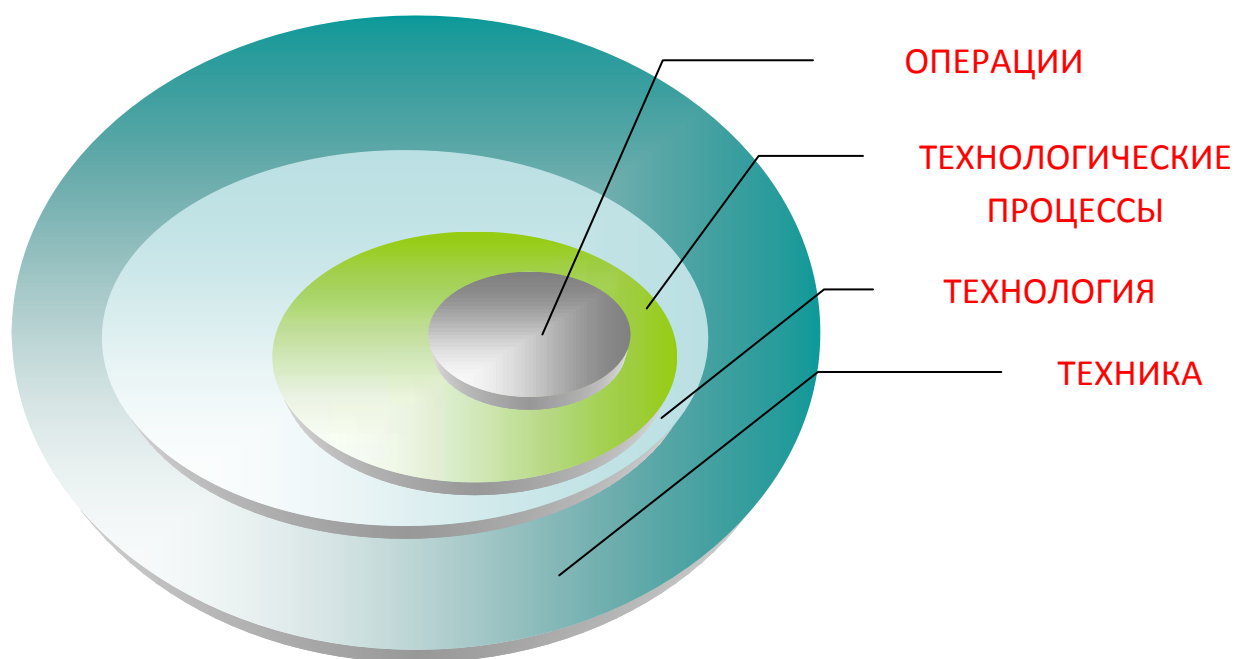
363. Themis – Greek Goddess of Law. – Tuesday, April 6, 2010 [Electronic resours]. – Electronic text data. – Mode of access: <http://bill-mybrisbane.blogspot.ru/2010/04/themis-greek-goddess-of-law.html>. – Title from screen.

364. Themis The Goddess of Justice [Electronic resours]. – Electronic text data. – Mode of access: <http://yayauhqui.deviantart.com/art/Themis-The-Goddess-of-Justice-40936828>. – Title from screen.

365. Themis with scales, sculpture at Chuo University, Tokyo «Themis». Photograph. Encyclopædia Britannica Online. Web. 09 Apr. 2013 [Electronic resours]. – Electronic text data. – Mode of access: <http://www.britannica.com/EBchecked/media/142478/Themis-with-scales-sculpture-at-Chuo-University-Tokyo>. – Title from screen.

366. This is lady justice perched on top of the Hays county court house [Electronic resours]. – Electronic text data. – Mode of access: <http://www.flickr.com/photos/rafaelmarquez/3259249440/>

367. United Kingdom - History of the Flag. – Electronic text data. – Mode of access: <http://www.crwflags.com/fotw/flags/gb-hist.html#scot>. – Title from screen.

Приложение 1**«Структура, или внутреннее содержание юридической техники»**

Приложение 2

«Соотношение техники и технологии в юридической деятельности»

Приложение 3

Трехуровневый состав (элементы) правоприменительной техники

1.
Общесоциальный
уровень
регулирувания
(Социальная
техника)

- 1.1 Научно-познавательные элементы познания общесоциальной деятельности
- методы (постулаты): методы-принципы, общенаучные методы
- правила
- приемы и средства
- 1.2 Общесоциальные регуляторы
- методы (способы) социального регулирования
- правила социального регулирования
- приемы и средства социального регулирования
- 1.3. Промышленно-технические (обеспечительные) регуляторы
- средства технического обеспечения социального регулирования

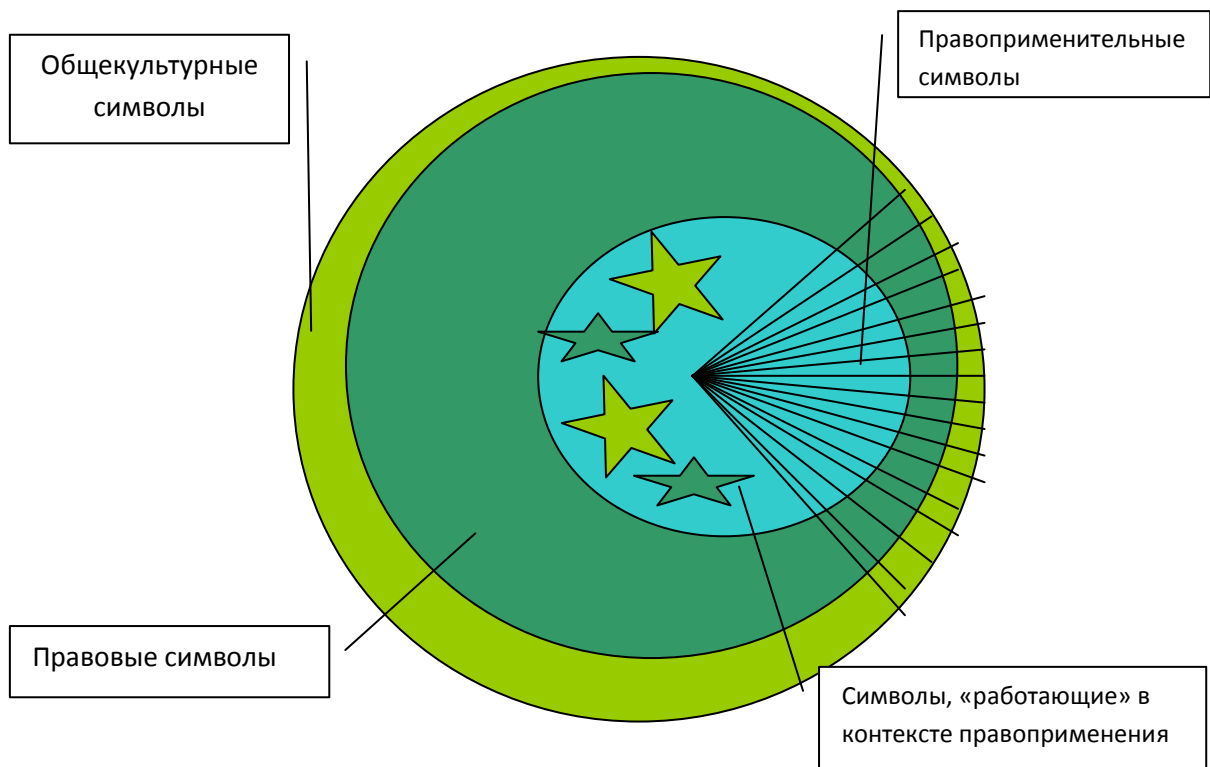
2. Уровень
правового
регулирувания
общественных
отношений
(Юридическая
техника)

- 2.1. Научно-познавательные элементы познания юридической деятельности
- частно-научные методы (постулаты) и способы (алгоритмы)
- правила
- средства
- 2.2. Специально-юридические элементы, характерные для любого вида юридической деятельности: общеправовые и юридико-отраслевые
- методы правового регулирования
- правила правового регулирования
- средства правового регулирования
- 2.3. Юридико-технические элементы, влияющие на эффективность юридической деятельности:
- Средства

3. Уровень
индивидуального
правового
регулирувания
(Правоприменительная
техника)

- 3.1. Специально-юридические отраслевые элементы
- методы индивидуального правового регулирования
- правила индивидуального правового регулирования
- средства индивидуального правового регулирования
- 3.2. Юридико-технические элементы: процедурно-процессуальные, знаково-графические, атрибутивно-изобразительные
- 3.3 Средства (преимущественно)

«Классификация правовых символов как средств правоприменительной техники»

«Виды судопроизводств в Российской Федерации»

